



ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru>

№ 1 (77) 2023

Редакционный совет

1. **Бут Надежда Дмитриевна**, доктор юридических наук, заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в социально-экономической сфере НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

2. **Воронов Александр Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Московского государственного университета

3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета

5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности «Военное право», профессор кафедры криминалистики Военного университета

6. **Свинных Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент

7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

8. **Субанова Наталья Викторовна**, доктор юридических наук, доцент, проректор Университета прокуратуры Российской Федерации

9. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии

10. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Юридические науки

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Решением президиума Высшей аттеста-
ционной комиссии при Минобрнауки
России от 26 апреля 2019 г. издание
с 7 мая 2019 г. включено в **Перечень
рецензируемых научных изданий, в
которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссер-
таций на соискание ученой степени
кандидата наук, ученой степени докто-
ра наук** по группе научных специаль-
ностей 20.00.00 — Военные науки (№ 794
Перечня по состоянию на 7.12.2022)

В период с 18 октября 2016 г. по 26 марта
2019 г. издание было включено в указан-
ный Перечень по группе научных специ-
альностей 12.00.00 — Юриспруденция

В соответствии с информационным
письмом ВАК Минобрнауки России
от 6 декабря 2022 г. № 02-1198 издание
отнесено **ко второй категории** журналов
Перечня ВАК

Главный редактор —
**КОРЯКИН
Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук,
профессор
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
**ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна**

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	5
Правовое обеспечение национальной безопасности	
1. Меркурьев В.В., Закомолдин Р.В. Уголовно-правовое обеспечение биологической безопасности как элемента национальной безопасности	8
2. Овчаров А.В., Козлов А.В. Защита конкуренции в контексте обеспечения военно-экономической составляющей национальной безопасности.....	17
3. Сливков А.С., Шнякина Т.С. Приказ ФСБ России от 4 ноября 2022 г. № 547 в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации	25
Теория и история военного права	
4. Глухов Е.А. Методы и формы правового регулирования военно-управленческих отношений	43
5. Панкратов В.Н., Сынков Н.В., Гришаев С.С. Правовое обеспечение реализации гражданами добровольчества как формы выражения гражданином солидарности с действиями государства при защите национальных интересов: история и современность	54
6. Шамаров В.М., Шамаров П.В. Суверенная государственность как особый вид государственности в условиях специальной военной операции России на Украине	64
Военно-административное право	
7. Александрова Н.Г. Об обеспечении безопасности населения с учетом проведения специальной военной операции	73
8. Кириченко Н.С., Бабайцева Е.С. Правовое положение субъектов медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации	77
9. Глухов Е.А. Территориальные органы военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации	83
Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих	
10. Бабайцева Е.С. О некоторых проблемных вопросах правового регулирования медицинского обеспечения военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии Российской Федерации и способах его совершенствования	93
11. Вотченко И.А. Неурегулирование конфликта интересов как основание для увольнения с военной службы (иных видов государственной службы).....	102
12. Зайков Д.Е. Защита прав мобилизованных граждан-предпринимателей	107
13. Корякин В.М., Топорков Я.А. Статус военнослужащего, призванного на военную службу по мобилизации: проблемные вопросы	113
14. Цыбизова Н.А. К вопросу о необходимости разработки концепции проекта федерального закона «О безвестном отсутствии граждан».....	122

15. Щукина Т.В., Спирин Н.Д. Актуальные вопросы реализации жилищных прав военнослужащих в современных условиях	128
---	------------

Правоохранительная, судебная, прокурорская деятельность

16. Махьянова Р.М. Влияние научного познания на процесс разработки и реализации тактики надзорной деятельности прокуратуры	138
17. Минтягов С.А. Некоторые правовые аспекты правоприменения в деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в специальной военной операции	143
18. Харитонов С.С., Смирнов Д.В. Практика применения военными судами уголовного законодательства при назначении наказания	153

Уголовное право, криминология, уголовный процесс и криминалистика

19. Ермолович Я.Н. Анализ статистических показателей судимости военнослужащих Российской Федерации за преступления против военной службы в 2021 г.	158
20. Копылов М.М. К вопросу об объективных и субъективных признаках состава преступления, предусмотренного ст. 280.2 УК РФ «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации».....	165
21. Некрасов А.А. Правовая характеристика поддельных и подложных документов	171
22. Новикова О.В. Сущность публичного распространения заведомо ложной информации применительно к ст. 207.3 УК РФ	175
23. Прудникова Л.Б., Шеншин В.М. Вопросы актуализации криминологической оценки воинских преступлений и воинской преступности в современных военно-политических условиях	181
24. Харитонов С.С., Раков А.В. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов	188
25. Чукин Д.С. Конструктивные проблемы состава преступления, предусмотренного статьей 337 Уголовного кодекса Российской Федерации	194

Военные проблемы международного права

26. Мусаелян А.Б. Актуальные проблемы и возможные перспективы развития ОДКБ как международного военно-политического блока: международно-правовой аспект	201
--	------------

Указатель сокращений

абз. — абзац

БПЛА — беспилотный летательный аппарат

ВВЭ — военно-врачебная экспертиза

ВМФ — Военно-Морской Флот

ВПК — военно-промышленный комплекс

ВУ — Военный университет

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

ГКО — Государственный Комитет Обороны

гл. — глава

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ГПС — Государственная противопожарная служба

дис. — диссертация

ДКБ — Договор о коллективной безопасности

ДНР — Донецкая Народная Республика

ДУ ВС РФ — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации

ИГИЛ — Исламское государство Ирака и Леванта (террористическая организация, запрещенная в России)

ИГП РАН — Институт государства и права Российской академии наук

КНДР — Корейская Народно-Демократическая Республика

КНР — Китайская Народная Республика

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

ЛНР — Луганская Народная Республика

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минэкономразвития России — Министерство экономического развития Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

млн. — миллион

млрд. — миллиард

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НИИ — научно-исследовательский институт

НИС — накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НКВД — Народный комиссариат иностранных дел

НОАК — Народно-освободительная Армия Китая

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР

ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество с ограниченной ответственностью

ОРД — оперативно-розыскная деятельность

п. — пункт

ПВО — противовоздушная оборона

подп. — подпункт

РАН — Российская Академия Наук

РАНХиГС — Российская академия народного хозяйства и государственной службы

РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Роскомнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Роспотребнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

Росфинмониторинг — Федеральная служба по финансовому мониторингу

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

РФЦСЭ — Российский Федеральный центр судебной экспертизы

СВО — специальная военная операция

СК РФ — Семейный кодекс Российской Федерации

СМИ — средства массовой информации

СНГ — Содружество Независимых Государств

СНК — Совет Народных Комиссаров

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

ТВД — театр военных действий

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

тыс. — тысяча

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УВП ВС РФ — Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФАС России — Федеральная антимонопольная служба

ФБУ — федеральное бюджетное учреждение

ФГАОУ ВО — федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФГКОУ ВО — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования

ФГКУ — федеральное государственное казенное учреждение

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФСКН России — Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков

ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (больше-
виков)

ч. — часть

Правовое обеспечение национальной безопасности

Уголовно-правовое обеспечение биологической безопасности как элемента национальной безопасности

© Меркурьев Виктор Викторович,
доктор юридических наук, профессор
© Закомолдин Руслан Валериевич,
кандидат юридических наук, доцент, НИИ
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры
Российской Федерации»

Аннотация. Статья посвящена проблеме обеспечения биологической безопасности как критически важного элемента национальной безопасности уголовно-правовыми средствами, ее тесной взаимосвязи с военной и общественной безопасностью. Анализируется как уголовное законодательство, так и специальное законодательства и акты международного права о биологической безопасности. Делается вывод о необходимости системных изменений и дополнений УК РФ, которые назрели в современных геополитических условиях.

Ключевые слова: национальная безопасность, биологическая безопасность, военная безопасность, уголовная политика, оружие массового поражения, диверсия, биотерроризм.

Criminal legal support of biological security as an element of national security

© Merkuriev V.V.,
Doctor of Law, Professor
© Zakomoldin R.V.,
PhD in Law, Associate Professor Research Institute
of the University of the Prosecutor's Office of the
Russian Federation

Annotation: The article is devoted to the problem of ensuring biological security as a critical element of national security by criminal law means, its close relationship with military and public security. Both criminal legislation and special legislation and acts of international law on biological safety are analyzed. The conclusion is made about the need for systemic changes and additions to the Criminal Code of the Russian Federation, which are overdue in modern geopolitical conditions.

Keywords: national security, biological security, military security, criminal policy, weapons of mass destruction, sabotage, bioterrorism

В современных геополитических и социально-экономических условиях преступность, как угроза национальной безопасности, трансформируется, приобретая новые формы и используя новые средства и инструменты. Ее транснациональный и организованный характер трансформируется в новые и более сложные формы и разновидности. Криминал использует новые современные, в том числе высокие технологии, включая искусственный ин-

теллект, информационно-телекоммуникационные сети, биотехнологии, нейролингвистическое программирование и прочие¹.

¹ См., напр.: Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности: научные основы противодействия (Долговские чтения) : сб. матер. II Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 24—25 марта 2022 г.) / науч. ред. В.В. Меркурьев, Ю.А. Тимошенко; сост. М.В. Ульянов, Н.В. Сальников; Ун-т прокуратуры РФ. М., 2022. С. 4—11.

Будучи по своей природе явлением социальным, преступность обладает таким свойством как изменчивость — способность встраиваться в объективные социальные процессы и влиять на них. Соответственно, имеет место негативное обратное влияние преступности на внешние объективные обстоятельства, что еще более увеличивает степень ее опасности и вредоносности¹. При этом преступность как явление динамичное и способное к трансформации использует как достижения, так и недостатки и слабости общества, тем самым усиливая свои позиции и возможности.

В контексте понимания сущности угроз национальной безопасности важное значение имеют их источники. В качестве таковых могут выступать как внешние (природные, техногенные), так и внутренние (социальные) явления и процессы. Безусловно, наивысшую степень опасности представляет вся совокупность угроз и их источников. Но, вместе с тем, каждая их разновидность требует к себе отдельного внимания с учетом присущих им особенностей, свойств и качеств².

Так, на международном уровне главы государств и правительств на 14-м Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, проходившем в Японии в г. Киото в марте 2021 г., также выразили глубокую обеспокоенность тем, что «преступность приобретает все более транснациональный, организованный и сложный характер, и что преступники для своей незаконной деятельности все шире используют новые и появляющиеся технологии..., создавая тем самым беспрецедентные трудности,

осложняющие предупреждение существующих преступлений, а также новых и зарождающихся форм преступности и борьбу с ними»³. В принятой по итогам данного форума Киотской декларации акцентируется внимание на новых, появляющихся и видоизменяющихся формах преступности, которые в большей степени склонны к трансформации и обратному негативному воздействию на общество. Это организованная преступность, незаконный оборот оружия и боеприпасов, киберпреступность и др. При этом абсолютно справедливо данный перечень оставлен открытым, поскольку таким явлениям и процессам присуща динамика, изменчивость и трансформация.

В Российской Федерации на национальном уровне в Стратегии национальной безопасности России 2021 г. также обозначены базовые угрозы национальной безопасности, включая такие, как терроризм, экстремизм, религиозный радикализм, коррупция, сепаратизм и др.⁴

В этой связи существенно возрастает роль государства в обеспечении национальной безопасности и интересов Российской Федерации, а также интересов общества. Встает вопрос об определении степени интенсивности вмешательства государства в вопросы регулирования общественных отношений, характера ответной реакции государства и степени репрессивного воздействия на правонарушителей и так называемых неустойчивых лиц, способных и готовых преступить установленные законом запреты. Однозначно, что такое вмешательство должно быть максимально эффективным, а реакция — своевременной.

¹ Меркурьев В.В., Соколов Д.А. Изменчивость как неотъемлемое свойство преступности // Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности: научные основы противодействия (Долговские чтения) : сб. матер. II Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 24—25 марта 2022 г.) / науч. ред. В.В. Меркурьев, Ю.А. Тимошенко; сост. М.В. Ульянов, Н.В. Сальников; Ун-т прокуратуры РФ. М., 2022. С. 66—67.

² Дуюнов В.К., Закомолдин Р.В. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности : монография. М.: РИОР, 2020. С. 36—38.

³ См.: Киотская декларация «Активизация мер предупреждения преступности, уголовного правосудия и обеспечения верховенства права: навстречу осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», утв. на 14-м Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Киото, Япония, 7—12 марта 2021 г.). Нью-Йорк: ООН, 2021.

⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 2.07.2021 г. № 400.

В распоряжении государства находится достаточно разнообразный и многообразный спектр инструментов, посредством которых оно может реагировать на негативные социально-правовые явления и процессы и принимать необходимые меры. Совокупность таких методов, средств и способов составляет соответствующий механизм обеспечения национальной безопасности. При этом отрадно, что одним из ключевых качеств этого механизма также является его способность изменяться, адаптироваться, подстраиваться под внешние и внутренние обстоятельства. Это может быть связано как с глобальными причинами (смена идеологии, политического режима и т.п.), так и менее глобальными (появление новых угроз, изменение национальных приоритетов, целей, интересов, стратегических задач и т.п.¹). Соответственно, механизм обеспечения национальной безопасности — это динамическая, деятельная, изменяющаяся, адаптируемая и постоянного функционирующая система². Будучи явлением системным, механизм обеспечения национальной безопасности включает в себя элементы, различные по субъектам, средствам, ресурсам, инструментам и сферам.

Нас в контексте данного исследования, прежде всего, интересует обеспечение национальной безопасности посредством уголовно-правовых инструментов. Можно однозначно утверждать, что уголовное право играет особую роль в системе правового обеспечения национальной безопасности, что обусловлено тем, что именно уголовный закон направлен на минимизацию (нейтрализацию) преступлений как наиболее опасных проявлений девиантного поведения, а также преступности как явления. На современном этапе в значительной степени именно уголовно-правовое регулирование обеспечивает без-

опасность личности, общества и государства³. А в отношении угроз криминального характера уголовное право играет ведущую (определяющую, приоритетную) роль в правовой системе обеспечения национальной безопасности⁴. В свою очередь, необходимые уголовно-правовое регулирование и уголовно-правовое воздействие обеспечиваются посредством уголовной политики и уголовного законодательства.

По своей внутренней сути уголовная политика есть идеология противодействия преступности, основанная на господствующих в обществе на соответствующем этапе его исторического развития идей, взглядов, представлений о том, какой должна быть по своему характеру и содержанию политика государства в отношении преступности, преступлений и совершивших их лиц, на каких принципах, во имя каких целей, какими методами и средствами, по каким основным направлениям и в каких формах она должна реализовываться. Воплощаемая в соответствующих нормативно- и политико-правовых документах и реализуемая в деятельности, связанной с охраной общественных отношений от преступных посягательств, эта идеология определяет стратегию и тактику противодействия преступлениям и преступности — цели, принципы, основные направления (формы), методы, содержание, характер и перспективы соответствующих усилий государства и общества. Ее цель заключается в обеспечении максимально возможного ограничения сферы преступности, сведении ее к такому уровню, при котором она «перестанет быть угрозой национальной безопасности, спо-

¹ См., напр.: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

² См., напр.: Куковский А.А. Механизм обеспечения национальной безопасности. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 38. С. 9—10.

³ Иншаков С.М., Казакова В.А. Предпосылки обеспечения национальной безопасности в системе уголовно-правовой охраны. // Российский следователь. 2017. № 8. С. 24.

⁴ См., напр.: Волков, К.А. Уголовно-правовые аспекты обеспечения национальной безопасности. // Обеспечение национальной безопасности — приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: матер. XI Росс. конгресса уголовного права, 31 мая — 1 июня 2018 г. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 46—50.

собной подорвать устои жизни общества, повернуть его развитие вспять»¹.

При этом государство должно как пресекать уже совершенные преступления и воздействовать на уже оступившихся лиц, так и предупреждать совершение преступлений и воздействовать на, так называемых, неустойчивых лиц, способных совершить преступления. То есть реакция государства проявляется как в специальном карательном и воспитательно-предупредительном воздействии на лиц, совершивших преступления, так и в общепредупредительном воздействии на неустойчивых лиц, готовых преступить черту. В связи с этим реакция государства выражается одновременно в двух формах — пресечение и предупреждение², которые взаимосвязаны и взаимообусловлены как части единого явления. Эти формы реализуются в том числе и через нормотворчество (законотворчество), которое также является элементом (инструментом) уголовной политики³.

Сегодня активная законотворческая работа по внесению изменений и дополнений в УК РФ ориентирована как на предупреждение, так и на пресечение преступлений. Законодатель использует весь спектр инструментов — включает в УК новые составы преступлений, ужесточает уголовную ответственность и уголовное наказание за уже имеющие место составы, дифференцирует уголовную ответственность с учетом объективных и субъективных обстоятельств. Весьма распространен сегодня такой законодательный инстру-

мент как введение самостоятельной уголовной ответственности за преступное содействие — оправдание, финансирование, организацию, склонение, вербовку, обучение и т.п. и закрепление за такие деяния санкций, содержащих даже более жесткие виды и размеры уголовных наказаний⁴. Такой подход разделяют далеко не все, но с точки зрения мотивации и целеполагания он понятен — законодатель пытается посредством пресечения таких сопутствующих деяний минимизировать основные деяния, представляющие гораздо большую опасность.

В свете сказанного подробно остановимся на таких относительно новых угрозах национальной безопасности, как биологический терроризм, использование криминалом в преступных целях современных биотехнологий, а также на принимаемых государством шагах по их предупреждению и пресечению с помощью уголовно-правовых инструментов, что послужит наглядной иллюстрацией нашим размышлениям.

Речь идет об обеспечении уголовно-правовыми средствами должного состояния биологической безопасности, которая в современных условиях является критически важным элементом национальной безопасности.

Еще 17 июня 1925 г. в Женеве представителями 37 государств был подписан Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств⁵. В 1970-х годах на его базе была подписана Конвенция ООН о запрещении разработки, производства и накопления

¹ Сухарев А.Я., Алексеев А.И., Журавлев М.П. Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель. М.: Норма, 1997. С. 24.

² Дуюнов В.К., Закомолдин Р.В. О приоритетах уголовно-правовой политики в связи с противодействием преступности и обеспечением национальной безопасности. // Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд. Чуваш. гос. ун-та, 2020. Ч. 1. С. 195—201.

³ Лопашенко Н.А. Криминологическая политика: понятие, содержание, методы, формы реализации. // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика / под ред. проф. А.И. Долговой. М.: РКА, 2002. С. 31—35.

⁴ См., напр.: Законопроект № 253939-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части установления ответственности за осуществление диверсионной деятельности) // СОЗД ГАС «Законотворчество» — <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232768-8> (дата обращения: 11.12.2022).

⁵ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1930. Вып. V (СССР присоединился 02.12.1927 г., ратифицировал 09.03.1928 г., вступил в силу 08.02.1928 г.).

запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 10 апреля 1972 г.¹ Государства-участники данной Конвенции договорились о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) оружия и его уничтожении. В связи с этим каждое государство приняло на себя обязательство никогда и ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать и не сохранять:

— микробиологические или другие биологические агенты, каково бы то ни было их происхождение или метод производства, таких видов и в таких количествах, которые не предназначены для профилактических, защитных или других мирных целей;

— оружие, оборудование или средства доставки, предназначенные для использования таких агентов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах (ст. 1 Конвенции).

Таким образом, еще с начала XX в. одной из угроз международной и национальной безопасности наряду с прочими стали биологические технологии, которые приобрели в том числе и военное назначение в качестве оружия массового поражения и уничтожения.

Однако в начале XXI в. данная проблема вновь приобрела свою остроту и актуальность.

Как отмечают эксперты, американские биологические программы, проводимые в большинстве стран мира, а особенно активно в постсоветских государствах, являются неотъемлемой частью современной внешней политики США. На территории стран бывшего СССР в специальных лабораториях ведется работа над секретными проектами по созданию биологического оружия, проводятся эксперименты с опасными патогенами и биотехнологиями с привлечением местных специалистов, об-

ладающих необходимой теоретической подготовкой и практическими навыками².

Так, в 2005 г. было подписано соглашение между США и Украиной о сотрудничестве в сфере предотвращения распространения технологий, патогенов и знаний, которые могут быть использованы в ходе разработки биологического оружия, в рамках Программы уменьшения биологической угрозы, о переоснащении биологических объектов на Украине. В 2008 г. появился план предоставления американской помощи Минздраву Украины. В октябре 2009 г. была представлена Концепция развития «Проекта сокращения биологической угрозы». Таким образом уже с 2009 г. некоторые источники утверждали, что на территории Украины в засекреченных биологических лабораториях при поддержке США ведутся работы над биологическим и химическим оружием. Впоследствии материалы и документы, полученные в ходе специальной военной операции и обнародованные Минобороны России, подтвердили данную информацию³.

Установленные факты деятельности биологических лабораторий, работа которых, в том числе, могла быть ориентирована на производство оружия массового поражения, вызывают особую озабоченность. Такие разработки, безусловно, интересны криминальным объединениям, в частности, террористическим и диверсионным организациям. В настоящее время выявляются факты финансирования и осуществления такой деятельности властями ряда стран, которые официально их подтвердили, что свидетельствует о циничном нарушении положений международных правовых актов, регламентирующих запрет такой деятельности. Особую

² Из доклада Д.М. Дугана «Военные биологические лаборатории как инструмент внешней политики США на постсоветском пространстве» на Международной научно-практической конференции «Мегатренды мировой политики: глобализация, поляризация, экстремизм» (Москва, МГЛУ, 26—28 октября 2022 г.).

³ См.: Секретные биологические лаборатории на Украине: чем занимались военные вирусологи. // Информационный портал «Вести.ру» — <https://www.vesti.ru/article/2688176> (дата обращения: 12.03.2022 г.).

¹ ООН. Резолюция Генеральной Ассамблеи на XXVI сессии. Нью-Йорк: ООН, 1973. С. 33 (ратифицирована СССР 11.02.1975 г., вступила в силу 26.03.1976 г.).

тревогу вызывают факты возможного распространения биологических ферментов, исследование которых было признано отдельными странами. Официальная информация о том, что деятельность данных лабораторий прекращена, а все исследуемые там образцы уничтожены, отнюдь не гарантирует, что, во-первых, выявлены и уничтожены все такие объекты и образцы, а во-вторых, не исключено попадание этих разработок в неконтролируемый оборот и на криминальные рынки¹.

Такого рода деятельность и такого рода объекты представляют чрезвычайную опасность как для мирового сообщества, так и непосредственно для России, против интересов которой они нацелены в первую очередь. Помимо того, что такие лаборатории имеют военное назначение, их деятельность связана с моделированием природных штаммов разных инфекций, создание специальных конструкций, которые должны иметь внешние признаки естественных эпидемий, но нести при этом тяжелейшие потери. Такие диверсии призваны наносить экономический вред, разрушая агропромышленное производство (мясное, растительное) стран евразийского пространства и причиняя вред здоровью людей. Ставится цель разрушения национальной системы биологической защиты и санитарно-эпидемиологического благополучия.

Таким образом речь идет о реальной угрозе биологической безопасности, а в связи с этим и национальной безопасности Российской Федерации.

Поэтому необходимо принятие со стороны государства системных мер реагирования в целях обеспечения безопасности в соответствующей сфере и недопущение реализации соответствующих угроз и их последствий.

Прежде всего, в 2020 г. в связи с этим был принят специальный Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О

биологической безопасности в Российской Федерации», обеспечивший комплексное нормативно-правовое регулирование в данном направлении. В соответствии с данным актом под биологической безопасностью понимается «состояние защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается необходимый уровень биологического риска, то есть вероятности причинения вреда». В связи с этим обеспечение биологической безопасности заключается в:

- снижении уровня биологического риска до допустимых значений;
- обеспечении контроля опасных биологических факторов (событий, условий, свойств, процессов);
- обеспечении контроля за опасными патогенными биологическими агентами, паразитическими организмами и содержащими их объектами;
- обеспечении комплекса мер по биологической защите в целях предотвращения или ослабления неблагоприятного воздействия опасных биологических факторов.

Соответственно источниками биологической опасности являются естественные или искусственные объекты, содержащие патогены, существующие на территории Российской Федерации, либо созданные или возникшие в результате осуществления отдельных видов деятельности или бесконтрольного использования генетических материалов и технологий синтетической биологии, либо занесенные на территорию Российской Федерации.

Далее в Стратегии национальной безопасности 2021 г. отмечается, что помимо прочего важными аспектами обеспечения национальной безопасности являются:

- совершенствование механизмов санитарно-эпидемиологического контроля;
- предупреждение и пресечение попыток совершения актов биологического терроризма;
- выявление и пресечение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия;
- обеспечение защиты населения от чрезвычайных ситуаций в области сани-

¹ См.: Меркурьев В.В. Борьба с криминальными рынками: проблемы и пути их решения // Актуальные проблемы противодействия преступлениям в сфере экономики : матер. всерос. науч.-практ. конф. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2015. С. 204—208.

тарно-эпидемиологического благополучия (п. 47).

Вместе с тем, полагаем, что стратегически целесообразно более четко обозначить в Стратегии соответствующие интересы России в данной сфере, а также соответствующие угрозы и их источники. Уместно сформулировать и закрепить в Стратегии соответствующие положения, касающиеся:

— возможности военного использования биотехнологий недружественными и враждебно настроенными странами, угрожающего военной (оборонной) безопасности России;

— биологической безопасности России и разработки соответствующих технологий в целях негативного воздействия на экономическую, экологическую, общественную безопасность страны.

Кроме того, необходимо отразить военные опасности и военные угрозы в связи с использованием биотехнологий в военных целях и в Военной доктрине Российской Федерации 2014 г.¹

И, наконец, важным аспектом совершенствования правового регулирования данной сферы является реформирование уголовного законодательства, которое призвано обеспечить адекватную и своевременную реакцию на совершение соответствующих преступлений в связи с криминальным использованием биотехнологий.

Что касается обеспечения военной (оборонной) безопасности в связи с возможностью использования биологического оружия массового поражения, то уголовно-правовая охрана в данной сфере обеспечивается посредством ст. 355 УК РФ — «Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения».

Однако этого явно недостаточно для эффективного уголовно-правового пресечения и предупреждения криминального использования биотехнологий. Необходимы системные изменения и дополнения.

Прежде всего, военную (оборонную) безопасность как разновидность безопасности (национальной безопасности) необходимо закрепить в качестве родового объекта уголовно-правовой охраны. Для этого ч. 1 ст. 2 УК РФ необходимо дополнить соответствующим указанием на то, что задачей уголовного закона является охрана в том числе военной (оборонной) безопасности².

Далее в УК РФ необходимо отразить иное криминальное использование биотехнологий, их незаконный неконтролируемый оборот.

Так, 10 ноября 2022 г. Правительством Российской Федерации в Государственную Думу внесён законопроект № 232768-8 «О внесении изменений в статьи 205 и 281 Уголовного кодекса Российской Федерации». Данный документ предусматривает внесение дополнительных изменений в УК РФ, направленных на обеспечение биологической безопасности с учетом развития биотехнологий.

Прежде всего, авторами проекта предлагается корректировка положений ст. 281 УК РФ, предусматривающей ответственность за диверсию. В действующей редакции данной статьи предусмотрена уголовная ответственность за посягательство на объекты техносферы и жизнеобеспечения населения с целью подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. При этом установлен исчерпывающий перечень объектов, в отношении которых могут совершаться диверсионные действия, однако в нем не упомянуты компоненты природной среды и население. Кроме того, содержание понятия «иные действия» не конкретизировано, что затрудняет квалификацию данного состава.

Как уже было отмечено, в современных условиях экономическая безопасность и обороноспособность Российской Федера-

¹ Военная доктрина Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации 25.12.2014 г. № Пр-2976 // Российская газета. 2014. 30 декабря.

² Подробнее см.: Закомолдин Р.В., Дуонов В.К. О необходимости закрепления категорий «национальная безопасность» и «военная безопасность» в уголовном законе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 3(42). С. 26—31.

ции могут быть существенно ослаблены не только путем взрывов и поджогов, нарушающих функционирование объектов промышленной, транспортной, социальной и иной инфраструктуры, но и посредством преднамеренного выведения из хозяйственной деятельности трудоспособного населения, заражения сельскохозяйственных животных и растений, приведения в негодность пищевых и сырьевых ресурсов, поражения и уничтожения иных компонентов природной среды. Такие действия также являются диверсионными, поскольку преследуют цель подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, и их необходимо отграничивать от иных преступлений, направленных, прежде всего, против жизни и здоровья человека (гл. 16 УК РФ), общественной безопасности (гл. 24 УК РФ), экологической безопасности (гл. 26 УК РФ).

Одним из наиболее вероятных способов совершения вышеназванных диверсионных действий может стать использование патогенных биологических агентов (патогенов), вызывающих возникновение эпидемий, эпизоотий и распространение эпифитотий — инфекционных заболеваний растений, охватывающих отдельные регионы либо значительную часть страны, а также посягательство на потенциально опасные биологические объекты, в которых осуществляется деятельность, связанная с использованием патогенов.

В связи с этим инициаторами проекта предлагается внести соответствующие изменения в ч. ч. 1 и 3 ст. 281 УК РФ.

В частности, предлагается:

— ч. 1 изложить в следующей редакции: «1. Совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения, а равно на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, — ...»;

— ч. 3 изложить в следующей редакции: «3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они:

а) сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии, потенциально опасные биологические объекты либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических веществ или патогенных биологических агентов;

б) повлекли умышленное причинение смерти человеку, — ...».

Далее предлагается принять меры уголовно-правового реагирования на возможные факты биотерроризма. В частности, п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции:

«а) сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии, потенциально опасные биологические объекты либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических веществ или патогенных биологических агентов»;

Безусловно, такие изменения соответствуют обстановке и будут способствовать предупреждению и пресечению использования биотехнологий в ущерб национальной безопасности России.

Полагаем, что в целях обеспечения системного противодействия и комплексной охраны данную работу необходимо продолжить и предусмотреть криминализацию незаконного оборота биотехнологий, направленного на причинение вреда и угрозу причинения вреда жизни и здоровью людей, общественной и экологической безопасности, разработав и предложив необходимые изменения и дополнения в главы 16, 24, 26 УК РФ.

Библиография

1. Алексеев, А.И. Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель / А.И. Алексеев, М.П. Журавлев, А.Я. Сухарев. — М.: Норма, 1997. — 64 с.

2. Волков, К.А. Уголовно-правовые аспекты обеспечения национальной безопасности / К.А. Волков // Обеспечение национальной безопасности — приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики : матер. XI Росс. Конгресса уголовного права, 31 мая — 1 июня 2018 г. — М.: Юрлитинформ, 2018. — С. 46—50.
3. Дуюнов, В.К. О приоритетах уголовно-правовой политики в связи с противодействием преступности и обеспечением национальной безопасности / В.К. Дуюнов, Р.В. Закомолдин // Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества : сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. — Чебоксары: Изд. Чуваш. гос. ун-та, 2020. — Ч. 1. — С. 195—201.
4. Дуюнов, В.К. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности : монография / В.К. Дуюнов, Р.В. Закомолдин. — М.: РИОР, 2020. — 244 с.
5. Закомолдин, Р.В. О необходимости закрепления категорий «национальная безопасность» и «военная безопасность» в уголовном законе / Р.В. Закомолдин, В.К. Дуюнов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. — 2020. — № 3(42). — С. 26—31.
6. Иншаков, С.М. Предпосылки обеспечения национальной безопасности в системе уголовно-правовой охраны / С.М. Иншаков, В.А. Казакова // Российский следователь. — 2017. — № 8. — С. 23—27.
7. Куковский, А.А. Механизм обеспечения национальной безопасности / А.А. Куковский // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2010. — № 38. — С. 9—10.
8. Лопашенко, Н.А. Криминологическая политика: понятие, содержание, методы, формы реализации / Н.А. Лопашенко // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика / под ред. проф. А.И. Долговой. — М.: РКА, 2002. — С. 31—35.
9. Меркурьев, В.В. Борьба с криминальными рынками: проблемы и пути их решения / В.В. Меркурьев // Актуальные проблемы противодействия преступлениям в сфере экономики : матер. Всерос. науч.-практ. конф. — Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2015. — С. 204—208.
10. Меркурьев, В.В. Изменчивость как неотъемлемое свойство преступности / В.В. Меркурьев, Д.А. Соколов // Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности: научные основы противодействия (Долговские чтения) : сб. матер. II Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 24-25 марта 2022 г.) / науч. ред. В.В. Меркурьев, Ю.А. Тимошенко; сост. М.В. Ульянов, Н.В. Сальников; Ун-т прокуратуры РФ. — М., 2022. — С. 66—67.

Защита конкуренции в контексте обеспечения военно-экономической составляющей национальной безопасности

© Овчаров Артем Валерьевич,

кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора уголовного права, криминологии и проблем правосудия ИГП РАН

© Козлов Александр Вениаминович,

кандидат юридических наук, советник Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, государственный советник юстиции 2 класса

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ряда вопросов, связанных с защитой свободной конкуренции в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Авторами дается общая картина состояния конкуренции и особое внимание уделяется защите конкуренции в сфере осуществления закупок для государственных или муниципальных нужд и в сфере осуществления государственного оборонного заказа, как наиболее значимого вида закупочной деятельности. В статье анализируются новые уголовно-правовые нормы, обширно используются данные официальной статистики и практика Федеральной Антимонопольной Службы по рассмотрению жалоб и осуществлению проверок.

Ключевые слова: национальная безопасность, экономика, государственные и муниципальные закупки, государственный оборонный заказ, ограничение конкуренции, уголовно-правовая защита, картельный сговор, антимонопольное законодательство.

Protection of competition in the context of ensuring the military-economic component of national security

© Ovcharov A.V.,

PhD in Law, Researcher in the Sector of Criminal Law, Criminology and Problems of Justice of the IGP RAS

© Kozlov A.V.,

Candidate of Law, Adviser to the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, State Adviser of Justice of the 2nd class

Abstract. The article is devoted to the consideration of a number of issues related to the protection of free competition in the context of ensuring the national security of the Russian Federation. The author gives a general picture of the state of competition and pays special attention to the protection of competition in the field of procurement for state or municipal needs and in the field of implementation of the state defense order, as the most significant type of procurement activity. The article analyzes new criminal law norms, makes extensive use of official statistics and the practice of the Federal Antimonopoly Service on complaints and inspections.

Keywords: national security, economy, state and municipal procurement, state defense order, restriction of competition, criminal law protection, cartel conspiracy, antimonopoly legislation.

Обеспечение национальной безопасности представляет собой комплекс различных мероприятий, направленных на защиту государства от угроз во всех возможных сферах (военной, информационной, политической,

экологической и т.д.). Важнейшим слагаемым такой безопасности является обеспечение безопасности экономической.

Экономическую безопасность чаще всего определяют как достаточное обеспечение необходимого уровня национальной безопасности собственными финансовыми средствами и прочими необходимыми ресурсами, создание подходящих условий для развития экономики и повышения уровня конкурентоспособности страны, защиту интересов личности, общества и государства в экономической сфере как от внутренних, так и от внешних угроз¹.

В этой связи следует указать на огромное значение экономической составляющей обеспечения военной безопасности, которая, в свою очередь, также немыслима без прочной экономической основы.

Необходимый уровень экономической безопасности может быть обеспечен, что естественно, только при наличии сильной экономики, которая в современном мире немыслима без свободной конкуренции практически во всех ее секторах.

В 2021 г. принят Национальный план («дорожная карта») развития конкуренции в Российской Федерации на 2021—2025 годы, который определил, во-первых, основные задачи на пятилетний период и ожидаемые результаты развития конкуренции в различных отраслях российской экономики, а во-вторых — перечень мероприятий по их достижению².

Названные в Национальном плане мероприятия направлены на решение основных системных и отраслевых вопросов, создание благоприятных условий для ведения частного бизнеса,

устранение административных барьеров и искажений конкурентной среды.

Основными направлениями государственной конкурентной политики и деятельности по содействию развитию конкуренции в России в 2022 г. являлись:

— обеспечение реализации на федеральном и региональном уровнях мероприятий, предусмотренных в Национальном плане («дорожной карте») развития конкуренции в Российской Федерации на 2021—2025 годы и оперативное исполнение утвержденных в субъектах Российской Федерации планов мероприятий («дорожных карт») по содействию развитию конкуренции на товарных рынках на территории субъектов Российской Федерации;

— расширение мер государственной поддержки малых и средних предприятий и снижение административной, налоговой и финансовой нагрузки на бизнес;

— развитие организованной (биржевой) торговли товарами, производными финансовыми инструментами, базисным активом которых является товар, включая создание условий для реализации биржевых товаров на экспорт на российских биржах за рубли, формирование национальных индикаторов цен;

— развитие государственного тарифного регулирования;

— обеспечение эффективного и прозрачного управления государственной и муниципальной собственностью;

— поддержание конкуренции в рамках государственных закупок;

— развитие параллельного импорта товаров и рассмотрение вопроса о его легализации в полном объеме;

— повышение эффективности и конкурентоспособности российской экономики в том числе за счет реализации программы импортозамещения³.

Совершенно естественно, что свободная конкуренция требует правовой защиты всеми отраслями права. В этой связи представляется целесообразным обратиться к статистическим данным о

¹ Гетманова А.В., Козырь Н.С. Конкурентоспособность как элемент экономической безопасности страны // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2017. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2017/01/13613> (Дата обращения: 12.12.2022).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2021 № 2424-р «Об утверждении Национального плана (дорожной карты) развития конкуренции в Российской Федерации на 2021-2025 годы».

³ Там же.

нарушениях требований о запрете монополистической деятельности (ст. 10—11.1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции») и о запрете недобросовестной конкуренции (ст. 14.1—14.8 указанного Закона) (см. рис. 1 и 2)¹.

Таким образом, несмотря на все снижающееся число выявляемых в рассматриваемой сфере нарушений, они реально существуют и требуют соответствующей реакции.

Защита конкуренции необходима в значительном количестве сфер экономической жизни. Рассмотрим более подробно наиболее значимые из них и прежде всего сферу, наиболее подверженную посягательствам на свободную конкуренцию — осуществление закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также осуществление государственного оборонного заказа, как наиболее значимую разновидность закупочной деятельности.

Традиционно сфера закупок является одной из наиболее кривообразующих сфер экономической деятельности и на это не раз указывалось в юридической литературе². Так, при проведении плановых и внеплановых проверок в отношении закупок, осуществляемых в соответствии с требованиями Закона о контрактной системе, ФАС России в 2021 г. было проверено 36 346 процедур определения поставщика (подрядчика, исполнителя), из которых в 11 509 процедурах (32 %) выявлены нарушения. По результатам проверок выдано 2 074 предписания об устранении нарушений законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок. При чем, только в IV квартале 2021 г. проверено 11 676 процедур определения поставщика (подрядчика, исполнителя), из

которых в 5 115 процедурах (44 %) выявлены нарушения. По результатам проверок было выдано 441 предписание об устранении нарушений законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок.

В Антимонопольный орган в 2021 г. поступило 68 137 жалоб на действия (бездействия) заказчика, уполномоченного органа, уполномоченного учреждения, специализированной организации, комиссии по осуществлению закупок или ее членов, должностного лица контрактной службы, контрактного управляющего, оператора электронной площадки, специализированной электронной площадки при осуществлении закупок в соответствии с требованиями Закона о контрактной системе.

Из этого количества жалоб 12 091 подана в отношении закупок, осуществляемых для обеспечения федеральных нужд, 33 049 — для нужд субъектов Российской Федерации, 22 049 — для муниципальных нужд. На основании ч. 11 ст. 105 Закона о контрактной системе 11 055 жалоб возвращено заявителям. Кроме того, на основании ч. 15 ст. 105 Закона о контрактной системе 3 633 жалобы отозваны заявителями.

В результате рассмотрения обоснованными (в том числе частично) признаны 20 965 жалоб (39 % от рассмотренных жалоб), выдано 16 688 предписаний об устранении выявленных нарушений законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок.

Всего в 2021 г. ФАС России возбуждено 27 070 дел об административных правонарушениях за нарушения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок. По итогам рассмотрения выдано 20 773 постановлений о наложении административных штрафов на общую сумму 879 196,76 тыс. руб. За рассматриваемый период ФАС России взыскано 566 737,96 тыс. руб.

¹ Здесь и далее все статистические данные представлены ФАС России. См. Доклад ФАС России о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2021 г.

² См., например: Овчаров А.В. Уголовная ответственность в сфере осуществления государственных закупок как новелла российского уголовного законодательства // Военное право. 2019. № 2(54). С. 257.

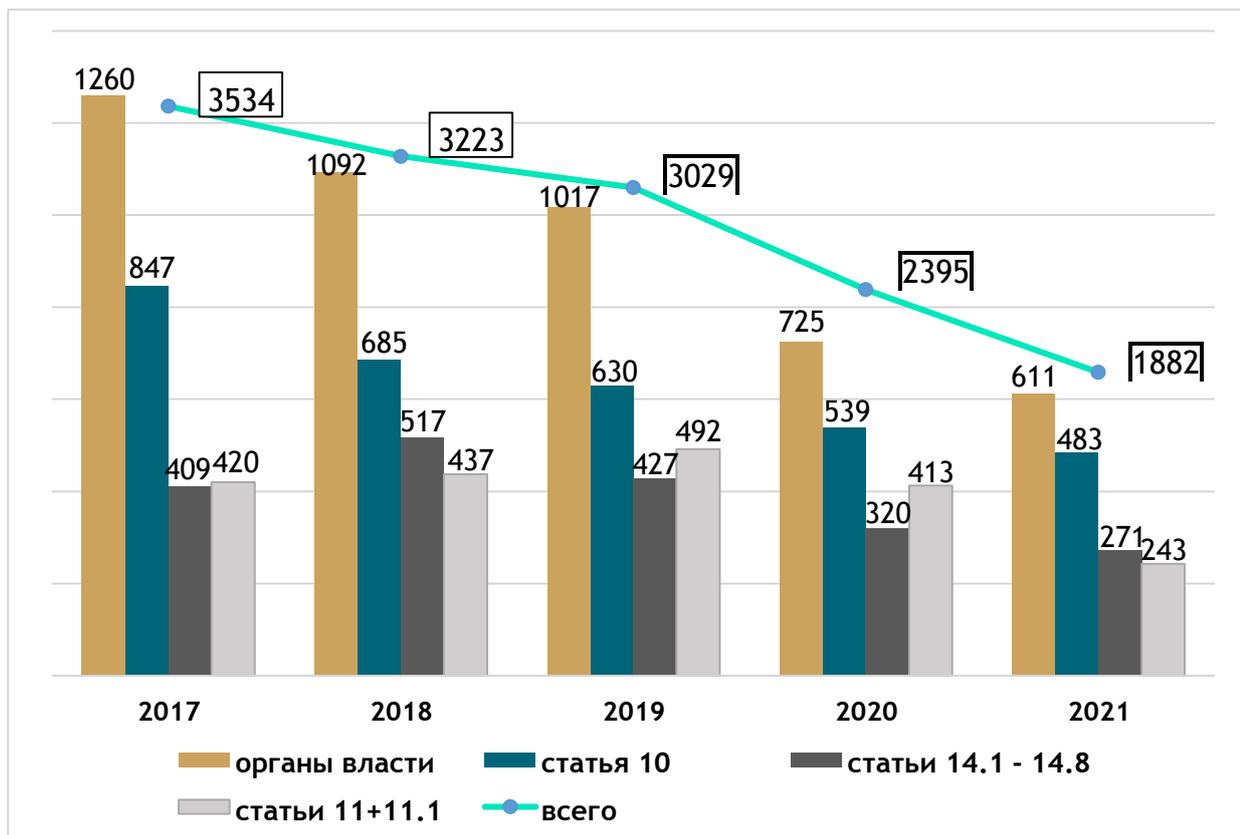


Рис. 1. Количество возбужденных дел о нарушении антимонопольного законодательства



Рис. 2. Количество выявленных нарушений антимонопольного законодательства

В рамках нарушения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок за 2021 г. наибольшее количество дел (9 015) возбуждено по ч. 4.2 ст. 7.30 КоАП РФ в связи с утверждением заказчиками документации о закупках, не соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации о

контрактной системе в сфере закупок, из которых в 7 823 случаях выданы постановления о наложении штрафа. В 5 439 случаях возбуждены дела по ч. 2 ст. 7.30 КоАП РФ, то есть за нарушение порядка отбора участников закупок, из которых в 4 230 случаях выданы постановления о наложении штрафа.

Особо следует сказать о такой важной сфере закупочной деятельности как осуществление государственного оборонного заказа. Данный вид закупок, о чем говорилось в научной литературе, обладает особым значением¹. В современных же условиях противостояния Российской Федерации силам НАТО на Украине важность эффективного осуществления экономического обеспечения Вооруженных Сил неуклонно возрастает.

Всего в 2021 г. ФАС России возбуждено 666 дел об административных правонарушениях за нарушения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок в рамках оборонного заказа. По итогам рассмотрения вынесено 247 постановлений о наложении административных штрафов на общую сумму 7 807,95 тыс. руб. За данный период ФАС России взыскано 2 613,11 тыс. руб.

В числе нарушений законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок в рамках оборонного заказа только за IV квартал 2021 г. наибольшее количество дел (112) возбуждено по ч. 2 ст. 7.30 КоАП РФ за нарушение порядка отбора участников закупок, из которых в 7 случаях выданы постановления о наложении штрафа. В 17 случаях возбуждены дела по ч. 4.2 ст. 7.30 КоАП РФ, то есть за утверждение документации о закупках с нарушением требований законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок, из которых во всех случаях выданы постановления о наложении штрафа. В 16 случаях возбуждены дела по ч. 7 ст. 7.32.3 КоАП РФ, то есть за несоблюдение отдельными видами юридических лиц требований к содержанию извещений и документации о закупке, из которых во всех случаях выданы постановления о наложении штрафа. В 15 случаях возбуждены дела по ч. 2 ст. 7.31 КоАП РФ, то есть за ненаправление или несвоевременное направление информации и документов для

включения в реестр контрактов, из которых во всех случаях выданы постановления о наложении штрафа².

В связи с тем гигантским значением, который государственный оборонный заказ имеет для обеспечения национальной безопасности России, законодатель для его охраны использует и уголовно-правовые средства. Так, еще в 2017 г. Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ УК РФ был дополнен двумя статьями, призванными на должном уровне обеспечить уголовно-правовую защиту экономического обеспечения вооруженных сил в рамках государственного оборонного заказа. Это ст. 201.1 УК РФ «Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» и 285.4. УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа».

Обратимся к данным статистики работы данных норм (см. табл.).

Как видно из приведенных данных, рассматриваемые нормы практически не применяются, хотя объективные реалии говорят о весьма значительном количестве посягательств, совершаемых в сфере осуществления государственного оборонного заказа. Так, из доклада Президенту России В.В. Путину главы Росфинмониторинга Юрия Чиханчина следует, что рассматриваемый вид закупочной деятельности весьма криминализован. Росфинмониторингом уже к февралю 2021 г. в сфере оборонного заказа было выявлено значительное число деяний, имеющих признаки преступлений. По данному факту на основании представленных в правоохранительные органы материалов было возбуждено более 120 уголовных дел, выявлен ущерб на 9 млрд руб., арестовано 2,4 млрд руб., а добровольно возвращено 1,5 млрд³.

¹ Корякин В.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности : монография. М.: Юрлитинформ, 2014.

² Данные о структуре нарушений за весь 2021 г. отсутствуют.

³<https://tass.ru/ekonomika/10741673?ysclid=lbid25r6a850052962> (Дата обращения: 13.12.2022).

Таблица

Данные судебной статистики о назначении наказания по ст. 201.1 и 285.4 УК РФ¹

Год/статья	Ст. 201.1 УК РФ ч. 1.	Ст. 201.1 УК РФ ч. 2.	Ст. 285.4 УК РФ ч. 1.	Ст. 285.4 УК РФ ч. 2.
2018	0	0	0	0
2019	1	0	0	0
2020	0	0	1	1
2021	2	0	1	1

Следует сказать, что здесь присутствует и положительная тенденция. Так, «с момента запуска закона, устанавливающего контроль в системе гособоронзаказа, Росфинмониторингу совместно с Министерством обороны и правоохранительными органами удалось снизить количество фирм-«однодневок» примерно на 37 %. Сократилось количество сомнительных операций примерно на 40 %, а подозрительных операций в гособоронзаказе — в три раза»².

Тем не менее, проблема реально существует и требует реакции. Конечно же, не все возможные в сфере государственного оборонного заказа посягательства исчерпываются злоупотреблением полномочиями, многие требуют иной квалификации. Вероятно, именно поэтому в сентябре 2022 г. УК РФ был дополнен целым рядом статей, призванных защитить осуществление государственного оборонного заказа в условиях специальной военной операции. Это ст. 201.2, 201.3, 285.5 и 285.6 УК РФ³.

Согласно ч. 1 ст. 201.2 уголовно-наказуемым является нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа, лицом, подвергнутому административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 1 или 2.1 ст. 14.55 КоАП РФ (Нарушение условий государственного контракта по государственному оборонно-

му заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа). Квалифицированным составом законодатель посчитал совершение рассматриваемого деяния, повлекшее причинение Российской Федерации ущерба в сумме, составляющей не менее пяти процентов цены самого государственного контракта либо договора, но не менее пяти миллионов рублей, или невыполнение задания государственного оборонного заказа (ч. 2 ст. 201.2).

Максимальное наказание по части первой рассматриваемой статьи составляет 8 лет лишения свободы, а по части второй — 10 лет.

Ст. 201.3 УК РФ криминализирует отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 1 или 2 ст. 7.29.2 КоАП РФ (Отказ или уклонение поставщика (исполнителя, подрядчика) от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу, договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа), от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа, если заключение таких государственного контракта либо договора является обязательным в соответствии с федеральным законом, Максимальная санкция за такое деяние предусмотрена в виде лишения свободы сроком до восьми лет.

Следует сказать то, что субъектами составов, содержащихся в рассматриваемых статьях, могут быть только исполнители, а не заказчики. По ст. 201.2 УК РФ — это должностные лица исполнителей. Субъектов преступления по ст. 201.3 УК РФ можно классифицировать следующим образом:

— поставщики российских вооружения и военной техники, которые не имеют российских аналогов, единственный поставщик (исполнитель, подрядчик), определенный законодательными актами Российской Федерации, актами Президента Российской Федерации или, актами Правительства Российской Федерации;

— поставщики (исполнители, подряд-

¹ <https://stat.api-пресс.рф/> (Дата обращения: 12.12.2022).

² Там же.

³ Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

чики), занимающие в соответствии с законодательством Российской Федерации в сфере государственного оборонного заказа доминирующее положение.

Ст. 285.6 УК РФ предусматривает ответственность должностных лиц исполнителя за отказ или уклонение от заключения рассматриваемых контрактов. Согласно ей, наказуем отказ или уклонение должностного лица, подвергнутого административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 1 или 2 ст. 7.29.2 КоАП РФ, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа, если заключение таких государственного контракта либо договора является обязательным в соответствии с федеральным законом. Максимальное наказание тут идентично сроку наказания по ст. 201.3 УК РФ.

Заказчики за подобные деяния, но тоже наряду с исполнителями, отвечают по ст. 285.5 УК РФ, согласно которой уголовно наказуемо нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа, должностным лицом, подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 1, 2 или 2.1 ст. 14.55 КоАП РФ. Квалифицированный состав, как и в ст. 201.2, законодателем определен через последствия в виде причинения Российской Федерации ущерба в сумме, составляющей не менее пяти процентов цены таких государственного контракта либо договора, но не менее пяти миллионов рублей, или невыполнение задания государственного оборонного заказа (ч. 2 ст. 285.5 УК РФ). Санкция также идентична ст. 201.2 УК РФ.

Подобные законодательные конструкции ставят ряд вопросов.

Во-первых, для чего нужно было разделять ответственность должностных лиц и не должностных, если санкции за криминализованные деяния идентичны?

Во-вторых, из анализа приведенных выше статей видно, что необходимым условием для привлечения лица к ответ-

ственности и по ст. 201.2 УК РФ, и по ст. 285.5 УК РФ является его предшествующее привлечение к ответственности административной по ст. 14.55 КоАП РФ.

Данная статья устанавливает ответственность:

— в ч. 1 за — нарушение должностным лицом головного исполнителя условий государственного контракта по государственному оборонному заказу, касающихся количества, качества, комплектности поставляемых товаров, качества выполняемых работ, оказываемых услуг, сроков поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг, либо за нарушение должностным лицом исполнителя условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа, касающихся количества, качества, комплектности поставляемых товаров, качества выполняемых работ, оказываемых услуг, сроков поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния;

— в ч. 2 — за нарушение должностным лицом головного исполнителя срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг), поставляемых (выполняемых, оказываемых) по государственному оборонному заказу, в том числе за неисполнение обязанности по обеспечению авансирования, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния;

— в ч. 2.1 — за нарушение должностным лицом головного исполнителя срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг), поставляемых (выполняемых, оказываемых) по государственному оборонному заказу, в том числе за неисполнение обязанности по обеспечению авансирования, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

Остается непонятным, как не должностное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 201.2 УК РФ, если обязательным условием этого является его привлечение к ответственности административной в качестве лица должностного. Будем надеяться, что практика применения новых норм ответит на эти вопросы.

Такова картина посягательств на свободную конкуренцию в сфере осуществления закупок и осуществления государственного оборонного заказа как наиболее значимой разновидности закупочной деятельности. Хотелось бы отметить, что данные сферы не исчерпывают собой те экономические блоки, в которых необходима защита конкуренции. Крайне важно противодействие картельным сговорам. Посягательства на свободную конкуренция характерны и для рекламной деятельности, и для тарифного регулирования, и для торговли, и для многих других пластов экономической жизни, анализ состояния защиты конкуренции в которых будет яв-

ляться предметом дальнейших исследований.

Библиография

1. Гетманова, А.В. Конкурентоспособность как элемент экономической безопасности страны / А.В. Гетманова, Н.С. Козырь // Экономика и менеджмент инновационных технологий. — 2017. — № 1. — С. 87—90.
2. Корякин, В.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности : монография / В.М. Корякин. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 456 с.
3. Овчаров, А.В. Уголовная ответственность в сфере осуществления государственных закупок как новелла российского уголовного законодательства / А.В. Овчаров // Военное право. — 2019. — № 2(54). — С. 257 —262.

Приказ ФСБ России от 4 ноября 2022 г. № 547 в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

© Сливков Антон Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий 25 кафедрой ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

© Шнякина Татьяна Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент 25 кафедры ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье на основе анализа законодательства в области информации и национальной безопасности Российской Федерации определяются предмет и цели нормативно-правового регулирования приказа ФСБ России от 4 ноября 2022 г. № 547, его место и роль в системе мер обеспечения национальной безопасности по ограничению и недопущению иностранного вмешательства во внутренние дела Российской Федерации.

Ключевые слова: приказ ФСБ России № 547, национальная безопасность, иностранный агент, государственная тайна, служебная тайна в области обороны, сведения в области военной деятельности, распространение информации, административная ответственность в области связи и информации, шпионаж.

Order of the FSB of Russia dated November 4, 2022 No. 547 in the system of ensuring the national security of the Russian Federation

© Slivkov A.S.,

candidate of law, academic title associate professor, head of the 25 Department, Military University

© Shnyakina T.S.,

candidate of law, academic title associate professor, associate professor of the 25 Department, Military University

Abstract. Based on the analysis of legislation in the field of information and national security of the Russian Federation, the article defines the subject and objectives of the legal regulation of the order of the FSB of Russia dated November 4, 2022 No. 547, its place and role in the system of measures to ensure national security to limit and prevent foreign interference in the internal affairs of the Russian Federation.

Keywords; order of the FSB of Russia No. 547, national security, foreign agent, state secret, official secret in the field of defense, information in the field of military activities, dissemination of information, administrative liability in the field of communications and information, espionage.

Федеральной службой безопасности Российской Федерации (ФСБ России) 4 ноября 2022 г. издан приказ № 547 «Об утверждении Перечня сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранными источниками могут быть использованы против безопасности Российской Федерации»¹.

Перечень сведений, утвержденных данным приказом, включает два раздела:

I. Сведения в области военной деятельности Российской Федерации, не содержащие сведений, составляющих государственную тайну.

II. Сведения в области военно-технической деятельности Российской Федерации, не содержащие сведений, составляющих государственную тайну.

Приказ вступил в силу с 1 декабря 2022 г.

После опубликования приказа ФСБ России от 4 ноября 2022 г. № 547 (далее также — приказ ФСБ России № 547) на просторах сети интернет, в социальных сетях «ВКонтакте», «Instagram», в мессенджерах «WhatsApp» и других массово стали появляться, «репоститься», пересылаться и обсуждаться публикации, истолковывающие его как «перечень запретных к разглашению сведений», «запрет на любые формы обсуждения СВО», «запрет на любую аналитику, прогнозы и т.д., касающиеся военно-политической обстановки; освещение болезненных аспектов (частичной) мобилизации, нехватки снаряжения, тепловизоров и БПЛА в войсках, коррупции на госзакупках» и т.п.

Ознакомиться с подобного рода публикациями не составляет труда, достаточно набрать в поисковой строке реквизиты приказа.

Приведем заголовки некоторых таких публикаций и аннотаций к ним:

¹ <https://home.garant.ru/#/document/405724539/paragraph/42/doclist/311/1/0/0/приказ%20фсб%20547:0> (дата обращения: 05.12.2022).

— «Новый приказ ФСБ вводит ограничения в работе российских СМИ и военкоров». Из аннотации: «С 1 декабря 99 % военкоров и «военных аналитиков» могут отправляться на покой. По Приказу ... писать и обсуждать в СМИ сведения по очень широкому перечню, включающему в себя 60 пунктов, касающихся армии, мобилизации, закупок для нужд армии, подготовки служащих, ВПК, космической промышленности и еще много чему, становится равноценным госизмене» (публикация на сайте <https://e-news.su> от 21 ноября 2022 г.²);

— «Одно слово — до измены: ФСБ расширила перечень запретных к разглашению сведений». Автор Юлия Сунцова, публикация от 22 ноября 2022 г.). Из аннотации к статье: «ФСБ обновила перечень закрытых сведений о военной и военно-технической деятельности в России. Попасть под преследование теперь можно за оценку военно-политической обстановки, рассказ о моральном климате в войсках, разглашение персональных данных о военных и их семьях. А также за любую критику «Роскосмоса»³;

— «В стране запрещаются любые формы обсуждения СВО»⁴. Автор Дмитрий Демущкин, публикация в «Telegram» от 24 ноября 2022 г.;

— «С 1 декабря приказом ФСБ в России запрещается любая форма обсуждения спецоперации в Украине»⁵. Публикация на сайте «<https://newsvo.ru>» от 1 декабря 2022 г.

Свои выводы о запрещающем характере приказа ФСБ России № 547 авторы публикаций выстраивают на анализе описания тех сведений, которое содержится в Перечне, утвержденном этим приказом.

² <https://e-news.su/in-russia/444238-novyj-prikaz-fsb-vvodit-ogranichenija-v-rabote-rossijskih-smi-i-voenkoro.html> (дата обращения: 05.12.2022).

³ <https://newzv.ru/news/society/22-11-2022/odno-slovo-do-izmeny-fsb-rasshirilo-perechen-zapretnyh-k-razglasheniyu-svedeniy> (дата обращения: 05.12.2022).

⁴ <https://t.me/DmitriyDemushkin/3538> (дата обращения: 05.12.2022).

⁵ <https://newsvo.ru/news/149060> (дата обращения: 05.12.2022).

Действительно, в Перечне, утвержденном приказом ФСБ России № 547, приводится достаточно широкое, детально не конкретизированное описание сведений, допускающее их расширительное толкование.

Так, в п. 1 Перечня указываются «Сведения об оценке и прогнозах развития военно-политической, стратегической (оперативной) обстановки» без детализации содержания таких сведений. Под указанное описание, например, так или иначе, объективно подпадают сведения, которые раскрываются и обсуждаются в рамках практически любой общественно-политической телевизионной программы или ток-шоу (в том числе «60 минут», «Время покажет», «Большая игра», «Вечер с Соловьевым», «Постскриптум» и др.).

Названные в п. 7 Перечня «Сведения о строительстве и развитии войск, воинских формирований и органов» также, так или иначе раскрываются и анализируются, например, в научных журналах, посвященных военной тематике, в том числе и газетах, журналах Министерства обороны Российской Федерации («Армейский сборник», «Военная мысль», «Вооружение и экономика», «Зарубежное военное обозрение», «Материально-техническое обеспечение ВС РФ», «Морской сборник», «Российское военное обозрение» и другие).

Буквальный анализ приказа ФСБ России № 547 в системе действующего законодательства, несмотря на его «условно негативную» оценку представителями «широкой общественности», позволяет сделать обоснованный вывод о том, что сам по себе этот приказ вообще не содержит запретов на получение, сбор и распространение каких-либо сведений, а лишь устанавливает один из критериев признания соответствующих лиц иностранными агентами, с наступлением для последних правовых ограничений, связанных с признанием их иностранными агентами.

Во-первых, необходимо обратить внимание на то, что приказ ФСБ России от 4

ноября 2022 г. № 547, как следует из его п. 2, признает утратившим силу приказ ФСБ России от 28 сентября 2021 г. № 379 «Об утверждении Перечня сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранным государством, его государственными органами, международной или иностранной организацией, иностранными гражданами или лицами без гражданства могут быть использованы против безопасности Российской Федерации»¹.

Перечень, утвержденный приказом ФСБ России от 28 сентября 2021 г. № 379, так же содержал 60 пунктов, в которых давалось описание соответствующих сведений. Сопоставление указанного перечня и перечня, утвержденного приказом ФСБ России от 4 ноября 2022 г. № 547, свидетельствует о том, что они содержат практически идентичное описание сведений за редким исключением. Таким образом, приказ ФСБ России от 4 ноября 2022 г. № 547, в сущности, представляет собой уточненную редакцию приказа ФСБ России от 28 сентября 2021 г. № 379 и ничего принципиально нового в правовое регулирование в области информации не внес.

Во-вторых, согласно преамбуле приказа ФСБ России № 547, он издан в соответствии с п. 1 ч. 6 ст. 4 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием». Данный законодательный акт согласно его ст. 14 вступил в силу с 1 декабря 2022 г., с этого момента утрачивает силу ст. 2.1 Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», предусматривавшая случаи возможного признания физического лица (независимо от его гражданства или при отсутствии такового) физическим лицом, вы-

¹ <https://home.garant.ru/#/document/402867295/paragraph/1:0> (дата обращения: 05.12.2022).

полняющим функции иностранного агента, а также устанавливая необходимость определения для этой цели федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности перечня сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранным источником могут быть использованы против безопасности Российской Федерации (такой перечень был утвержден утратившим силу приказом ФСБ России № 379).

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ под иностранным агентом понимается лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее деятельность, виды которой установлены ст. 4 этого Федерального закона.

Иностранным агентом может быть признано российское или иностранное юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, общественное объединение, действующее без образования юридического лица, иное объединение лиц, иностранная структура без образования юридического лица, а также физическое лицо независимо от его гражданства или при отсутствии такового (далее — соответствующие лица).

То есть, Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ устанавливает два критерия отнесения соответствующих лиц к иностранным агентам:

— получение поддержки и (или) нахождение под иностранным влиянием в иных формах;

— осуществление определенных этим законом видов деятельности.

Под иностранным влиянием цитируемым Законом понимается предоставление иностранным источником лицу поддержки и (или) оказание воздействия на лицо, в том числе путем принуждения, убеждения и (или) иными способами.

Под поддержкой понимается предоставление лицу иностранным источником

денежных средств и (или) иного имущества, а также оказание лицу иностранным источником организационно-методической, научно-технической помощи, помощи в иных формах.

Ст. 4 рассматриваемого Закона определяет следующие виды деятельности, осуществление которой влечет признание соответствующего лица иностранным агентом:

1. Политическая деятельность. Основной вид деятельности, определяемый в качестве критерия признания соответствующих лиц иностранными агентами.

2. Целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, распространение предназначенных для неограниченного круга лиц сообщений и материалов и (или) участие в создании таких сообщений и материалов.

3. Иные виды деятельности, установленные указанной статьей.

При этом Законом определено, что под политической деятельностью понимается деятельность в сфере государственного строительства, защиты основ конституционного строя Российской Федерации, федеративного устройства Российской Федерации, защиты суверенитета и обеспечения территориальной целостности Российской Федерации, обеспечения законности, правопорядка, государственной и общественной безопасности, обороны страны, внешней политики, социально-экономического и национального развития Российской Федерации, развития политической системы, деятельности органов публичной власти, законодательного регулирования прав и свобод человека и гражданина в целях оказания влияния на выработку и реализацию государственной политики, формирование органов публичной власти, их решения и действия.

К видам деятельности, указанным в п. 2 и 3 цитируемой статьи Закон относит:

1) целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической дея-

тельности Российской Федерации, которые при их получении иностранными источниками могут быть использованы против безопасности Российской Федерации (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 275 и 276 УК РФ). Перечень таких сведений определяется федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности;

2) распространение предназначенных для неограниченного круга лиц печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных сообщений и материалов (в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»), и (или) участие в создании указанных сообщений и материалов;

3) финансирование деятельности, указанной в предыдущих п. 1 и 2.

Статьей 7 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ определен порядок включения соответствующих лиц в реестр иностранных агентов, который предполагает следующие основные варианты такого включения:

— подача лицом, которое намеревается действовать в качестве иностранного агента, до начала своих действий заявления в уполномоченный орган о включении его в реестр;

— заявление в уполномоченный орган о намерении после прибытия в Российскую Федерацию действовать в качестве иностранного агента физическим лицом, не являющимся гражданином Российской Федерации, постоянно проживающим за пределами территории Российской Федерации;

— принятие уполномоченным органом решения о включении в реестр сведений о российских юридических лицах, учрежденных иностранными агентами, в том числе учрежденных до приобретения ими соответствующего статуса;

— принятие решения о включении в реестр соответствующего лица в случае выявления его деятельности в качестве иностранного агента, которое не подало заявление о намерении действовать в качестве иностранного агента до начала такой дея-

тельности (решение принимается в срок не позднее чем десять рабочих дней со дня выявления).

Для лиц, включенных в установленном порядке в реестр иностранных агентов, Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ предусмотрены:

— дополнительные обязанности иностранных агентов (ст. 9);

— особенности осуществления государственного контроля за деятельностью иностранных агентов (ст. 10);

— ограничения, связанные со статусом иностранного агента (ст. 11);

— ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации об иностранных агентах (ст. 12).

В частности, в качестве дополнительных обязанностей иностранных агентов в области получения, сбора и распространения информации, статьей 9 цитируемого Закона установлены следующие:

— иностранный агент обязан сообщать о наличии этого статуса при осуществлении деятельности, признаваемой законом деятельностью иностранного агента, в том числе, если в ходе осуществления такой деятельности направляется обращение в органы публичной власти, образовательные организации, иные органы и организации;

— материалы, производимые и (или) распространяемые иностранным агентом в связи с осуществлением этой деятельности, в том числе через средства массовой информации и (или) с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», материалы, направляемые иностранным агентом в органы публичной власти, образовательные организации, иные органы и организации в связи с осуществлением этой деятельности, информация, касающаяся такой деятельности, распространяемая, в том числе, через средства массовой информации и (или) с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», должны сопровождаться указанием на то, что эти материалы (информация) произведены, распространены и

(или) направлены иностранным агентом либо касаются деятельности такого агента;

— таким же образом должны сопровождаться указанием на то, что аналогичные материалы (информация) произведены, распространены и (или) направлены учредителем, членом, участником, руководителем юридического лица, включенного в реестр, или лицом, входящим в состав органа такого лица.

Ст. 11 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ в качестве ограничений, связанных со статусом иностранного агента, в области получения, сбора и распространения информации, в том числе устанавливает следующие:

— включение должностного лица или гражданина в реестр может являться основанием для отказа в допуске к государственной тайне;

— иностранный агент не вправе осуществлять деятельность, способствующую либо препятствующую выдвижению кандидатов, списков кандидатов, избранию зарегистрированных кандидатов, выдвижению инициативы проведения референдума и проведению референдума, достижению определенного результата на выборах, референдуме, а также в иных формах участвовать в избирательных кампаниях, кампаниях референдума;

— иностранный агент не вправе осуществлять просветительскую деятельность в отношении несовершеннолетних и (или) педагогическую деятельность в государственных и муниципальных образовательных организациях. Образовательная деятельность в отношении несовершеннолетних не может осуществляться организациями, признанными иностранными агентами;

— иностранный агент не вправе производить информационную продукцию для несовершеннолетних;

— иностранный агент не вправе получать государственную финансовую поддержку, в том числе при осуществлении творческой деятельности.

Таким образом, Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» целенаправленный сбор сведений, включенных в Перечень сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранными источниками могут быть использованы против безопасности Российской Федерации, утвержденный приказом ФСБ России от 4 ноября 2022 г. № 547, рассматривает лишь как критерий возможного признания соответствующего лица иностранным агентом и включения его в реестр иностранных агентов.

При этом иностранным агентом может быть признано лицо, осуществляющее целенаправленный сбор таких сведений, только если это лицо получило (получает) поддержку и (или) находится под иностранным влиянием в иных формах.

Как буквально следует из содержания ст. 9, 11 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ, устанавливающих для иностранных агентов дополнительные обязанности и ограничения, указанным лицам, признанным в официальном порядке иностранными агентами и включенным в реестр иностранных агентов, не запрещается осуществлять целенаправленный сбор сведений, включенных в Перечень, утвержденный приказом ФСБ России от 4 ноября 2022 г. № 547, а предписывается при осуществлении этой деятельности сообщать о наличии статуса иностранного агента, в том числе если в ходе осуществления такой деятельности направляется обращение в органы публичной власти, образовательные организации, иные органы и организации.

Так, в ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ определено, что иностранный агент обязан сообщать о наличии этого статуса при осуществлении вида деятельности, установленного ст. 4 этого Федерального закона (включает целенаправленный сбор рассматриваемых сведений), в том числе, если в ходе осуществле-

ния такой деятельности направляется обращение в органы публичной власти, образовательные организации, иные органы и организации.

Не содержит Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ и запрета на распространение иностранными агентами сведений, включенных в Перечень, утвержденный приказом ФСБ России от 4 ноября 2022 г. № 547. Распространение таких, как и иных, сведений в соответствии со ст. 9 цитируемого Закона должно сопровождаться указанием на то, что содержащиеся их материалы (информация) произведены, распространены и (или) направлены иностранным агентом либо касаются деятельности такого агента.

При изложенном толковании норм Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ, проведенном исходя из буквального значения содержащихся в нем слов и выражений, с сопоставлением с положениями других нормативных правовых актов, следует, что для физических и юридических лиц, не являющихся иностранными агентами и не подпадающих под законодательно закрепленные признаки иностранных агентов, не может устанавливаться запрет на получение и распространение сведений, сбор и распространение которых не запрещено законом даже для иностранных агентов (то есть, сведений, включенных в Перечень, утвержденный приказом ФСБ России от 4 ноября 2022 г. № 547).

Если законом не запрещено иностранным агентам целенаправленно собирать и распространять определенные сведения, то и иным лицам, не признанным иностранными агентами, законом не может запрещаться собирать и распространять такие сведения.

В Перечне, утвержденном приказом ФСБ России от 4 ноября 2022 г. № 547, сведения определяются как сведения, которые при их получении иностранными источниками могут быть использованы против безопасности Российской Федерации.

На первый взгляд усматривается их сходство с описанием сведений, которые

могут выступать предметом шпионажа (ст. 276 УК РФ).

Так, в ст. 276 УК РФ в качестве предмета шпионажа, помимо сведений, составляющих государственную тайну, определены следующие виды сведений:

— иные сведения для использования их против безопасности Российской Федерации;

— сведения, которые могут быть использованы против Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов Российской Федерации.

Однако названные в ст. 276 УК РФ «иные сведения для использования их против безопасности Российской Федерации» могут являться предметом шпионажа только в том случае, если их передача или собирание производилось лицом по заданию иностранной разведки или лица, действующего в ее интересах, и именно для использования их против безопасности Российской Федерации.

«Сведения, которые могут быть использованы против Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов Российской Федерации», в свою очередь, могут являться предметом шпионажа только в том случае, если их передача, собирание, похищение или хранение осуществлялось в целях передачи противнику и в условиях вооруженного конфликта, военных действий или иных действий с применением вооружения и военной техники с участием Российской Федерации.

Под противником при этом понимаются иностранное государство, международная либо иностранная организация, противостоящие Российской Федерации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники.

В рассматриваемом контексте также необходимо учитывать, что сведения, поименованные в Перечне, утвержденном приказом ФСБ России от 4 ноября 2022 г.

№ 547, могут одновременно с этим подпадать под признаки:

— сведений, составляющих государственную тайну;

— сведений, составляющих служебную тайну¹;

— сведений, отнесенных к служебной тайне в области обороны;

— сведений, составляющих коммерческую тайну²;

— сведений, составляющих профессиональную тайну³;

— сведений, составляющих иную тайну⁴.

Условия отнесения информации к сведениям, составляющим коммерческую тайну, служебную тайну и иную тайну, обязательность соблюдения конфиденциальности такой информации, а также ответственность за ее разглашение, должны устанавливаться федеральными законами (ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Сравнительный анализ формулировок описания сведений, включенных в Перечень, утвержденный приказом ФСБ России от 4 ноября 2022 г. № 547, с формулировками описания сведений, отнесенных к государственной тайне и служебной тайне в об-

ласти обороны, приведен в приложении к настоящей статье.

Государственная тайна — защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации (ст. 2 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»).

В ст. 5 данного Закона определен обобщенный перечень сведений, составляющих государственную тайну.

На основании ст. 4 и 9 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» для осуществления единой государственной политики в области засекречивания сведений в соответствии с Перечнем сведений, составляющих государственную тайну, определенных указанным Законом, Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203⁵ утвержден Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, в котором указаны органы государственной власти, наделяемые полномочиями по распоряжению данными сведениями.

Согласно ст. 9 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» органами государственной власти, руководители которых наделяются полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне, в соответствии с названным Перечнем сведений, отнесенных к государственной тайне, разработаны развернутые перечни сведений, подлежащих засекречиванию. В эти перечни включены сведения, полномочиями по распоряжению которыми наделяются указанные органы, и установлена степень их секретности. Указанные перечни сведений, утвержденные органами государственной власти, в свою очередь, имеют гриф секретности

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 3 ноября 1994 г. № 1233 «Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, уполномоченном органе управления использованием атомной энергии и уполномоченном органе по космической деятельности».

² Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне».

³ См., например, ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (которой определяется порядок соблюдения врачебной тайны).

⁴ См., например, Указ Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне».

соответствующей степени или пометку «Для служебного пользования».

Служебная тайна в области обороны — сведения, которые образуются при осуществлении полномочий органами государственной власти Российской Федерации, функций органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями по организации и выполнению мероприятий в области обороны, распространение которых может нанести вред при выполнении указанных мероприятий (ст. 3.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»).

Право на отнесение информации к сведениям, составляющим служебную тайну в области обороны, и определение перечней сведений, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны, а также их утверждение принадлежит руководителям федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба (при наличии такой информации). Указанные перечни подлежат опубликованию в открытом доступе.

Порядок обращения со сведениями, составляющими служебную тайну в области обороны, определен в Правилах обращения со сведениями, составляющими служебную тайну в области обороны, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2021 г. № 2052.

На документах, содержащих сведения, составляющие служебную тайну в области обороны, проставляется пометка «Для служебного пользования» со ссылкой на пункт перечня сведений, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны (далее — перечень), соответствующего органа, уполномоченного на издание перечня, используемого в организации.

Лица, получившие доступ к информации, содержащей сведения, составляющие служебную тайну в области обороны, в связи с исполнением служебных или профес-

сиональных обязанностей, обязаны соблюдать конфиденциальность такой информации и не разглашать указанные сведения без согласия соответствующих органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций, предоставивших данные сведения.

Лица, допустившие разглашение сведений, составляющих служебную тайну в области обороны, получившие доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей, несут предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность.

Перечень сведений Вооруженных Сил Российской Федерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны, утвержден приказом Министра обороны Российской Федерации от 17 января 2022 г. № 22 и содержит 689 позиций.

По общему правилу ответственность за разглашение сведений, составляющих государственную тайну, и за разглашение сведений, составляющих служебную тайну и иную тайну, устанавливается только в отношении тех лиц, которым она была доверена или стала известна по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством.

Так, статьей 283 УК РФ установлена уголовная ответственность за разглашение сведений, составляющих государственную тайну, лицом, которому она была доверена или стала известна по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, если эти сведения стали достоянием других лиц, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 275 и 276 УК РФ. Причем уголовная ответственность согласно ч. 2 ст. 283 УК РФ предусматривается и за такое разглашение по неосторожности, но только в том случае, если это повлекло тяжкие последствия.

Незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну, в со-

ответствии со ст. 283.1 УК РФ будет квалифицироваться как уголовно наказуемое деяние, если оно совершено путем похищения, обмана, шантажа, принуждения, угрозы применения насилия либо иным незаконным способом (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 275 и 276 УК РФ).

Разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом (за исключением случаев, если разглашение такой информации влечет уголовную ответственность), лицом, получившим доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей, влечет в соответствии со ст. 13.14 КоАП РФ наступление административной ответственности.

За незаконное получение информации с ограниченным доступом (доступ к которой ограничен федеральным законом) в соответствии со ст. 13.14.1 КоАП РФ наступает административная ответственность, если получение такой информации было произведено любым незаконным способом (и если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния).

Таким образом, лица, которым сведения, составляющие государственную тайну, а равно сведения, доступ к которым ограничен федеральным законом, не были доверены или такие сведения стали известны им не в связи с исполнением служебных, профессиональных обязанностей или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, к ответственности за разглашение таких сведений по общему правилу привлечены быть не могут.

Исключение составляют уголовные преступления, предусмотренные статьями 275 «Государственная измена» и 276 «Шпионаж» УК РФ, и административное правонарушение, предусмотренное ч. 7 ст. 13.15 «Злоупотребление свободой массовой информации» КоАП РФ (ответственность предусмотрена только для юридических лиц).

Так, собирание, похищение или хранение в целях передачи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, а также передача или собирание по заданию иностранной разведки или лица, действующего в ее интересах, иных сведений для использования их против безопасности Российской Федерации либо передача, собирание, похищение или хранение в целях передачи противнику¹ сведений, которые могут быть использованы против Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов Российской Федерации, совершенные в условиях вооруженного конфликта, военных действий или иных действий с применением вооружения и военной техники с участием Российской Федерации, — в зависимости от статуса лица, их совершившего, подпадают под признаки преступлений, предусмотренных ст. 275 или 276 УК РФ.

Выдача гражданином Российской Федерации иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, будет квалифицироваться по ст. 275 УК РФ как государственная измена.

Согласно ч. 7 ст. 13.15 КоАП РФ использование средств массовой информации, а также информационно-телекоммуникационных сетей для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от

¹ Под противником в ст. 276 УК РФ понимаются иностранное государство, международная либо иностранная организация, противостоящие Российской Федерации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники.

четырёхсот тысяч до одного миллиона рублей.

Исходя из изложенного, следует, что в соответствии с действующим законодательством:

1. Физические лица, признанные иностранными агентами либо имеющие установленные законом признаки иностранного агента, к уголовной ответственности за разглашение сведений, составляющих государственную тайну, могут привлекаться в том случае, если эти сведения им были доверены или стали известны по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Исключение составляют преступления, предусмотренные ст. 275 и 276 УК РФ.

2. Физические лица и организации, признанные иностранными агентами либо имеющие установленные законом признаки иностранного агента, к административной ответственности за разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом, могут привлекаться в случае, если доступ к такой информации ими был получен в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей. Исключение составляет ч. 7 ст. 13.15 КоАП РФ, которой предусмотрена ответственность юридических лиц за использование средств массовой информации, а также информационно-телекоммуникационных сетей для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну.

3. За получение сведений, составляющих государственную тайну, получение информации с ограниченным доступом (доступ к которой ограничен федеральным законом) иностранные агенты будут нести соответствующую ответственность, если такое получение указанных сведений являлось незаконным (было совершено путем похищения, обмана, шантажа, принуждения, угрозы применения насилия либо иным незаконным способом).

За распространение или получение сведений, подпадающих под описания, изложенные в Перечне, утвержденном приказом ФСБ России № 547 (при соблюдении иностранными агентами требований ст. 9—13 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ) иностранные агенты не будут привлекаться к какой-либо ответственности, если такие сведения одновременно с этим не являются сведениями, составляющими государственную тайну, или сведениями, составляющими служебную тайну (служебную тайну в области обороны), иную охраняемую законом тайну¹.

Одновременно с этим лица, получающие поддержку и (или) находящиеся под иностранным влиянием в иных формах, которые осуществляют целенаправленный сбор сведений, подпадающих под описания, изложенные в Перечне, утвержденном приказом ФСБ России № 547, должны признаваться иностранными агентами и включаться в реестр иностранных агентов (по собственному заявлению или по решению уполномоченного органа).

Для таких лиц статьей 13.15 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за совершение следующих административных правонарушений в области связи и информации:

— распространение в средствах массовой информации и в сообщениях и материалах средств массовой информации в информационно-телекоммуникационных сетях информации о некоммерческой организа-

¹ Исключение составляют отдельные правонарушения, в рамках совершения которых могут использоваться сведения, подпадающие под признаки сведений, описанных в Перечне, утвержденном приказом ФСБ России № 547. Например, если такие сведения используются в рамках совершения публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях (ст. 20.3.3 КоАП РФ).

ции, включенной в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента (за исключением информации, размещаемой в единых государственных реестрах и государственных информационных системах, предусмотренных законодательством Российской Федерации), либо производимых ею материалов без указания на то, что соответствующая организация является некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента (ч. 2.1);

— распространение в средствах массовой информации и в сообщениях и материалах средств массовой информации в информационно-телекоммуникационных сетях информации об общественном объединении, включенном в реестр незарегистрированных общественных объединений, выполняющих функции иностранного агента (за исключением информации, размещаемой в единых государственных реестрах и государственных информационных системах, предусмотренных законодательством Российской Федерации), либо производимых им материалов без указания на то, что соответствующее объединение является незарегистрированным общественным объединением, выполняющим функции иностранного агента (ч. 2.2);

— распространение в средствах массовой информации и в сообщениях и материалах средств массовой информации в информационно-телекоммуникационных сетях информации о физическом лице, включенном в список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента (за исключением информации, размещаемой в единых государственных реестрах и государственных информационных системах, предусмотренных законодательством Российской Федерации), либо производимых им материалов без указания на то, что соответствующее лицо является физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента (ч. 2.3);

— распространение в средствах массовой информации и в сообщениях

и материалах средств массовой информации в информационно-телекоммуникационных сетях сообщений и (или) материалов иностранного средства массовой информации, выполняющего функции иностранного агента, и (или) российского юридического лица, включенного в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента, без указания на то, что эти сообщения и (или) материалы созданы и (или) распространены иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, включенным в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента (ч. 2.4).

В гл. 19 «Административные правонарушения против порядка управления» КоАП РФ предусмотрена административная ответственность, прямо связанная с распространением информации лицами, выполняющими функции иностранного агента:

— производство общественным объединением, включенным в реестр незарегистрированных общественных объединений, выполняющих функции иностранного агента, материалов или их распространение, либо направление таким общественным объединением материалов в государственные органы, органы местного самоуправления, образовательные или иные организации без указания на то, что эти материалы произведены, распространены или направлены незарегистрированным общественным объединением, выполняющим функции иностранного агента (ч. 2 ст. 19.7.5-3 КоАП РФ);

— производство учредителем, членом, участником, руководителем общественного объединения, включенного в реестр незарегистрированных общественных объединений, выполняющих функции иностранного агента, или лицом, входящим в состав органа такого общественного объединения, при осуществлении ими политической деятельности материалов или их распространение,

в том числе через средства массовой информации и (или) с использованием сети «Интернет», либо направление указанными лицами материалов, связанных с осуществлением ими политической деятельности, в государственные органы, органы местного самоуправления, образовательные или иные организации без указания на то, что эти материалы произведены, распространены или направлены учредителем, членом, участником, руководителем незарегистрированного общественного объединения, выполняющего функции иностранного агента, или лицом, входящим в состав органа такого общественного объединения (ч. 3 ст. 19.7.5-3 КоАП РФ);

— неисполнение физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента, обязанности по указанию этого статуса в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации (ч. 2 ст. 19.7.5-4 КоАП РФ);

— производство некоммерческой организацией, включенной в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, материалов или их распространение, в том числе через средства массовой информации и (или) с использованием сети "Интернет", либо направление этой организацией материалов в государственные органы, органы местного самоуправления, образовательные или иные организации без указания на то, что эти материалы произведены, распространены или направлены некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента (ч. 2 ст. 19.34 КоАП РФ);

— производство учредителем, членом, участником, руководителем некоммерческой организации, включенной в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, или лицом, входящим в состав органа такой некоммерческой организации, при осуществлении ими политической деятельности материалов или их распространение, в том числе через средства массовой информации и (или) с использованием сети «Интернет», либо

направление указанными лицами материалов, связанных с осуществлением ими политической деятельности, в государственные органы, органы местного самоуправления, образовательные или иные организации без указания на то, что эти материалы произведены, распространены или направлены учредителем, членом, участником, руководителем некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, или лицом, входящим в состав органа такой некоммерческой организации (ч. 3 ст. 19.34 КоАП РФ);

— нарушение порядка¹ деятельности иностранного средства массовой информации², выполняющего функции иностранного агента, и (или) учрежденного им российского юридического лица, выполняющего функции иностранного агента, либо неисполнение иным лицом, информация о котором включена в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента, установленных законодательством Российской Федерации требований в связи с признанием выполняющим функции иностранного агента (ч. 1 ст. 19.34.1 КоАП РФ);

— повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.34.1 КоАП РФ (ч. 2 ст. 19.34.1 КоАП РФ);

¹ Приказ Минюста России от 24 сентября 2020 г. № 214 «Об утверждении порядков применения к лицам, указанным в частях третьей и седьмой статьи 6 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 "О средствах массовой информации", и к российскому юридическому лицу, учрежденному иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, положений Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ "О некоммерческих организациях"».

² Согласно примечанию 1 к ст. 19.34.1 КоАП РФ за административные правонарушения, предусмотренные названной статьей, иностранные структуры без образования юридического лица, признанные иностранными средствами массовой информации, выполняющими функции иностранного агента, несут административную ответственность как юридические лица.

— грубое нарушение порядка деятельности иностранного средства массовой информации, выполняющего функции иностранного агента, и (или) учрежденного им российского юридического лица, выполняющего функции иностранного агента (ч. 3 ст. 19.34.1 КоАП РФ).

В гл. 19 и гл. 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность» КоАП РФ установлена ответственность за административные правонарушения, косвенно связанные с распространением информации иностранными агентами:

— непредставление сведений некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента (ст. 19.7.5-2 КоАП РФ);

— нарушение порядка деятельности общественного объединения, функционирующего без приобретения прав юридического лица и выполняющего функции иностранного агента (ч. 1 ст. 19.7.5-3 КоАП РФ);

— нарушение обязанностей физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента (ч. 1 ст. 19.7.5-4 КоАП РФ);

— нарушение порядка деятельности некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента (ч. 1 ст. 19.34 КоАП РФ);

— организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности (ч. 2 ст. 20.28 КоАП РФ).

Кроме того, статьей 330.1 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за злостное уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в связи с признанием лица выполняющим функции иностранного агента.

Злостное уклонение от исполнения обязанностей по представлению документов, необходимых для включения в реестр некоммерческих организаций, выполняющих

функции иностранного агента, либо в реестр незарегистрированных общественных объединений, выполняющих функции иностранного агента, наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Нарушение порядка деятельности иностранного средства массовой информации, выполняющего функции иностранного агента, и (или) учрежденного им российского юридического лица, выполняющего функции иностранного агента, либо неисполнение иным лицом, информация о котором включена в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента, установленных законодательством Российской Федерации требований в связи с признанием выполняющим функции иностранного агента, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 19.34.1 КоАП РФ, наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Неисполнение установленных законодательством Российской Федерации обязанностей по представлению в уполномоченный орган заявления (уведомления) о включении в список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента, и (или) отчета о деятельности, связанной с выполнением функций иностранного агента, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 19.7.5-4 КоАП РФ, либо неисполнение обязанности по представлению в уполномоченный орган заявления

(уведомления) о включении в список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента, совершенное лицом, осуществляющим на территории Российской Федерации в интересах иностранного государства, его государственных органов, международной или иностранной организации, иностранных граждан, лиц без гражданства целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении указанными субъектами могут быть использованы против безопасности Российской Федерации (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 275 и 276 УК РФ), наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что по политическим причинам пользователям сети «Интернет» навязывается искаженный взгляд на события, происходящие в России и в мире (п. 53), а традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников, а также со стороны транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций. Они оказывают информационно-психологическое воздействие на индивидуальное, групповое и общественное сознание путем распространения социальных и моральных установок, противоречащих традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации (п. 87).

На фоне реализации странами Запада целенаправленной политики по сдерживанию Российской Федерации жизненно важ-

ное значение для нашей страны приобретают укрепление ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защита традиционных духовно-нравственных основ российского общества, обеспечение обороны и безопасности, недопущение вмешательства во внутренние дела Российской Федерации.

В этой связи Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» через упорядочение правового регулирования деятельности иностранных агентов направлен на решение задач по недопущению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации, по противодействию использованию информационной инфраструктуры Российской Федерации специальными службами и пропагандистскими структурами иностранных государств для осуществления деструктивного информационного воздействия на граждан и общество.

В свою очередь приказ ФСБ России № 547, изданный в соответствии с п. 1 ч. 6 ст. 4 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ, подвергается искажающей его назначению в российском информационном пространстве критике или от непонимания предмета его правового регулирования, или в рамках целенаправленной диверсионной деятельности тех, кто стоит за иностранными агентами. И первое, и второе необходимо в условиях современной военно-политической обстановки оперативно устранять путем правового просвещения общества через своевременное размещение опровержений ложной информации, а в случае злостного продолжения деструктивного информирования населения — путем блокирования источников, умышленно или по неосторожности искажающих взгляд на принимаемые Российской Федерацией меры по ограничению и недопущению иностранного вмешательства в ее внутренние дела

Сравнительный анализ формулировок описания сведений, включенных в Перечень, утвержденный приказом ФСБ России от 4 ноября 2022 г. № 547, с формулировками описания сведений, отнесенных к государственной тайне и служебной тайне в области обороны

<p>Перечень сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранными источниками могут быть использованы против безопасности Российской Федерации, утвержденный приказом ФСБ России от 4 ноября 2022 г. № 547</p>	<p>Ст. 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»</p>	<p>Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203</p>	<p>Перечень сведений Вооруженных Сил Российской Федерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны, утвержденный приказом Министра обороны Российской Федерации от 17 января 2022 г. № 22</p>
<p>1. Сведения об оценке и прогнозах развития военно-политической, стратегической (оперативной) обстановки.</p>	<p>... о военно-политической и (или) оперативной обстановке (п. 1 – сведения в военной области)</p>	<p>9. ... сведения, содержащие анализ военно-политической или оперативной обстановки</p>	<p>1. Сведения, раскрывающие результаты ежедневного мониторинга военно-политической обстановки в мире ... 16. ... анализ военно-политической обстановки ...</p>
<p>2. Сведения о планировании и осуществлении мероприятий по гражданской и территориальной обороне.</p>	<p>о силах и средствах гражданской обороны (п. 2 – сведения в области экономики, науки и техники)</p>	<p>44. Сведения о силах или средствах гражданской обороны</p>	<p>IX. Сведения в области планирования и осуществления мероприятий по гражданской и территориальной обороне (п. 291-308)</p>
<p>3. Сведения о дислокации, действительных наименованиях, организационной структуре, вооружении, перевозках, ... численности подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации ...</p>	<p>о дислокации, действительных наименованиях, об организационной структуре, о вооружении, численности войск и состоянии их боевого обеспечения (пункт 1 – сведения в военной области)</p>	<p>26. Сведения, раскрывающие дислокацию, назначение, степень готовности, действительные наименования, организационную структуру, вооружение, численность войск ...</p>	<p>41. Сведения, раскрывающие дислокацию ... Вооруженных Сил или военных объектов ... 52. ... их действительные наименования, места дислокации, штатную, списочную численность личного состава и наличие ВВСТ ...</p>
<p>4. Сведения о дислокации, назначении, эксплуатации и защищенности объектов войск, воинских формирований и органов. Те же сведения в отношении строящихся объектов войск, воинских формирований и органов. 5. Сведения об оперативном оборудовании территории Российской Федерации в целях обороны.</p>	<p>о дислокации, назначении, степени готовности, защищенности режимных и особо важных объектов, об их проектировании, строительстве и эксплуатации ... (п. 1 – сведения в военной области) об использовании инфраструктуры Российской Федерации в целях обеспечения обороноспособности и безопасности государства (пункт 2 – сведения в области экономики, науки и техники)</p>	<p>29. Сведения об использовании инфраструктуры Российской Федерации в интересах обеспечения обороноспособности и безопасности государства</p>	<p>X. Сведения в области оперативного оборудования территории Российской Федерации в целях обороны (п. 309-322) 311. Сведения, раскрывающие место расположения и характеристики нережимных объектов военной инфраструктуры Вооруженных Сил 318. ... организацию и проведение мероприятий по строительству военных объектов 322. особорежимного объекта ... особо важной воинской части ...</p>

<p>6. Сведения о прохождении гражданами Российской Федерации военной службы, государственной службы иных видов в войсках, воинских формированиях и органах, о трудовой деятельности граждан Российской Федерации в войсках, воинских формированиях и органах.</p>	<p>... о ... численности войск и состоянии их боевого обеспечения, а также о военно-политической и (или) оперативной обстановке (пункт 1) сведения в военной области) о планах строительства Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск Российской Федерации ... (пункт 1 – сведения в военной области)</p>	<p>9. Сведения о ... развитии, численности, боевом составе, боевых возможностях или количестве войск, состоянии боевой готовности войск, состоянии боевого обеспечения, составе дежурных сил (средств) и состоянии их готовности ...</p>	<p>104. Сведения, раскрывающие комплектование войск (сил) военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, лицами гражданского персонала или переменным составом военных образовательных организаций... 108. ... показатели аттестации на классную квалификацию военнослужащих, проходящих военную службу по контракту</p>
<p>7. Сведения о строительстве и развитии войск, воинских формирований и органов.</p>	<p>о планах строительства Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск Российской Федерации... (пункт 1 – сведения в военной области)</p>	<p>9. сведения о планах строительства (совершенствования) ... войск ...</p>	<p>IV. Сведения о строительстве, подготовке и поддержании в необходимой готовности Вооруженных Сил Российской Федерации, а также планировании их применения (п. 30-191)</p>
<p>8. Сведения о мобилизации, боевой и мобилизационной подготовке войск, воинских формирований и органов.</p>	<p>о содержании ... документов боевого управления по ... мобилизационному развертыванию Вооруженных Сил Российской Федерации, ... , об их боевой и мобилизационной готовности, о создании и об использовании мобилизационных ресурсов; (п. 1 – сведения в военной области)</p>	<p>5. Сведения, раскрывающие планы, направленность или содержание мероприятий оперативной, боевой или мобилизационной подготовки войск 6. ... о содержании мобилизационных планов (планов от мобилизования), документов об управлении мобилизационным развертыванием войск, о мобилизационной готовности войск, о возможностях их комплектования личным составом, обеспечения вооружением, военной техникой, другими материальными, финансовыми средствами или воинскими перевозками</p>	<p>VII. Сведения о взаимодействии Вооруженных Сил Российской Федерации по мобилизационной подготовке с органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями независимо от форм собственности, транспорта, коммуникаций и населения страны (пункты 258-281) VIII. Сведения в области создания в составе государственного материального резерва запасов материальных ценностей (в том числе запаса мобилизационного резерва и неснижаемого запаса государственного материального резерва), предназначенных для мобилизационных нужд Российской Федерации (пункты 282 – 290)</p>
<p>12. Сведения о материально-техническом и финансовом обеспечении войск, воинских формирований и органов.</p>	<p>о ... состоянии их боевого обеспечения, (пункт 1 – сведения в военной области) об объемах производства, поставок, ... фак-</p>	<p>6. Сведения ... о возможностях ... обеспечения ... материальными, финансовыми средствами или воинскими перевоз-</p>	<p>153. Сведения о состоянии материально-технического обеспечения (по службе) на мирное время (до органа военного управления включительно)</p>

	<p>тических размерах и об использовании государственных материальных резервов; (пункт 2 – сведения в области экономики, науки и техники)</p>	<p>ками 36. Сведения о номенклатуре, нормах накопления, поставке, закладке, фактических запасах (размерах), размещении, дислокации, об освещении, о выпуске или об использовании материальных ценностей государственного материального резерва</p>	<p>172. ... раскрывающие потребность, наличие, перемещение, техническое состояние ВВСТ, материально-технические ресурсы и средства (с указанием их номенклатур и каталогов) в мирное время</p>
<p>14. Сведения о соблюдении законности и морально-психологическом климате в войсках, воинских формированиях и органах.</p>	<p>о планах строительства Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск Российской Федерации (п. 1 – сведения в военной области)</p>	<p>9. Сведения о планах строительства (совершенствования), развитии, численности, боевом составе, боевых возможностях или количестве войск, состоянии боевой готовности войск, состоянии боевого обеспечения, составе дежурных сил (средств) и состоянии их готовности, а также сведения, содержащие анализ военно-политической или оперативной обстановки</p>	<p>54. Сведения, раскрывающие результаты психологического и психофизиологического обследований личного состава структурных подразделений воинских частей 55. ... уровень морально-политического и (или) психологического состояния личного состава, а также его психологической готовности к выполнению задач по предназначению</p>
<p>16. Персональные данные военнослужащих (сотрудников, работников) войск, воинских формирований и органов, членов их семей, в том числе сведения об адресах проживания, посещаемых образовательных и медицинских организациях, используемых транспортных средствах и личных средствах связи, сведения о контактах и переписке с использованием средств связи, за исключением сведений, содержащихся в открытом доступе.</p>	<p>о планах строительства Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск Российской Федерации (п. 1 – сведения в военной области)</p>	<p>9. Сведения о планах строительства (совершенствования), развитии, численности, боевом составе, боевых возможностях или количестве войск, состоянии боевой готовности войск, состоянии боевого обеспечения, составе дежурных сил (средств) и состоянии их готовности, а также сведения, содержащие анализ военно-политической или оперативной обстановки</p>	<p>76. Сведения, раскрывающие персональные данные о кандидатах ..., поступающих на обучение в военные образовательные организации ... 77. ... персональные данные слушателей и курсантов, зачисленных по итогам набора на первые курсы военных образовательных организаций 170. ... содержание каталожных описаний ... хранящих или обрабатывающих персональные данные военнослужащих и лиц гражданского персонала ВС</p>

Теория и история военного права

Методы и формы правового регулирования военно-управленческих отношений

© Глухов Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, ФГВКОУ
ВО «Военный университет имени князя
Александра Невского» Министерства обороны
Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируются теоретические аспекты применяемых в сфере военного управления средств и методов правового регулирования, выявляется их специфика по отношению к используемому механизму правового регулирования в публичном управлении. К специфическим проявлениям форм и методов правового регулирования в военной среде можно отнести такие особенности как нацеленность на применение в чрезвычайных правовых режимах (чрезвычайного и военного положения, контртеррористической и специальной военной операции). В некоторых случаях распоряжения органов военного управления адресованы неподчиненным им субъектам и тоже носят обязательный характер, что свидетельствует об их авторитарности.

Ключевые слова: военное управление, средства и методы управления, правовое регулирование, воинские отношения, военная служба.

Methods and forms of legal regulation of military-managerial relations

© Glukhov E.A.,
Candidate of Law, Associate Professor, FGVKOU
VO "Prince Alexander Nevsky Military University"
of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. The article analyzes the theoretical aspects of the means and methods of legal regulation used in the field of military administration, reveals their specificity in relation to the mechanism of legal regulation used in public administration. The specific manifestations of forms and methods of legal regulation in the military environment include such features as the focus on the use in emergency legal regimes (emergency and martial law, counter-terrorism and special military operations). In some cases, the orders of the military authorities are addressed to subjects not subordinate to them and are also mandatory, which indicates their authoritarianism.

Keywords: military administration, means and methods of management, legal regulation, military relations, military service.

В общепринятом понимании метод означает способ, прием практического осуществления чего-либо. Метод правового регулирования представляет собой совокупность способов, процедур, механизмов, приемов воздействия правовых норм и юридических правил на конкретные общественные отношения, подлежащие гос-

ударственному упорядочению¹. В структуру метода правового регулирования входят такие компоненты, как установление границ регулируемых отношений, определение границ должного и возможного поведения субъектов, определение мер ответственности и ряд других компонентов, по-

¹ Демин А.А. Административно-правовой метод: соотношение с другими методами правового регулирования // Государство и право. 2005. № 6. С. 13—19.

средством которых правовые нормы оказывают необходимое воздействие на общественные отношения.

Метод призван отвечать на вопрос о том, каким образом право осуществляет свою регулятивную роль, так как нормы права регулируют не только разнохарактерные отношения, но и делают это различным образом. Метод регулирования, сообразный правовой отрасли, обрисовывает специфику взаимосвязи и воздействия на определенный вид социальных отношений группы юридических норм, которые образуют эту отрасль. От методов в существенной мере зависит эффективность правового регулирования общественных отношений.

Вместе с тем, методы правового регулирования как способы воздействия на общественные отношения следует отличать от методов изучения военного права, которые, в сущности, представляют собой различные подходы к получению научных результатов о нем.

Методы образуют совокупность юридических приёмов, способов и средств воздействия социальных управляющих систем, входящих в аппарат публичной власти, на отношения в обществе. Применяемые в конкретной сфере общественных отношений метод правового регулирования зависит от:

— целей и задач, которые ставит перед собой государство, издавая те или иные правовые нормы;

— свойств субъектов правового отношения;

— характера и взаимосвязи прав и обязанностей субъектов правоотношения;

— положения субъектов правоотношения друг к другу, опосредованного их правами и обязанностями;

— различных средств обеспечения и охраны правовых норм;

— оснований возникновения правоотношения (государственный акт, договор)¹.

Методы публичного управления получают одобрение и легализируются в пра-

вовых актах управления, тем самым становясь обязательными для использования. Методы и средства публичного управления должны быть достаточно устойчивыми, стабильными. Как верно замечал Г.В. Атаманчук, нельзя без конца менять статусные состояния государственных органов и должностей, не давая людям (обществу) даже возможности их освоить, понять, применить на практике и оценить. Необходимо уметь выбирать нормы, которые бы длительное время сохраняли свою способность отвечать запросам жизни².

В юридической литературе справедливо отмечается, что в зависимости от содержания и сферы применения функции государственного управления могут подразделяться на общие и специфические. К общим относятся планирование, организация, регулирование, контроль и т.п., то есть те, которые свойственны любым сферам общественной жизни. Востребованность специфических функций государственного управления чаще всего диктуется ситуациями, которые требуют активного вмешательства государства и реализации его монополии на легитимное принуждение³.

К числу специфических функций военного управления можно отнести функции:

1) организация и планирование обороны государства;

2) регулирования особых правовых режимов (режим чрезвычайного положения, военного положения, применение насилия в отношении противника и т.п.);

3) подготовка воинских формирований и каждого военнослужащего к вооруженной защите Отечества;

4) создание условий для жизни и деятельности военнослужащих и воинских формирований лицензирования видов деятельности;

5) установление порядка прохождения военной службы;

¹ Бошно С.В. Способы и методы правового регулирования // Право и современные государства. 2014. № 3. С. 52—60.

² Атаманчук Г.В. Теория государственного управления : учебник. М.: Омега-Л, 2010. С. 268.

³ Козбаненко В.А. Государственное управление: учебник. М.: Статус, 2002.

б) определение порядка взаимодействия задействованных в сфере военной безопасности субъектов и ряд других.

Военно-административное право относится к семейству публичного права и направлено на обеспечение и охрану общих интересов, интересов государства, всего общества. Поэтому функции государства по управлению военной организацией осуществляются, главным образом, с помощью властных методов административного права¹. Указанными методами решаются задачи в области поддержания обороноспособности страны, обеспечивается правопорядок в армии и на флоте, права, свободы и законные интересы граждан, юридических лиц, различных организаций. Посредством методов правового регулирования командир (начальник) исполняет свою обязанность обеспечивать твердый внутренний порядок в подчиненной воинской части (подразделении).

Профессор М.И. Еропкин определял формы управленческой (административной) деятельности как внешнее организационно-правовое выражение конкретных однородных действий аппарата государственного управления, совершаемых в целях практического осуществления поставленных перед ним задач. Применительно к военной администрации форма правового регулирования является способом выражения ее государственно-правового содержания, внешне выраженное действие органа военного управления (должностного лица), осуществленное в рамках его компетенции и вызывающее определенные последствия.

Можно предположить, что воинская деятельность, где традиционными и привычными являются единоначалие, обязательность приказа, беспрекословность его исполнения, строгое послушание и суровая ответственность за любые нарушения, не подлежат правовому регулированию, поскольку относятся к области военного дела, военного искусства, а не военно-административных правил. Как следствие, право не должно и не может вторгаться в

сферу исключительной компетенции войск. Ранее на эту особенность взаимодействия военного права и военной науки указывал известный немецкий юрист-государствовед XIX в. Лоренц фон Штейн, который писал: «Государственное устройство может создать войско и управлять им, но одного только не может оно: это повелевать войску. Закон находит по отношению к войску границу, которой он не имеет ни в какой другой области государственной жизни: когда закон по отношению к войску определяет слишком много, он подвергает опасности силу, а когда определяет слишком мало, то подвергает опасности свободу»² (прежде всего, в данном случае он имел в виду свободу личности от произвола).

Однако такой подход вряд ли оправдан в современном мире, поскольку приведет к бесконтрольному использованию самых бесчеловечных методов ведения боевых действий для достижения стоящих перед вооруженной силой задач. Военные методы, в конечном счете, определяют специфическое содержание деятельности войск, которое, в свою очередь, находит отражение в конкретных формах этой деятельности (операции, боевые действия и т.д.). Однако и военные методы решения задач военной безопасности подлежат правовому регулированию, причем преимущественно в строгой императивной, а не в диспозитивной форме.

В военной сфере характерно централизованное директивное планирование: нижестоящие воинские формирования действуют в соответствии с доводимыми им из верхних эшелонов управления плановыми заданиями и распоряжениями. Здесь плановый акт выступает не просто порождающим юридическим фактом, но и средством индивидуальной регламентации общественных отношений, направленным на конкретизацию обязанностей³.

К видам форм управления профессор М.И. Еропкин относит: издание актов

¹ Антипина Н.В. Теоретические проблемы правового регулирования общественных отношений в сфере обороны // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2008. № 2. С. 97—108.

² Штейн фон Л. Учение о военном быте как часть науки о государстве / пер. А. Эртеля. СПб., 1875.

³ Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. С. 159—160.

управления, совершение юридически значимых действий, проведение непосредственно-организационных мероприятий и материально-технические операции. Методы государственного управления он определяет как способы целенаправленного воздействия на участников управленческих отношений в целях обеспечения с их стороны поведения, необходимого для решения задач, достижения целей, осуществления функций управления. Среди методов выделялись убеждение и административное принуждение¹.

Любая отрасль права, в том числе и военное, использует три основных метода:

1) предписание — возложение прямой юридической обязанности совершать те или иные действия в рамках, предусмотренных правовой нормой;

2) запрет — возложение прямой юридической обязанности не совершать те или иные действия;

3) дозволение — юридическое разрешение совершать те или иные действия в условиях, предусмотренных правовой нормой, или воздержаться от их совершения по своему усмотрению.

Наиболее характерно для военно-служебных отношений использование предписания (иногда такой способ называют позитивным обязыванием), т.е. прямых средств распорядительного свойства. Свое выражение они находят в том, что одной стороне (командованию) предоставлен определенный объем юридически властных полномочий, адресуемых другой стороне (подчиненному). В этой связи представляет интерес точка зрения некоторых правоведов, что существует необходимость выделения ещё одного типа регулирования — дозволительно-обязывающего. Он предоставляет субъекту тот объём прав, который необходим для исполнения его обязанностей. Здесь достаточно точно определены права и обязанности субъекта, а всё то, что находится за их пределами, изымается из сферы регулирования. Правовая формула выглядит следующим образом: «дозволено только то, что

предписано законом». Таким образом регулируется правовой статус государства и государственных органов, их предметы ведения и полномочия².

Кроме того, заслуживает внимания и мнение некоторых юристов о таком специфическом методе административного права, как регулирование, применяемое на основе правомерного поведения участников отношений³. Функция государственного регулирования здесь включает в себя принятие общеобязательных правил поведения, установление необходимых процедур управления, контрольная и координационная деятельность, реализация прав и свобод граждан и т.д. для достижения наиболее благоприятного результата⁴.

Анализ содержания боевой и повседневной деятельности войск, а также деятельности субъектов управления в Вооруженных Силах позволяет выделить семь наиболее общих функций военного управления: сбор, анализ и оценка управленческой информации; принятие решений и планирование их выполнения; постановка задач исполнителям; организация управления, взаимодействия, обеспечения и подготовки; непосредственное руководство (координирование); стимулирование; контроль и оказание помощи. Эффективность выполнения указанного цикла управления изучается военной наукой и воинскими начальниками различного уровня, в рамках же военного права необходимо установить правовые рамки управленческого процесса, определить критерии эффективности правового регулирования военного управления.

Современная юридическая наука различает следующие способы воздействия права на поведение субъектов:

1) императивный (метод властного приказа), направленный на обеспечение

² Черданцев А.Ф. Теория государства и права : учебник для вузов. М.: Юрайт-М., 2002. С. 345.

³ Фиалковская И.Д. Теоретические подходы к определению системы форм и методов государственного управления // ДНК Права. 2015. № 1. С. 37—42.

⁴ Российское государство и правовая система: современное развитие, проблемы, перспективы / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж. 1999. С.122—125.

¹ Еропкин М.И. Избранные научные труды. М.: Эксмо, 2010. С. 303.

предписанного государством строго обязательного поведения субъекта. При императивном воздействии у субъекта нет выбора, он должен подчиниться либо обязывающему, либо запрещающему предписанию;

2) диспозитивный (или автономный), оставляющий субъектам правоотношений значительный простор для свободного волеизъявления;

3) поощрительный, стимулирующий желательное для государства поведение субъекта;

4) рекомендательный, предлагающий субъекту самостоятельно определять желательный для государства вариант поведения с учетом местных условий и реальных возможностей.

Помимо указанных методов, различают также другие методы правового регулирования: согласования, правовых рекомендаций, договорно-правового регулирования и др.¹

Военно-административное право использует и все указанные методы, отдавая предпочтение первому. Считается, что органы военного управления не оказывают государственных услуг населению (во всяком случае, для них это не является основным видом деятельности), поэтому проведенная в 2004—2010 годах в России административная реформа практически не изменила военный уклад жизни и сущность военно-управленческих отношений.

В сфере военного строительства преобладают односторонность волеизъявления командиров по отношению к подчиненным, вышестоящих органов военного управления по отношению к нижестоящим. Основным способом реализации методов военного управления выступает распорядительство и оперативное вмешательство в деловые процессы для корректировки и координации усилий его участников для выполнения поставленных задач².

¹ Корякин В.М. Введение в теорию военного права : монография. М., 2007. С. 74.

² Магомедов М.М. Методы управления, используемые в территориальных органах МВД России и перспективные направления их совершенствования // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 4. С. 675—684.

По своей сути функции командования заключаются в осуществлении функций представителя власти, организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций. Важно отметить, что большей частью данные функции обращены внутрь военной организации, к личному составу воинских формирований.

Организационно-распорядительные функции командира связаны с руководством подчиненным воинским формированием, с формированием кадрового состава и определением обязанностей подчиненных, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т.п. К организационно-распорядительным функциям относятся полномочия по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих юридические последствия (например, представление к награждению государственной наградой или к присвоению воинского звания, оформление документов для увольнения подчиненного и т.п.).

К административно-хозяйственным функциям относятся полномочия воинского должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами воинских организаций, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за их расходованием³. Применительно к военной сфере управление административно-хозяйственное — это подбор и расстановка кадров, организация подготовки войск, их материально-техническое обеспечение, регулирование взаимоотношений между военнослужащими, разрешение текущих дел управления и т.д.

Наиболее распространенный в сфере военного строительства императивный метод представляет собой метод категорического, строго обязательного, не допускающего отступлений и иной трактовки исполнения правовых предписаний регуля-

³ Пункты 4 и 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

тор поведения. Он находит свое воплощение в очень часто используемых в военном законодательстве формулировках «обязан», «должен», «запрещается» и т.п. Императивность характеризуется властно-повелительной формой социальной регуляции воинских правоотношений, опирающейся на «силовое» начало субъекта управления, т.е. на возможность заставить, наказать, принудить и т.п. Как правило, данный метод реализуется посредством отдания приказов подчиненному, которые обязательны для выполнения, и, в отличие от сферы трудовых отношений, могут быть не связаны с должностными обязанностями исполнителя. Именно принудительный момент отличает юридическую обязанность военнослужащего повиноваться от диспозитивности правоотношений, которым присущи иные стимулы.

В деле сохранения территориальной целостности и неприкосновенности своей территории, независимости государства наличествует примат интересов государства над интересом личности. Поэтому деятельность по защите Отечества является по своей сути властно-организационной, она опирается на власть и подчинение, которые в ряде случаев не могут быть обеспечены без принуждения. Следовательно, принуждение и убеждение стоят на первом месте среди общих методов деятельности органов военного управления и их должностных лиц. Не секрет, что многие граждане нашей страны исполняют правовые предписания потому, что знают об отрицательных последствиях, которые могут наступить для них в случае неподчинения¹. Угроза принуждения, устрашение могут способствовать воспитанию привычки соблюдать команду даже в ситуациях, когда подчиненный не заинтересован в ее исполнении. Указанное утверждение тем более применимо в условиях военной службы, где в большей степени проявляются физические и эмоциональные нагрузки, а степень подчинения начальнику и санкции за отказ от подчинения гораздо более зна-

чимые, нежели в т.н. «гражданских структурах».

В качестве важной черты метода военно-административного регулирования следует отметить сравнительно широкий объем дискреционной власти, правомочие действовать по своему усмотрению (конечно, в рамках закона), которым наделяются воинские командиры (начальники).

Используемый гораздо реже в сфере военной администрации диспозитивный метод правового регулирования предписывает тот или иной вариант поведения субъектов правоотношений, но при этом предоставляет им возможность в пределах установленных законом прав действовать по своему усмотрению². В сфере военной службы данный метод применяется при реализации некоторых социальных прав военнослужащих, которые носят заявительный характер (например, право военнослужащего на обеспечение жильем из государственного жилищного фонда³, право на предоставление отпуска по личным обстоятельствам, право на прохождение переподготовки перед увольнением и др.).

На весьма важную сторону диспозитивного метода правового регулирования указывают М.И. Байтин и Д.Е. Петров: диспозитивная норма предоставляет сторонам свободу усмотрения в выборе по взаимному согласию определенного варианта не только использования права, но и исполнения соответствующих обязанностей⁴. Характерный пример на этот счет — реализация гражданами конституционной нормы о защите Отечества. С одной стороны, гражданин России имеет право в целях исполнения долга по защите Отечества добровольно поступить на военную службу по контракту или на учебу в военное образовательное учреждение (диспозитивный метод регулирования), а с другой сто-

² Корякин В.М. Военно-административное право : учебник. М.: Юстиция, 2019. С. 17.

³ По данному вопросу см. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 27.03.2019 № ВКА-ПИ19-7 // URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1754278 (дата обращения: 08.11.2022).

⁴ Байтин М.И., Петров Д.Е. Метод регулирования в системе права: виды и структура // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 86—87.

¹ Глухов Е.А. Специфика военного управления: правовой аспект // Военное право. 2020. № 2. С. 35—42.

роны, гражданин обязан защищать свое Отечество и под угрозой уголовного наказания не вправе уклоняться от призыва на военную службу (императивный метод)¹.

Итак, нормы военно-административного права отличаются повышенной категоричностью требований, императивностью, что не исключает в определенной степени самостоятельности и проявления разумной инициативы (ст. 45, 84 УВС ВС РФ).

Поощрительный метод правового регулирования также достаточно широко используется в военном праве. Это обусловлено тем, что очень часто именно поощрение, а не наказание является более эффективным средством регулирования поведения, так как «в ситуации положительной мотивации в качестве побудительной силы желаемого поведения выступают не только внешние предписания, но и собственный интерес субъекта, его заинтересованность»².

На мотивацию добросовестной и продолжительной службы направлены, например, многие нормы Федерального закона «О статусе военнослужащих». Так, в соответствии с п. 2 ст. 10 указанного Федерального закона государство гарантирует военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, увеличение количества социальных гарантий в соответствии с полученной квалификацией и со сроком военной службы³. Метод поощрения в военном праве выступает в качестве правового стимула заинтересованного исполнения военнослужащими обязанностей военной службы.

Несколько иначе, в зависимости от построения системы взаимодействия субъектов и объектов управляющего воздействия (по вертикали и по горизонтали) в современной теоретико-правовой науке выде-

ляются два первичных, исходных метода правового регулирования:

- централизованное (императивное) регулирование (метод субординации);
- децентрализованное (диспозитивное) регулирование (метод координации).

При централизованном регулировании управленческая воля исходит сверху, от властных государственных органов, доминирующее место здесь занимают властно-императивные предписания. Подобный характер имеют и правовые средства, обеспечивающие процесс правового регулирования в рамках этого метода и называемые властно-императивными. Общие начала властно-императивных правовых средств определяются в императивных нормах права, которые формируются с достаточной четкостью, категоричностью и выступают в виде непререкаемых правил поведения.

Централизация означает концентрацию властных полномочий на верхнем уровне руководства организацией с целью увеличения синергии, улучшения координации, предотвращения ошибок на нижних уровнях управления. Централизованному подходу свойственно единообразное регулирование общественных отношений на всей территории страны из одного центра управления. Между тем, чем крупнее организация, тем сложнее в ней осуществлять централизованное управление.

Различается несколько форм подчинения при централизованном управлении: прямое подчинение, непосредственное подчинение, оперативное подчинение и подчинение по специальным вопросам.

Иной характер носит *метод децентрализованного регулирования*. В сигналах управляющего воздействия субъекта управления определяются лишь общий «контур» деятельности подчиненных субъектов, общий фон, на который накладывается самостоятельная, автономная их деятельность в пределах правоспособности. Метод децентрализованного регулирования также предполагает определенную «императивность», автономная деятельность субъектов предполагает упорядоченную свободу, не переходящую в произвол. Вместе с тем юридическая энергия

¹ Корякин В.М. Введение в теорию военного права : монография. М., 2007.

² Малько А.В. Льготная и поощрительная правовая политика. СПб., 2004. С. 162.

³ Корякин В.М. Сравнительно-правовой анализ увеличения количества льгот, гарантий и размера компенсаций в соответствии с квалификацией и сроками военной службы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2001. № 11. С. 2—13.

исходит здесь в большей степени «снизу», от самих субъектов правового регулирования¹, которые самостоятельно осуществляют выбор правовых средств, используют их по своему усмотрению, на началах общего установления правомерности поведения. Правовые средства, обеспечивающие правовое регулирование на началах децентрализованного метода, уже не являются императивными в чистом виде, т.к. подразумевают свободу и инициативу при их исполнении.

Централизацию вопросов военного управления можно проиллюстрировать на примере переноса правомочий по принятию решений о признании нуждающимся в жилых помещениях (служебных жилых помещениях) и распределении жилья из воинских частей в специально созданные в Вооруженных Силах жилищные органы — Департамент жилищного обеспечения Минобороны России и его территориальные органы². Примером же децентрализации является передача полномочий по заключению и исполнению хозяйственных договоров в интересах военных организаций на места их руководителям³.

В военном строительстве преобладает метод централизованного управления, но этот метод не является абсолютным. Объясняется данный подход тем, что одна руководящая инстанция не может эффективно управлять всеми происходящими на нижних иерархиях военной организации процессами, поэтому часть полномочий всегда необходимо передавать руководителям на местах. Одной из существенных проблем военного строительства является как раз определение и распределение властных полномочий органов военного управления и их должностных лиц «по

вертикали» и «по горизонтали» в целях оптимального решения ими возлагаемых задач.

В зависимости от характера влияния, применяемые органами военного управления и их должностными лицами методы воздействия на объекты управления (на подчиненные воинские формирования и на военнослужащих) могут быть прямого или косвенного действия.

Методам прямого воздействия присущи следующие признаки:

- императивно-директивный характер;
- конкретное, адресное влияние на волевые и сознательные свойства объекта управления;
- отсутствие у исполнителей возможности выбора вариантов действий в силу четкости и однозначности команд, определяющих и обязывающих что и как делать;
- активное применение правовых норм регламентационного характера;
- контроль за выполнением команд со стороны соответствующих субъектов, возможность применения ими принудительных санкций за нарушения;
- возможность использования субъектами управления различных мер стимулирования;
- широкое использование внеэкономического принуждения.

Применение в управленческой деятельности методов прямого воздействия зачастую позволяет достаточно быстро получить как промежуточные, так и конечные результаты, а также в режиме реального времени корректировать управляющее воздействие. Однако реализация методов прямого влияния не всегда может быть эффективной во всех случаях, приносить необходимые результаты ввиду чрезвычайно широкого спектра воздействующих факторов, которые не всегда можно предусмотреть заранее⁴. В некоторых случаях и сами подчиненные могут быть недостаточно заинтересованы в достижении по-

¹ Сапун В.А. Юридическая конструкция как правовое средство юридической техники // Юридическая техника. 2013 № 7-2. С. 676—679.

² Глухов Е.А. Предоставление государственных услуг в сфере жилищного обеспечения военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2013. № 6. С. 52—62.

³ Глухов Е.А. Обязанности за пределами компетентности (на примере взаимодействия воинских должностных лиц по хозяйственным договорам) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 11. С. 78—88.

⁴ Глухов Е.А. Административно-правовые средства регулирования воинских отношений и правоприменительная деятельность военного руководителя // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11. С. 47—57.

ставленной им цели либо даже саботировать ее. В этих случаях метод прямого воздействия следует дополнять методом косвенного воздействия, для которого характерно следующее:

— должное воздействие на сознание и волю осуществляется через формирование ситуации, создающей условия нужного поведения, через эмоции, интересы, потребности исполнителей. Вместе с тем, окончательный выбор варианта поведения остается за конкретным субъектом правоотношений, т.е. для него существует альтернатива выбора непротиворечащего праву поведения;

— реализация актов государственной власти, которые стимулируют объект управления на определенные (позитивные) действия;

— закрепление в юридических нормах механизма стимулирования;

— использование при решении спорных вопросов гражданско-правовых способов.

В отличие от методов прямого воздействия использование косвенных методов не сразу приводит к желаемому эффекту. Однако методы косвенного воздействия формируют и развивают позитивную направленность деятельности исполнителей, что в конечном итоге приводит к более плодотворным результатам¹.

Методы руководства повседневной деятельностью подразделений можно условно подразделить на пять групп:

- 1) организационно-административные;
- 2) распорядительные;
- 3) морально-психологические;
- 4) экономические;
- 5) правовые.

Организационно-административные методы имеют своей целью обеспечить постоянное воздействие на подчиненные звенья управления путем централизованного планирования всех мероприятий повседневной деятельности подчиненных, постановки им долгосрочных задач и требований. Эти методы реализуются посред-

ством директив, приказов, приказаний, разработки и утверждения планирующих документов, а также системы привлечения виновных к различным видам ответственности.

Распорядительные методы обеспечивают более оперативное воздействие на всю систему управления повседневной деятельностью перераспределения сил и средств при решении эпизодических или внезапно возникших задач. Эти методы реализуются отдачей подчиненным приказов, чаще всего, в устной форме, что сокращает срок их исполнения.

Морально-психологические методы позволяют создать в подчиненных структурах необходимую психологическую атмосферу, благоприятную для беспрекословной исполнительности, инициативы, творчества, чувства персональной ответственности и других качеств и условий, способствующих успешному выполнению задач.

Экономические методы обеспечивают оптимальное распределение ресурсов материальных и денежных средств, введение системы денежных стимулов, других возможностей по поддержанию внутреннего порядка.

Правовые методы управления — это методы юридического, законодательного оформления принятых решений и закрепления результатов их выполнения².

Оптимальный выбор в конкретных условиях метода руководства повседневной деятельностью как способа и средства решения стоящих перед воинским формированием задач — всецело управленческое искусство командира, в сочетании с его личными качествами образует индивидуальный стиль управленческой деятельности.

Таким образом, ввиду специфики воинской деятельности, связанной с применением средств вооружения, опасных для жизни и здоровья психофизических факторов, постоянной подготовкой к ведению боевых действий в мирное время и проч. в

¹ Ульянов А.Д., Жаглин А.В. Административно-правовые методы в сфере государственного управления // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 2. С. 270—277.

² Савостин А.А. Методы административно-правового регулирования общественных отношений : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2006. С. 17.

системе воинских формирований нормативно устанавливаются более строгая по сравнению с трудовыми отношениями формы подчинения, более жесткие санкции за нарушения норм права и приказов командиров (начальников), более широко применяется императивный метод руководства со стороны субъекта управления.

Военные методы формируют специфическое содержание деятельности воинских формирований и органов их военного управления, направленное на применение в условиях специальных правовых режимов, при которых воинские формирования задействуются по боевому назначению: стратегические, контртеррористические и другие операции, боевые действия и т.д.

Превалирование обязывающих правовых норм позволяет вести речь о специфическом методе субординации, олицетворяющем централизованное регулирование общественных отношений и реализацию принципа единоначалия. В некоторых случаях распоряжения органов военного управления адресованы неподчиненным им субъектам и тоже носят обязательный характер (например, при реализации полномочий по военно-транспортной обязанности, призыве на военную службу, ограничении акватории для прохождения судов в ходе проведения учений на море и т.п.). В этом случае можно говорить об авторитарности актов военного управления.

Библиография

1. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. — М.: Юрид. лит., 1966. — 188 с.
2. Антипьева, Н.В. Теоретические проблемы правового регулирования общественных отношений в сфере обороны / Н.В. Антипьева // Вестник Омского университета. Серия: Право. — 2008. — № 2. — С. 97—108.
3. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления : учебник / Г.В. Атаманчук. — М.: Омега-Л, 2010. — 525 с.
4. Байтин, М.И. Метод регулирования в системе права: виды и структура / М.И. Байтин, Д.Е. Петров // Журнал российского права. — 2006. — № 2. — С. 86—87.
5. Бошно, С.В. Способы и методы правового регулирования / С.В. Бошно // Право и современные государства. — 2014. — № 3. — С. 52—60.
6. Глухов, Е.А. Административно-правовые средства регулирования воинских отношений и правоприменительная деятельность военного руководителя / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 11. — С. 47—57.
7. Глухов, Е.А. Обязанности за пределами компетентности (на примере взаимодействия воинских должностных лиц по хозяйственным договорам) / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 11. — С. 78—88.
8. Глухов, Е.А. Предоставление государственных услуг в сфере жилищного обеспечения военнослужащих / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2013. — № 6. — С. 52—62.
9. Глухов, Е.А. Специфика военного управления: правовой аспект / Е.А. Глухов // Военное право. — 2020. — № 2. — С. 35—42.
10. Демин А.А. Административно-правовой метод: соотношение с другими методами правового регулирования / А.А. Демин // Государство и право. — 2005. — № 6. — С. 13—19.
11. Еропкин, М.И. Избранные научные труды / М.И. Еропкин. — М.: Эксмо, 2010. — 688 с.
12. Козбаненко, В.А. Государственное управление : учебник / В.А. Козбаненко. — М.: Статус, 2002. — 366 с.
13. Корякин, В.М. Военно-административное право : учебник / В.М. Корякин. — М.: Юстиция, 2019. — 506 с.
14. Корякин, В.М. Введение в теорию военного права : монография / В.М. Корякин. — М., 2007. — 118 с.
15. Корякин, В.М. Сравнительно-правовой анализ увеличения количества льгот, гарантий и размера компенсаций в соответствии с квалификацией и сроками военной службы / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2001. — № 11. — С. 2—13.
16. Магомедов, М.М. Методы управления, используемые в территориальных органах МВД России и перспективные направления их совершенствования / М.М. Магомедов // Вопросы устойчивого развития общества. — 2022. — № 4. — С. 675—684.
17. Малько, А.В. Льготная и поощрительная правовая политика / А.В. Малько. — СПб., 2004. — 233 с.
18. Российское государство и правовая система: современное развитие, проблемы, перспективы / под ред. Ю.Н. Старилова. — Воронеж, 1999. — 704 с.
19. Савостин, А.А. Методы административно-правового регулирования общественных отношений : дис. ... д-ра юрид. наук / А.А. Савостин. — М.: ВНИИ МВД России, 2006.
20. Сапун, В.А. Юридическая конструкция как правовое средство юридической техники / В.А. Сапун // Юридическая техника. — 2013. — № 7-2. — С. 676—679.
21. Ульянов, А.Д. Административно-правовые методы в сфере государственного управ-

ления / А.Д. Ульянов, А.В. Жиглин // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2021. — Т. 12. — № 2. — С. 270—277.

22. Штейн фон Л. Учение о военном быте как часть науки о государстве. — Пер. А. Эртеля / Л. Штейн. — СПб., 1875.

23. Фиалковская, И.Д. Теоретические подходы к определению системы форм и методов государственного управления / И.Д. Фиалковская // ДНК Права. — 2015. — № 1. — С. 37—42.

24. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права : учебник для вузов / А.Ф. Черданцев. — М.: Юрайт-М., 2002. — 429 с.

Правовое обеспечение добровольчества как формы выражения гражданами солидарности с действиями государства при защите национальных интересов: история и современность

© **Панкратов Владимир Николаевич**,
кандидат технических наук, доцент, доцент 25
кафедры ФГКВОУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации

© **Сынков Николай Викторович**,
преподаватель 25 кафедры ФГКВОУ ВО
«Военный университет имени князя Александра
Невского» Министерства обороны Российской
Федерации

© **Гришаев Сергей Сергеевич**,
курсант ФГКВОУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. Замысел статьи определен потребностями государства в поиске мотивов для приобщения гражданского общества к решению военных задач при защите национальных интересов государства. Инициированный Россией процесс денацификации и демилитаризации Украины встретил жесточайшее сопротивление ведущих стран НАТО, выразившееся в предоставлении Украине восторонней военной помощи. В ситуации чрезмерных рисков, опасностей и угроз национальному суверенитету, гражданин вправе доказать свою преданность Родине, высшей формой которой исторически признана добровольность участия в боевых действиях. В статье дан краткий анализ исторических предпосылок добровольчества и с этих позиций комментируются новации Федерального закона «Об обороне» в части, касающейся создания добровольческих формирований и их участия в обороне страны.

Ключевые слова: волонтерство, доброволец, добровольчество, ополченец, наемник, национальные интересы, защита Отечества, оборона страны, добровольческие формирования.

Legal support of volunteerism as a form of expression by citizens of solidarity with the actions of the state in the protection of national interests: history and modernity

© **Pankratov V.N.**,
Candidate of Technical Sciences, Associate Profes-
sor, Associate Professor of the 25th Department of
the Prince Alexander Nevsky Military University of
the Ministry of Defense of the Russian Federation

© **Synkov N.V.**,
Lecturer of the 25th Department of the Prince Alex-
ander Nevsky Military University of the Ministry of
Defense of the Russian Federation

© **Grishaev S.S.**,
Cadet of the Prince Alexander Nevsky Military
University of the Ministry of Defense of the Russian
Federation

Annotation. The idea of the article is determined by the needs of the state in finding motives for involving civil society in solving military tasks while protecting the national interests of the state. The process of denazification and demilitarization of Ukraine initiated by Russia met with fierce resistance from the leading NATO countries, expressed in the provision of comprehensive military assistance to Ukraine. In a situation of excessive risks, dangers and threats to national sovereignty, a citizen has the right to prove his loyalty to the Motherland, the highest form of which has historically been recognized as voluntary participation in hostilities. The article provides a brief analysis of the historical prerequisites of volunteerism and, from these positions, comments on the innovations of the Federal Law "On Defense" in the part concerning the creation of volunteer formations and their participation in the defense of the country.

Keywords: volunteering, volunteer, volunteerism, militia, mercenary, national interests, protection of the Fatherland, defense of the country, volunteer formations.

Естественное желание индивида проявить свою энергию в интересах социума обозначено широким перечнем емких понятий, достаточно близких по смыслу. Суть и значение распространенных в лексиконе особенно небезразличного к обществу гражданина слов: «альтруизм», «благотворительность», «меценатство», «содействие», «донорство», «волонтерство», «благотворительность», «добровольчество», — объединены философией социальной морали в краткое предложение «творить добро».

При всей очевидности целей социальных явлений, обозначенных выше, методы и средства достижения столь гуманной цели чрезвычайно разнятся.

Как показывает исторический опыт существования индивида и государства, решение социальной задачи по «сотворению добра» возможно абсолютно бескорыстно или с различным уровнем возмездности (деньги, услуги, обязательства).

Резон заметить, что единство целей добровольчества и наемничества так же очевидно, как очевидно различие источников этих процессов и методов достижения заявленных целей. И доброволец, и наемник ставят своей целью помощь государственным структурам в решении задач военным путем, однако в мотивации прикладных действий на поле боя у обозначенных субъектов есть принципиальное различие.

Емкая тема наемничества обоснованно привлекает внимание как административных управленцев, создающих отдельные организации под названием «частные военные компании», так и экономистов, понимающих, что наряду с «рабочей силой»,

безупречно описанной марксизмом-ленинизмом, существует «сила военная», которая имеет «стоимость» и «цену», и так же, как «рабочая сила», подвергается эксплуатации с различной степенью эффективности.

Феномен наемничества находится в поле зрения и юридического сообщества, члены которого внимательно отслеживают интересы противоборствующих сторон в военных конфликтах к привлечению диверсифицированных военных потенциалов и стремятся обосновать правовой статус как отдельных организаций военного и охранного характера, так и отдельных сотрудников — бойцов таких организаций¹.

Характеризуя частный военный потенциал индивида, отмечается, что «сила военная» по аналогии с «рабочей силой» может быть определена конкретным перечнем параметров, таких,

¹ См., например: Винокуров А.Ю., Окоча В.А. К вопросу о правовом регулировании деятельности частных военных охранных компаний // Вестник военного права. 2019. № 1 С. 7—14; Корякин В.М., Харитонов В.С. Понятие «наемничество» в контексте деятельности частных военных компаний // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 4. С. 95—101; Манойло А.В., Зайцев А.Я. Международно-правовой статус частных военных компаний // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 1. С. 47—55; Никонович С.Л. Правовые аспекты создания частных военных компаний в России // Вестник военного права. 2019. № 1. С. 15—20; Овчаров А.В. Частные военные компании России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3. С. 84—93; Старцун В.Н. К вопросу об актуализации законопроекта о деятельности по созданию частных военных компаний в Российской Федерации // Вестник военного права. 2017. № 2. С. 72—73.

как опыт боевых действий, специализация (минер, снайпер, механик-водитель и др.), возраст, знание обычаев региона; как вид «товара» имеет свою стоимость и в зависимости от конъюнктуры рынка военных услуг, которая определяется прежде всего уровнем военного напряжения в регионе, цена на «частный военный потенциал» имеет широкий диапазон¹.

В настоящем исследовании предлагается вариант поиска как объективных, так и субъективных мотивов добровольчества и ополчения, а также аналитика отдельных фрагментов в деятельности государства по рациональному управлению процессами «добровольчества и волонтерства» не столько в сферах науки, искусства, обучения и образования, сколько в вопросах стратегических, обеспечивающих устойчивость государства при явных опасностях и угрозах военного характера.

Сегодня мы являемся прямыми свидетелями межнациональной драмы. Два народа, ныне двух отдельных государств — России и Украины, близкие по духу, культуре, вере, языку, сошлись на территории огромной площади, практически с полным вовлечением населения, оснащенные новейшим вооружением, воспитанные противоположными мировоззрениями. На театре военных действий сошлись сильные соперники, имевшие в очень недавнем прошлом общие корни просвещения, обучения, образования, культуры, некогда предполагавшие составить костяк единой человеческой общности — советский народ.

Получив в противники мощнейшую военную группировку под управлением США, Россия вынуждена искать варианты сплочения нации и решения поставленных в специальной военной операции (СВО) на Украине задач, важнейшая из которых — денацификация.

¹ Панкратов В.Н. Реализация частного военного потенциала при защите национальных интересов государства: обоснование тактической целесообразности // Вестник военного права. 2021. № 1. С. 59—68.

Проведена частичная мобилизация². Для мобилизации полной пока нет оснований.

Нужны варианты укрепления военной составляющей для успешного решения задач СВО. Полем боя востребован людской потенциал. Вариантов увеличения контингента войск в интересах войны не так много: ополчение, добровольчество, наемничество, мобилизация.

Первые намеки на генерацию процесса публичного добровольчества в интересах СВО обозначились в ходе диалога Президента Российской Федерации и Министра обороны в Совете Безопасности Российской Федерации, когда было заявлено о более 16 тыс. добровольцев с Ближнего Востока, подавших заявки на отправку в ДНР и ЛНР для участия в освободительном движении. «Здесь, конечно, мы считаем правильным положительно отреагировать на запросы, тем более что эти запросы не за деньги, а по истинному желанию этих людей. Многих из них мы знаем, они помогали в борьбе с ИГИЛ (запрещенной в России террористической организацией) в самое сложное время, в последние десять лет», — отметил С.К. Шойгу. «Если вы видите, что есть люди, которые хотят на добровольной основе, тем более не за деньги, приехать и оказать помощь людям, проживающим на Донбассе, — ну, что же, надо пойти им навстречу и помочь им перебраться в зону боевых действий», — отреагировал В.В. Путин³.

Затем последовал Указ Президента Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 247 «О поддержке волонтерской деятельности на территориях Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики».

Общие подходы к формированию нормативной базы добровольчества закла-

² Указ Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации»

³ Опубликовано в разделах: Новости, Выступления и стенограммы, Совет Безопасности Дата публикации: 11 марта 2022 г., 11:15 Текстовая версия) URL : <http://www.kremlin.ru/events/security-council/67960>: (дата обращения 16.11.2022).

дывает ООН. Резолюцией 40/212 от 17 декабря 1985 г. 5 декабря объявлено «Международным Днём добровольца во имя экономического и социального развития»¹. В России День добровольца учреждён Указом Президента России 27 ноября 2017 г.²

С признанием ЛНР и ДНР стремительность разворачивающихся событий впечатляет. Специальная военная операция сбрасывает вуаль лицемерия стран Западного мира в отношении веками обкрадываемых более слабых государств, обнажает противоречия между фактическими центрами силы и выводит замаскированные дипломатией противоречия в очевидно конфронтационную плоскость. Противостояние между США и Россией было, есть, и будет. Но есть нюанс: ТВД крайне далек от территории США, на поле боя не американец, а украинец, и к конфронтации с Россией притянут практически весь Евросоюз. Ситуация сродни очень известным временам в нашей истории, но умышленно забываемой и целенаправленно фальсифицированной.

Сегодня в целях защиты национальных интересов необходим правовой механизм привлечения частного военного потенциала, формируемый принципиально на радикально диаметральных принципах: участие в поддержке своего государства за идею или за деньги. За идею — это ополченец, доброволец, волонтер. За деньги — это наемник, при некоторых особенностях.

Рассмотрим, как же связаны ополченец, доброволец, волонтер с защитой национальных интересов государства на примере весомо значимых событий прошлого и текущего столетий, первоначально обозначив суть понятий.

«Ополчение» — коренное русское слово. «Ополчать, ополчить кого-л., вооружать, делать воином, подымать народ, образуя рать, войско; подымать,

¹ Резолюция ООН № 40/212 от 17 декабря 1985 г. «Об объявлении 5 декабря «Международным Днём добровольца во имя экономического и социального развития».

² Указ Президента Российской Федерации от 27.11.2017 г. № 572 «О Дне добровольца (волонтера)».

восстанавливать против кого, заставить враждовать, биться; составлять полки»³.

В словаре Даля нет термина «доброволец». Его мы находим в словаре Д.Н. Ушакова: «Доброволец — вступающий в ряды армии во время войны по своему желанию (воен.). Добровольно берущий на себя какую-нибудь трудную работу, обязательство»⁴.

«Добровольчество: 1) добровольное вступление в армию; 2) участие в какой-либо организации, в каком-л. движении по своему усмотрению, по своей воле»⁵.

Термин «волонтер» содержит дополнительные смысловые оттенки и является более современным понятием, обозначающим желание индивида быть полезным обществу:

— «волонтер — франц. повольщина, доброволец, вольнослужащий; причисленный на своем иждивении и по своей воле, в военное время, к войску, но не вступивший в службу. Волонтерный, относящийся до волонтеров, из них набранный. Вольноопределяющийся и охотник»⁶;

— «волонтер (volontaire) — добровольно поступающий на военную службу охотником или вольноопределяющимся»⁷;

— «волонтер — доброволец, охотник, по доброй воле идущий на войну»⁸;

— «волонтер — тот, кто добровольно поступает на службу в действующую армию; доброволец (в некоторых государствах). Тот, кто добровольно принимает участие в каком-либо деле»⁵.

Для России есть емкий, залитый исторической фактурой и народным фольклором термин «ополчение». Москва, столица державы, обязана Второму земскому ополчению Минина и Пожарского за освобождение в 1612 г. от незваных пришельцев со

³ Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М.: Изд. АСТ, 2018.

⁴ Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. 170 тысяч слов и словосочетаний. М.: Изд. Хит=книга, 2020.

⁵ Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М.: Рус. яз., 2000.

⁶ Толковый словарь В. Даля.

⁷ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.

⁸ Большой толково-фразеологический словарь Михельсона.

стороны Польши.

Народное ополчение Смоленщины, Псковщины, Брянщины в 1812 г. выдавливало войска очередного завоевателя с территории России и даже жгло свою столицу, чтобы свести к минимуму пребывание врага на суверенной территории.

Традиции ополчения и добровольчества возродились в сложнейшее время, уже для Советской России, в июне 1941 г. Еще до 3 июля 1941 г., когда советский народ услышал слова И. Сталина о создании частей всенародного ополчения для борьбы с врагом, в Москве и Ленинграде партийными организациями брошен зов к трудящимся о добровольном посильном вкладе в дело защиты Отечества. Отклик на этот зов был характерен массовостью, свойственной эпохе разгара строительства социализма, энтузиазмом, практически полным возрастным набором (записывались в возрасте с 14 до 60 лет). Так, в Москве уже к 13 часам 2 июля на заводе «Красный пролетарий» в добровольцы записались более 1 тыс. рабочих, на Трансформаторном заводе к 18 часам того же дня — 320 человек. 2 июля во Фрунзенском районе было подано свыше 4 500 заявлений, в Ленинском — 3 800, в Таганском — 2 700. Всего за четыре дня, с 2 по 5 июля, от москвичей поступило 168 470 заявлений. На 35—40 % ополчение состояло из людей с высшим и средним образованием. Сформировав 12 дивизий неполного состава, вобравших в себя до 140 тыс. человек, набор в ополчение был завершен 7 июля.

Ленинградцы оказались не менее чувствительны к степени нависшей опасности и, выражая поддержку призыву-требованию партийного руководства города, массово встали в колонны вооруженных сограждан, но уже не серпом и молотом, не пером и книгой, а винтовкой. Как итог, в Ленинграде были сформированы 10 дивизий народного ополчения и 16 отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов общей численностью 130 тыс. бойцов. Три из 10 ленинградских дивизий народного ополчения пришлось в сентябре расформировать, а остальные

преобразовали в кадровые стрелковые дивизии.

Подчиняясь непредсказуемой динамике начала войны, ГКО издает 4 июля 1941 г. с грифом «Не публиковать» постановление № 10 «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения»¹. Объединение частично взаимоисключающих понятий «добровольчество» и «мобилизация» позволяет понять сложность обстановки и выделить два принципиальных мотива поиска решения защиты Отечества при чрезвычайно быстро появившейся угрозе.

Первый состоит в том, что в управлении государством участвуют одновременно два субъекта: непосредственный администратор-управленец и партийный функционер. Партия проявляет повышенную скорость реакции на угрозу, имеет рычаги партийного влияния на массы, призывает к самоотверженности и мобилизует лучших своих представителей лозунгом «коммунисты — вперед».

Второй момент заключается в добровольности принятия решения. Государственные органы осуществляют управление всеми процессами социума посредством рычагов, созданных правовой системой. Чем совершеннее правовая система, тем эффективнее работает государственный механизм, тем динамичнее реакция на меняющиеся условия внешней среды. Государственный механизм СССР не предполагал «добровольчества» спонтанного. Социализм предполагает плановость везде и во всем, и, если «добровольчество» не запланировано, значит быть его не должно. В итоге, в момент угрожающей опасности 1941 г. правовая система СССР не располагала правовыми предписаниями по «волонтерству», «добровольчеству», ополчению внутри страны.

В государствах, где концентрация власти и принимаемых решений сосредоточивается в руках минимального числа физических субъектов, традиционно

¹ РГАСПИ, фонд 644, опись 1, д. 1, лл. 72—73.

считалось, что проявление «воли» в целом, и проявление «доброй воли» в частности, должно быть одобрено. В этом контексте целесообразно вспомнить неоднозначное, порой очень настороженное отношение к ополчению и добровольчеству в России на этапах завоевательного похода Наполеона. А именно, «добровольчество» должно быть управляемо, так же, как и партизанское движение. Власть традиционно опасается бесконтрольного поведения социума, особенно в тех случаях, когда появляется значительная концентрация человеческого ресурса, вдвойне опасается, когда этот ресурс приобщен к оружию.

В ситуации критичности июнь 1941 г. очень показателен, поскольку явился демонстрацией некоторой «неподконтрольности» человеческого ресурса на местах центральной власти, однако «неподконтрольности» не в противовес идеологии и принципам государственного управления, а напротив, в поддержку предполагаемых жестких мер по концентрации власти и ужесточении правил социального поведения. Интересно заметить, что у родившейся идеи помочь Отечеству, пусть даже сгенерированной парткомами на местах, не нашлось места фактам «антидобровольчества».

Как показывают события на Украине, Вторая мировая война одновременно с уничтожением фашистской Германии, к сожалению, не уничтожила фашизм, проявление которого на Украине приобрело крайне опасные формы не только для России. Неуничтоженный фашизм в изоцированной форме неонацизма сегодня есть генератор междоусобных идеологических, религиозных, этнических войн, закономерно превращающихся в кровопролитные батальи. А там, где бой, операция, сражение, война, там всегда будет «ополченец», «доброволец», «волонтер», «наемник», «боевик».

Безусловно, возрождение фашизма на Украине не могло не найти отпор у значительной части здравомыслящих людей этой страны, что нашло воплощение в формировании народного ополчения Донбасса. При поддержке России с 2014 г.

добровольческие воинские формирования ДНР и ЛНР успешно противостояли регулярным Вооруженным силам Украины.

Ситуация коренным образом изменилась с началом в феврале 2022 г. специальной военной операции, важнейшим геополитическим результатом которой стало вхождение в октябре 2022 г. ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации. Теперь боевые действия в рамках СВО ведутся на территории России, что ставит совершенно новые задачи перед Вооруженными Силами. Теперь мы ведем боевые действия не в порядке оказания союзнической помощи признанным нами в феврале 2022 г. суверенным государствам ДНР и ЛНР, а освобождаем собственные территории. Это коренным образом меняет ситуацию, в том числе с точки зрения психологического отношения граждан России к военным действиям.

Данное обстоятельство актуализирует необходимость пересмотра правового регулирования вопросов участия добровольцев в оказании помощи жителям новых регионов России как путем проведения различного рода гуманитарных акций, восстановления нормальной жизнедеятельности инфраструктуры регионов, так и непосредственного участия в боевых действиях. Такая инициатива не может осуществляться стихийно, а должна быть урегулирована соответствующими нормативными актами государства.

Одним из первых документов в данной сфере стал Указ Президента Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 247 «О поддержке волонтерской деятельности на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» (с изменениями, внесенными Указами Президента от 6 июня 2022 г. № 355 и от 29 декабря 2022 г. № 971). Данным документом определен государственный орган, на который возлагается организация работы по обеспечению поддержки волонтерской деятельности на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской

Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области. Таким органом определено Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежи), которому поручено совместно с Ассоциацией волонтерских центров определить порядок отбора и подготовки волонтеров для осуществления деятельности на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, исходя из необходимости обеспечения безопасности волонтеров и эффективного осуществления их деятельности¹.

Указом Президента Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 247 определены меры государственной поддержки волонтеров, пострадавших при осуществлении своей деятельности, а также их семей. Установлено, что в случае гибели (смерти) волонтеров при осуществлении своей деятельности на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области либо их смерти до истечения одного года со дня прекращения волонтерской деятельности на этих территориях, наступившей вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных ими при ее осуществлении, производится единовременная выплата в размере 5 млн. руб. в равных долях следующим лицам: супруге (супругу), состоявшей (состоявшему) на день гибели (смерти) в зарегистрированном браке с погибшим (умершим), родителям погибшего (умершего), несовершеннолетним детям погибшего (умершего), детям старше 18 лет, ставшим инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, детям в возрасте до 23 лет, обучающимся в образовательных организациях по очной форме обучения, лицам, находившимся на иждивении погибшего (умершего), лицам, признанным фактически воспитывавшими и содержавшими погибшего (умершего) в

течение не менее пяти лет до достижения им совершеннолетия, а при отсутствии указанных лиц — полнородным и неполнородным братьям и сестрам погибшего (умершего). Волонтерам, получившим увечье (ранение, травму, контузию) при осуществлении своей деятельности на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, производится единовременная выплата в размере 3 млн. руб.

Как видно из приведенных норм, выплаты для волонтеров и их семей установлены в тех же размерах, которые производятся военнослужащим и их семьям указами Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 и от 31 декабря 2022 г. № 996. Это является свидетельством признания заслуг волонтеров в деле урегулирования ситуации на новых территориях России.

Но наиболее знаковым событием по рассматриваемой нами проблематике явилось принятие Федерального закона от 4 ноября 2022 г. № 419-ФЗ, которым в отечественном законодательстве получил официальную легитимацию термин «добровольческие формирования, содействующие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации».

В целях определения статуса добровольческих формирований и граждан, пребывающих в них, названным законом внесены изменения и дополнения в федеральные законы «Об обороне», «О статусе военнослужащих», «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» и ряд иных законодательных актов.

Законом установлены случаи, когда для выполнения отдельных задач в области обороны могут привлекаться добровольческие формирования, содействующие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации:

- в период мобилизации;
- в период действия военного положения;
- в военное время;

¹ Такой порядок определен совместным приказом Росмолодежи и Ассоциации волонтерских центров от 27 мая 2022 г. № 187/249 «Об утверждении порядка отбора и подготовки добровольцев (волонтеров) для осуществления деятельности на территориях Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики».

— при возникновении вооруженных конфликтов;

— при проведении контртеррористических операций;

— при использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации.

Согласно ст. 22.1 Федерального закона «Об обороне» добровольческие формирования могут создаваться Министерством обороны Российской Федерации по решению Президента Российской Федерации.

Министерству обороны Российской Федерации исходя из задач, стоящих перед Вооруженными Силами Российской Федерации, предоставлены полномочия по:

— определению численности добровольческих формирований, их организация, районы их действий, стоящие перед ними задачи, порядок управления ими, срок использования добровольческих формирований, а также порядок прекращения и иных вопросов их деятельности;

— определению порядка поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования и пребывания в них, требований, предъявляемых к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, а также порядка исключения граждан Российской Федерации из добровольческих формирований;

— определению типовой формы и порядка заключения гражданами контракта о пребывании в добровольческом формировании;

— определению порядка обеспечения добровольческих формирований вооружением, военной техникой, материально-техническими средствами, порядка выплаты пребывающим в них гражданам Российской Федерации денежного содержания и других денежных выплат, продовольственного, вещевого и иных видов обеспечения, оказания медицинской помощи

Как следует из Федерального закона от 4 ноября 2022 г. № 419-ФЗ, в состав добровольческих формирований входят граждане Российской Федерации, добровольно поступившие в добровольческие формирования, а также могут входить военнотру-

жащие, направленные в них Министерством обороны Российской Федерации.

Гражданин Российской Федерации может поступить в добровольческое формирование путем заключения контракта о пребывании в добровольческом формировании (о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации). При этом термины «контракт о пребывании в добровольческом формировании» и термин «контракт о содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации» используются в законодательстве в одном значении.

Установлено, что такого рода контракт заключается между гражданином Российской Федерации и Министерством обороны Российской Федерации письменно по типовой форме. В указанном контракте закрепляются добровольность поступления гражданина Российской Федерации в добровольческое формирование, срок, в течение которого гражданин Российской Федерации обязуется пребывать в нем, и условия пребывания в добровольческом формировании, определяемые Министерством обороны Российской Федерации. Указанный контракт вступает в силу со дня его подписания уполномоченным должностным лицом и прекращает свое действие со дня исключения гражданина Российской Федерации из добровольческого формирования по одному из оснований, предусмотренных законодательством.

Гражданин Российской Федерации подлежит исключению из добровольческого формирования:

1) в связи с истечением срока контракта о пребывании в добровольческом формировании;

2) в связи с несоответствием требованиям к состоянию здоровья, установленным Министерством обороны Российской Федерации для граждан Российской Федерации, пребывающих в добровольческих формированиях;

3) в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы;

4) в связи с поступлением на военную службу;

5) в связи с прекращением деятельности добровольческого формирования.

Гражданин Российской Федерации может быть исключен из добровольческого формирования в связи с невыполнением им условий контракта о пребывании в добровольческом формировании.

Гражданин имеет право на досрочное исключение из добровольческого формирования по собственному желанию в порядке и на условиях, которые предусмотрены контрактом о пребывании в добровольческом формировании.

Граждане Российской Федерации, пребывающие в добровольческих формированиях, имеют статус (совокупность прав, обязанностей и ответственности), устанавливаемый федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. На таких граждан в случаях и порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, распространяется статус военнослужащих.

Таким образом, статус добровольческих формирований в нашей стране узаконен. Безусловно, в ходе реализации рассматриваемых законоположений и практической деятельности по созданию таких формирований возникнут вопросы, которые предостойт решать путем принятия системы подзаконных актов и внесения изменений в законодательство.

Однако уже сейчас, при самом поверхностном знакомстве с положениями законодательства о добровольческих формированиях возникают ряд вопросов, на которые пока нет ответов.

Во-первых, пока неясно, является ли данный закон средством придания легитимности ранее созданным частным военным компаниям, о которых официально не говорится, но которые фактически активно и вполне успешно участвуют в специальной военной операции на стороне Вооруженных Сил России (например, ЧВК «Вагнер», которая имеет свой сайт <https://chvk-vagner.ru>). Или речь идет только о вновь

создаваемых добровольческих формированиях?

Второй вопрос связан с проблемами юридической ответственности граждан, заключивших контракты о пребывании в добровольческих формированиях. Поскольку они военнослужащими не являются, то соответственно, ни нормы Общевоинских уставов Вооруженных Сил, ни, тем более, нормы УК РФ об ответственности на преступления против военной службы, на них не распространяются. Если вопросы дисциплинарной, административной и даже материальной ответственности еще можно будет каким-то образом оговорить в заключаемых с добровольцами контрактах, то с уголовной ответственностью это сделать никак невозможно.

Так или иначе, но принятый закон безусловно следует оценивать исключительно в позитивном ключе, поскольку он создает легальные условия для реализации потребностей граждан в выражении ими путем добровольчества своей солидарности с действиями государства при защите национальных интересов.

Библиография

1. Винокуров, А.Ю. К вопросу о правовом регулировании деятельности частных военных охранных компаний / А.Ю. Винокуров, В.А. Окоца // Вестник военного права. — 2019. — № 1. — С. 7—14.
2. Корякин, В.М. Понятие «наемничество» в контексте деятельности частных военных компаний / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 4. — С. 95—101.
3. Манойло, А.В. Международно-правовой статус частных военных компаний / А.В. Манойло, А.Я. Зайцев // Вестник РАН. — 2020. — Т. 90. — № 1. — С. 47—55.
4. Никонович, С.Л. Правовые аспекты создания частных военных компаний в России / С.Л. Никонович // Вестник военного права. — 2019. — № 1. — С. 15—20.
5. Овчаров, А.В. Частные военные компании России / А.В. Овчаров // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2018. — № 3. — С. 84—93.
6. Панкратов, В.Н. Реализация частного военного потенциала при защите национальных интересов государства: обоснование тактической целесообразности / В.Н. Панкратов // Вестник военного права. — 2021. — № 1. — С. 59—68.

7. Старцун, В.Н. К вопросу об актуализации законопроектной деятельности по созданию частных военных компаний в Российской

Федерации / В.Н. Старцун // Вестник военного права. — 2017. — № 2. — С. 72—73.

Суверенная государственность как особый вид государственности в условиях специальной военной операции России на Украине

© Шамаров Вячеслав Матвеевич,
доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры Российской академии адвокатуры и
нотариата

© Шамаров Павел Вячеславович,
доктор политических наук, кандидат военных
наук, доцент, профессор кафедры политологии
Московского государственного
лингвистического университета

Аннотация. В статье исследуется сущностное содержание таких важнейших политико-правовых понятий как «государственность» и «суверенитет», а также наличие объективной связи между ними. Обосновывается возможность трансформации государственности (в определенный период функционирования подлинно независимого актора) в особый ее вид — суверенную государственность, авторская дефиниция которой также предлагается. В содержании государственности выделяются и раскрываются ее ключевые признаки, аргументирующие объективность становления и необходимость развития концепции суверенной государственности в ходе реализации Россией специальной военной операции на Украине.

Ключевые слова: принцип глобального триединства, суверенитет, национальная безопасность, национальные интересы, национальная идея, суверенная государственность, концепция суверенной государственности, специальная военная операция.

Sovereign statehood as a special type of statehood in the conditions of Russia's special military operation in Ukraine

© Shamarov V.M.,
Professor of the Russian Academy of Advocacy
and Notaries, Doctor of Law, Professor

© Shamarov P.V.,
Professor of the Department of Political Science of
the Moscow State Linguistic University, Doctor of
Political Sciences, Candidate of Military Sciences,
Associate Professor

Abstract. The article examines the essential content of such important political and legal concepts as "statehood" and "sovereignty", as well as the existence of an objective relationship between them. The possibility of transforming statehood (during a certain period of functioning of a truly independent actor) into a special form of it - sovereign statehood, the author's definition of which is also proposed, is substantiated. The content of statehood highlights and reveals its key features, arguing the objectivity of formation and the need to develop the concept of sovereign statehood in the course of Russia's implementation of a special military operation in Ukraine.

Key words: principle of global trinity, sovereignty, national security, national interests, national idea, sovereign statehood, concept of sovereign statehood, special military operation

Традиционная склонность исторического Запада к внешнеполитическому

шантажу, силовому диктату и агрессивной конфронтации с Российским государством

крайне негативно сказывается на современной международной обстановке, характеризующейся, в первую очередь, последовательным разрушением принципа глобального триединства. Данный принцип в прежнюю биполярную эпоху подразумевал, по нашему мнению, императив реализации в мире: а) норм международного права; б) системы глобальной безопасности; в) правомочности межгосударственных договоров и договоренностей.

Такая крайне опасная геополитическая тенденция предельно актуализирует проблему надежной защиты российских национальных интересов с использованием всего арсенала федеральных средств и возможностей системы обеспечения национальной безопасности нашего государства. Под последней в Российской Федерации понимается «состояние защищенности ее национальных интересов от внешних и внутренних угроз», при котором гарантируется выполнение ряда важнейших задач, в том числе «охрана государственных суверенитета, независимости, целостности и социально-экономическое развитие страны»¹. Их решение неразрывно связано с классической функцией государства — его обороной, интегративно выступающей как базисная первооснова суверенного и независимого национального развития.

Сущностное содержание функции обороны как в СССР, так и современной России за последнее столетие видоизменялось не единожды². Так, с началом на Украине специальной военной операции (СВО), предопределившей, по нашему мнению, не только неизбежный «закат» западной глобализации в пользу многополярной модели общемирового развития, но и пролог формирования принципиально новой архитектуры глобальной безопасности, функция обороны страны продолжает прогрессивно эволюционировать в рамках основных мировых тенденций.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 7.

² Шамаров В.М., Шамаров П.В. О функции обороны страны и ее новейшей трансформации в функцию суверенной государственности // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 89—98.

Вместе с тем разрушительно-эгоцентричный внешнеполитический курс США, а также беспрецедентное давление совокупного Запада на Россию в интересах ее стратегического ослабления и территориального расчленения предопределяют, как мы считаем, становление в нашей стране в рамках рационально-прагматичной «идеологии здорового консерватизма»³ отечественной концепции суверенной государственности.

Хотя термин «суверенная государственность» и закреплен в двух важнейших нормативных актах современной России — ее Конституции и действующей Стратегии национальной безопасности от 2021 г., смысловая нагрузка указанной дефиниции как в приведенных политико-правовых актах, так и других отечественных доктринальных источниках, научной и учебной литературе до сих пор обойдена молчанием.

Полагаем, что такая ситуация обусловлена как комплексностью данной проблематики, так и тем, что в рамках общественных наук (в том числе юридической и политической) такие категории как «государственность» и «суверенитет» рассматриваются под углом двух независимых понятий, отличающихся различной глубиной научной проработанности. При этом, если сущностное содержание суверенитета изучено, как мы считаем, достаточно подробно, то термин «государственность» в постсоветский период рассматривался в качестве предмета исследования только эпизодически профессором А.Б. Венгеровым⁴.

Как представляется, в самом общем виде суверенитет — это верховенство власти в территориальных рамках одной страны и фактическая независимость послед-

³ Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 г. // Президент России. Официальный сайт. 2022. 27 октября. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/69695 (дата обращения: 28.10.2022).

⁴ Венгеров А.Б. Теоретические вопросы российской государственности // Теория государства и права. Часть 1. Теория государства. М.: Юрист, 1996. С. 176—254.

ней во внешней сфере¹. При этом подчеркнем, что не только государство, но и сама государственная власть обладают государственным суверенитетом, который одна часть отечественных экспертов соотносит исключительно с государством, а другая — с государственной властью.

Анализ современных научных публикаций и учебной литературы позволил идентифицировать в содержании государственности ряд ее сущностных признаков, к которым в первую очередь, по нашему мнению, относятся:

— *универсальность* — более широкое содержание категории «государственность» по сравнению с понятием «государство»²;

— *интегативность* — категория «государственность» носит как оценочный характер, так является свойством и качеством процесса функционирования государства и общества³;

— *функциональность*, предполагающая позиционирование государственности через осознанный процесс реализации государством его функций⁴, осуществляемых в своем историческом развитии⁵ и зависящих от политических, экономических, духовно-нравственных условий жизнедеятельности наций и народов⁶;

— *содержательность*, при которой в сущность государственности, как правило, включают: а) государство с совокупностью его институтов; б) форму и тип государ-

ства; в) политические, экономические, социальные, духовно-нравственные основы, менталитет общества и состояние вышечисленных элементов; г) реализацию субъектами (гражданами, коллективами, социумом, этносами, нациями, народами, а также общественными, религиозными и территориальными образованиями) функций государства, соответствующих данному историческому периоду⁷.

Представляется, что предмет исследования обуславливает необходимость не только выяснения взаимосвязи между государственностью и суверенитетом, но и дальнейшее изучение их сущностного содержания.

В этой связи напомним об общепринятом в юридической науке подходе, соотносящем категорию «суверенитет» с категорией «государство», где суверенитет является сущностным признаком последнего (государственный суверенитет)⁸.

В ходе анализа содержания «государственности» было установлено, что указанная политико-правовая категория рассматривается в качестве объединения различных компонентов государственной и общественной жизни. Между тем, в составе элементов государственности такого признака как суверенитет не выявлено и, следовательно, взаимосвязь между государственностью и суверенитетом можно считать «белой» или не исследованной зоной для отечественной науки. При этом подчеркнем, что в ходе исследования была выявлена только одна научная публикация, раскрывающая государственность как «совокупность институтов государства, представляющих определённую форму и способ организации государства, *выражающих государственный суверенитет*, обес-

¹ Марченко М.Н. Теория государства и права : учебник. М.: Изд. МГУ, 2007. С. 58—59; Иванников И.А. Теория государства и права : учебник. М.: РИОР Инфра-М. 2011. С. 38; Большой юридический словарь. М.: Инфра-М. 2000. С. 516.

² Венгеров А.Б. Указ. соч. С. 176—254.

³ Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник. 3-е изд. М.: Эксмо, 2009. С. 178; Власов В.И., Власова Г.Б. Теория государства и права : учебное пособие. Изд. 2-е. Ростов на Дону: Феникс, 2012. С. 31; Кулапов В.Л., Малько А.В. Теория государства и права : учебник. М.: Инфра-М., 2011. С. 57.

⁴ Раянов Ф.М. Проблемы теории государства и права (юриспруденции) : моногр. / Ф.М. Раянов. М.: Право и государство, 2003. С. 115-116.

⁵ Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория государства и права в схемах и определениях : учебное пособие. М.: Юрист, 2003. С. 204—206.

⁶ Кулапов В.Л. Теория государства и права : учебник. М., Кнорус, 2014. С. 55—56.

⁷ Морозова Л.А. Указ. соч. С. 178; Власов В.И., Власова Г.Б. Указ. соч. С. 31; Кулапов В.Л. Указ. соч. С. 55—56; Кулапов В.Л., Малько А.В. Указ. соч. С. 57.

⁸ Хропанюк В.Н. Теория государства и права : учебник / 3-е изд, доп., испр. М.: Интерстиль, 2008. С. 59; Василенко А.И., Максимов М.В., Чистяков Н.М. Теория государства и права : учебное пособие. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ. 2007. С. 40.

печивающий реализацию функций государства»¹.

По нашему мнению, достаточно тесная взаимосвязь государственности и суверенитета все же наличествует, что отчетливо проявляется в период экстремальных, неординарных и чрезвычайных (для конкретного исторического периода) условиях, определяющих не только процесс функционирования и развития, но и самого существования отдельных государств.

Полагаем, что суверенитет (по своей природе) в качестве признака может характеризовать как государство и его государственную власть, так и служить интегрирующим способом, целеполаганием, объединяющим в единое государство, его субъекты, народы и этносы, религиозные конфессии и иные (ранее перечисленные) элементы государственности.

Такая взаимосвязь четко проявляется при реализации на определенном историческом этапе фундаментальной (основополагающей или базовой в данный период времени) высшей стратегической цели государства. К примеру, подобной целью в годы Великой Отечественной войны считаем Победу советского народа над фашистской Германией и ее европейскими сателлитами, поскольку данное беспрецедентное в истории человечества военное противостояние шло за сохранение суверенитета и независимости Советского Союза, да и самого права на жизнь его многонационального и многоконфессионального народа.

Сегодня — в период проведения СВО (наиболее масштабного военного конфликта в Европе после завершения Второй мировой войны) — наблюдается действенная консолидация военно-политического руководства России со всем ее многонациональным народом, нацеленным на защиту легальных и легитимных национальных интересов страны по отстаиванию ее национальной безопасности, государственности и суверенитета.

В этой связи отметим, что взаимосвязь государственности и суверенитета имеет строгий законодательный формат. Так, в преамбуле нашей Конституции определено, что многонациональный народ Российской Федерации, возрождая *суверенную государственность* России, принимает Конституцию Российской Федерации. Следовательно, понятие «государственность» законодатель увязывает с двумя ее ключевыми аспектами: а) с суверенитетом государства; б) с историческим развитием государства и общества.

Необходимо констатировать, что проблема суверенной государственности уже получила свое научное осмысление, объективированное трансформацией (с началом СВО) военной функции России в основополагающую функцию ее суверенной государственности². При этом была предложена концепция суверенной государственности, обусловленная серьезным обострением международной обстановки вследствие враждебных действий совокупного Запада и его союзников в отношении России, а также замаскированного иностранного посягательства на ее государственный суверенитет.

В этой связи была концептуализирована абсолютность, всесторонность и безусловность подлинной суверенной государственности, включающей не только идентификационные черты национального суверенитета, но и ряд других уникальных характеристик, связанных с обеспечением, продвижением и защитой за рубежом национальных интересов и приоритетов России³.

К ним, *в первую очередь*, относим прочное гражданское единство, означающее как гражданское осознание чрезвычайной опасности и геополитической пагубности феномена преклонения и заискивания перед Западом; попыток деструктивного «встраивания» России в лицемер-

¹ Бобылев А.И. Государство, государственная власть, органы государственной власти в России: понятие, их соотношение // Право и государство: теория и практика. 2008. № 12 (48). С. 6—11.

² Шамаров В.М., Шамаров П.В. О функции обороны страны и ее новейшей трансформации в функцию суверенной государственности // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 89—98.

³ Там же. С. 95.

но-лживую¹ глобалистскую систему трансатлантических акторов; так и четкое уяснение российским народом эгоцентрично-русофобской сущности пресловутых западных партнеров, вновь нацеленных на новый передел мира.

Как бесстрастно свидетельствует европейская история, страны западной идентичности приоритетно и последовательно одержимы идеей расчленения и уничтожения нашего самобытного государства. Суверенное развитие России и на современном этапе воспринимается Западом как геополитический вызов для реализации его «мирового порядка, основанного на правилах» и цивилизации «тотального потребления»; зиждущейся на неолиберальных, меркантильных и подчас достаточно примитивных псевдоценностях. К последним причисляем всю номенклатуру аморальных, антисоциальных и антиобщественных стереотипов поведения², направленных, в том числе и на подрыв устоев суверенной государственности.

Второе. В интересах упрочения суверенной государственности крайне необходимо формулирование прогрессивного видения будущего нашей страны или национальной идеи, притягательной и понятной не только для российского народа, но и населения других государств, что сделает их действительными, а не мнимыми союзниками, партнерами и друзьями современной России.

Подчеркнем, что наше многонациональное государство еще с незапамятных времен отличалось стройными и логичными социальными установками и общественными ценностями, формирующими национальные принципы и общность; мировоззренческое единство и конструктив-

ную общегосударственную унификацию всех российских народов и этносов.

Все это позволяет идентифицировать традиционные идеологические атрибуты и мировоззренческие основы России в качестве присущего ей политико-правового обычая, возможности которого, в первую очередь, целесообразно использовать в интересах укрепления суверенной государственности нашей страны.

Вместе с тем вынуждены констатировать, что национальная идея вовсе не синонимична обычному чувству патриотизма, которое, как представляется, испытывает большинство добропорядочных граждан любых, в том числе западных или откровенно русофобских, стран.

Отсюда отечественная национальная идея должна быть не только понятной и прогрессивной, но и инкорпорировать в современную реальность Великое прошлое нашей страны, в том числе и советское, которым целесообразно гордиться, чем его неконструктивно и недальновидно замалчивать³.

Указанный постулат аргументирован, как минимум, двумя важнейшими политико-правовыми обстоятельствами. В первую очередь, юридическим фактом того, что в соответствии с действующей Конституцией Российской Федерации, последняя является правопреемником СССР как на своей территории, так и в отношении его членства в международных организациях (в том числе Совета Безопасности ООН), их органах участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов СССР за пределами России. Во-вторых, перечнем традиционных российских духовно-нравственных ценностей, закрепленных Указом Президента России от 9 ноября 2022 г. № 809 и

¹ Задорожная А., Волкова Д. Меркель стала символом подлости и лжи Запада // Деловая газета ВЗГЛЯД. 2022. 13 дек. URL: m.vz.ru/world/2022/12/13/1190804.html (дата обращения: 15.12.2022).

² Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», п. 14, 17 (а, в, г).

³ Чистяков М. Почему решение не праздновать 100-летие СССР крайне опасно в условиях боевых действий на Украине // Мультипортал KM.RU. 2022. 26 дек. URL: www.km.ru/science-tech/2022/12/26/istoriya-khkh-veka/902180 (дата обращения: 27.12.2022).

включающих также «историческую память и преемственность поколений»¹.

Более того, национальная идея должна творчески проецировать нашу современность в не менее достойное Будущее, целенаправленно возвращая социум и личность во времена исторического величия Отчизны в интересах новейшей «реинкарнации» прежних славных дел и эпических свершений.

Одновременно следует учитывать и ту гражданскую аксиому, что общество мотивируют реальные победы и достижения, а не эфемерные призывы и невыполнимые формальные лозунги. При этом де-юре продекларированный, но де-факто не реализованный слоган-обращение к народу наносит гораздо больший общественный вред, чем отсутствие такой «инициативы» в принципе.

Кроме того, вся отечественная военная история свидетельствует о том, что зачастую побеждает не только лучше вооруженный и экипированный боец, но идейно убежденный и духовно мотивированный, а значит и способный на более значимые, осознанные и героические поступки. По нашему мнению, даже высокооплачиваемый профессионал, но без соответствующих убеждений априори не способен на великие свершения, поскольку им движет главным образом расчетливость и денежный мотив. Полагаем, что именно монетарный менталитет, возвращенный тридцатилетней рыночной эпохой и пресловутым «квалифицированным потреблением» в России, спровоцировал массовый исход за рубеж (в том числе в страны СНГ и ОДКБ) российской молодежи, уклоняющейся от объявленной в нашей стране в сентябре 2022 г. мобилизации.

Третье. Системная внешнеполитическая ориентация, высокая управленческая дееспособность и готовность России на результативное продвижение и защиту за рубежом своих национальных интересов в

условиях консолидированного неприятия органами государственной власти деструктивных факторов персонифицированно-иррационального свойства, препятствующих развитию высоких нравственных идеалов, духовного потенциала и сплочению общества; социальному процветанию и преемственности поколений²; обеспечению суверенитета и национальной безопасности страны.

Четвертое. Однозначная общероссийская гражданская идентичность, а также всесторонняя государственная самодостаточность и самостоятельность, игнорирующие слепое заимствование иностранных шаблонов и клише, но гарантирующие реализацию новаторских и креативных подходов по эффективной материализации национальных интересов, обеспечению и укреплению национальной безопасности страны.

Именно повышение уровня и качества жизни российского народа, его созидательно-продуктивная социокультурная и общественная динамика развития; создание публичной властью благоприятных условий для интенсивного роста реального (а не, к примеру, преимущественно финансового) сектора экономики целесообразно считать приоритетом внутренней и внешней политики нашего государства. Данное требование объективировано нацеленностью нашего Президента на «сбережение народа России», которое официально позиционируется им как приоритетный «национальный интерес»³ и «основной стратегический национальный приоритет»⁴.

Отсюда, с учетом констатации национальным лидером России факта «исчерпания существующей модели капитализма»⁵,

² Там же.

³ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 25 (1).

⁴ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 г. № 809, п. 24 (в).

⁵ Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 года // Президент России. Офиц.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», п. 5.

представляется целесообразным интегративно оценивать функциональную дееспособность и эффективность отечественных руководителей не с позиции грамотной управленческой риторики, а исключительно под углом результативной имплементации на практике вышеупомянутых критериев.

Полагаем, что предложенный подход будет способствовать достижению национальных целей и решению задач как в области обеспечения национальной обороны России¹, так и в сфере ее государственной политики по сохранению и укреплению отечественных традиционных духовно-нравственных ценностей², в первую очередь, гражданского единства и общероссийской идентичности.

Думается, что и здесь, прежде всего, необходимо руководствоваться, с одной стороны, установками российского лидера на де-факто «обладание актуальными знаниями и умениями»³, а с другой, общепризнанными нормами отбора в Секретариат ООН, прописанными в ее Уставе и предполагающими обязательное наличие у кандидатов таких профессиональных качеств как «высокий уровень работоспособности, компетентности и добросовестности»⁴.

Пятое. Именно императивное верховенство духовного над материальным, как было подчеркнуто 27 октября в Валдайской речи Президента Российской Федерации⁵, а затем закреплено 8 ноября 2022 г. в

сайт. 2022. 27 октября. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/69695 (дата обращения: 28.10.2022).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 25.

² Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», п. 23, 24.

³ Там же, п. 21.

⁴ Устав ООН, ст. 101 // Организация Объединенных Наций. Офиц. сайт. URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> (дата обращения: 07.11.2022).

⁵ Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 г. // Президент России. Офиц. сайт.

его Указе «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Полагаем, что реализация данного принципа крайне востребована для обеспечения национальной безопасности и купирования возможных социокультурных⁶ (и связанных с ними латентных когнитивных⁷) угроз в условиях концептуально-цивилизационного противостояния России с совокупным Западом.

Представляется, что завершение указанного глобального противоборства на благоприятных для России условиях невозможно без опоры на собственные внешнеполитические прорывные антикризисные традиции, конструктивный опыт и традиционные культурно-исторические ценности, а также без задействования креативных и неравнодушных патриотов-профессионалов, способных на выработку новаторских подходов и управленческих решений.

И последнее, наличие у России достаточных политической воли и решительности, национальных возможностей и ресурсов для своевременной и эффективной защиты своих граждан в любой точке мира, в том числе в ходе организации федеральным центром миротворческих операций на страновом и региональном уровнях⁸.

Приоритетной целью указанных операций может стать прекращение геноцида и насильственного этноцида, тягчайших нарушений международного уголовного и

2022. 27 октября. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/69695 (дата обращения: 28.10.2022).

⁶ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 г. № 809, п. 1; 9.

⁷ Claverie B., Cluzel F. The Cognitive Warfare Concept. 2022. – 11 p. // Официальный сайт НАТО. URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-02/CW%20article%20Claverie%20du%20Cluzel%20final_0.pdf (дата обращения: 27.12.2022).

⁸ Шамаров П.В. Концептуализация миротворчества России как объективное требование сложной международной обстановки // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 2. (71). С. 14—34.

гуманитарного права, преступлений против человечности и этнических чисток, затрагивающих за рубежом (и в первую очередь на территории бывшего СССР) наших соотечественников, местного русского и русскоязычного населения. Подчеркнем, что только благодаря миротворческой практике России на территории Сирии, бывших Советского Союза и Югославии¹ от физического уничтожения были спасены не только миллионы мирных жителей, но и созданы необходимые условия для общенационального диалога, примирения и восстановления мирной жизни.

В этой связи уместно напомнить, что именно «пресвященные» европейцы еще с момента Рейнской резни в 1096 г. целенаправленно и методично уничтожали и преследовали по дискриминационному «национальному признаку» якобы «неправильные народы и народности», в том числе еврейский², славянские и другие.

Резюмируя вышеизложенное, полагаем, что категория «государственность» подлинно суверенного актора (единственно способного «эффективно отвечать на вызовы времени и запросы граждан»³) на определенных исторических этапах (в экстремальных, неординарных и опасных условиях для его существования и функционирования) трансформируется в особый вид — *суверенную государственность*.

Одновременно считаем крайне необходимым (с политико-правовой и научной точки зрения) интегрировать в понятие «*мировое незападное большинство*» или «*сообщество суверенной государственности*» всю совокупность субъектов международного права, не стесненных агрессив-

но-деструктивными геополитическими рамками стран трансатлантической идентичности и не следующих на мировой сцене их эгоцентрично-опасному внешнеполитическому курсу.

Отсюда объективируется наше принципиальное непринятие любого уподобления таких разновеликих и противоположных понятий как «международное или мировое сообщество» и «коллективный или совокупный Запад» даже с учетом концептуально-теоретического и политико-административного засилья в ведущих наднациональных структурах русофобски настроенных англосаксов, их западных вассалов и других «идейных» последователей, в том числе российского происхождения⁴.

В целом резюмируем, что *суверенная государственность* — это особый вид государственности, возникающий в случае непосредственной угрозы суверенитету государства (экстремальная, опасная, предвоенная и военная обстановка), а также внешнеполитического диктата и иностранных санкций в интересах отстранения от власти легального и легитимного руководства страны; разрушения межнационального и межконфессионального согласия; подрыва религиозно-нравственных основ социального мировоззрения и национальной ментальности; забвения исторической памяти и преемственности поколений народов и этносов России.

Таким образом, учитывая приоритет «задачи обеспечения безопасного существования человека», публично позиционируемой Президентом Российской Федерации в качестве единственной и подлинной «универсальной ценности»⁵, специальная военная операция России на Украине объективирует становление и развитие концепции суверенной государственности, направленной на эффективный федеральный ответ на вызовы времени и запросы граждан.

¹ Шамаров П.В. Об универсальности определения геноцида: на примере деятельности Международного военного трибунала в Нюрнберге // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2021. №.2 (13). С. 28.

² Любимов А.П. Об определении понятия «антисемитизм» // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2021. №.2 (13). С. 7.

³ Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 г.

⁴ Воропаева Е. Путин заявил о способности россиян отличить «патриотов» от «предателей» // РБК. 2022. 16 марта.

⁵ Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 г.

Представляется, что ее реализация на практике обусловит в оперативно-тактическом формате нашу убедительную победу на Украине; а в стратегическом — динамичное государственное развитие и прочную консолидацию многонационального российского народа при безусловном гарантировании национальной безопасности и реализации за рубежом национальных интересов России.

В целом, полагаем, что победа в СВО на Украине завершит:

— эпоху мирового англосаксонского господства на традиционном фундаменте примитивного «кулачно-денежного права»;

— 30-летие комфортного распространения в мире неолиберальных монетаристских и «квалифицированных потребительских» подходов, укоренившихся в Европе после самороспуска СССР и бескровной прокси победы НАТО в Холодной войне вследствие национального предательства партийной номенклатуры — прежней советской элиты;

— риторический (и отчасти в российской науке) период контрпродуктивной и деструктивной деятельности отечественных догматиков разного толка: реакционеров, и так называемых прогрессистов.

Библиография

1. Бабаев, В.К. Теория государства и права в схемах и определениях : учебное пособие / В.К. Бабаев, В.М. Баранов, В.А. Толстик. — М.: Юристъ, 2003. — 256 с.
2. Бобылев, А.И. Государство, государственная власть, органы государственной власти в России: понятие, их соотношение // Право и государство: теория и практика. — 2008. — № 12 (48). — С. 6—11.
3. Василенко, А.И. Теория государства и права : учебное пособие / А.И. Василенко, М.В. Максимов, Н.М. Чистяков. — М.: Финансовая академия при Правительстве РФ. 2007. — 384 с.
4. Венгеров, А.Б. Теоретические вопросы российской государственности // Теория государства и права. Часть 1. Теория государства / А.Б. Венгеров. — М.: Юристъ, 1996. — 256 с.
5. Власов, В.И. Теория государства и права : учебное пособие. Изд. 2-е. / В.И. Власов, Г.Б. Власова. — Ростов на Дону: Феникс, 2012. — 331 с.
6. Иванников, И.А. Теория государства и права : учебник / И.А. Иванников. — М.: РИОР Инфра-М. 2011. — 352 с.
7. Кулапов, В.Л. Теория государства и права : учебник / В.Л. Кулапов. — М., Кнорус, 2014. — 384 с.
8. Кулапов, В.Л. Теория государства и права : учебник / В.Л. Кулапов, А.В. Малько. — М., Инфра-М., 2011. — 384 с.
9. Любимов, А.П. Об определении понятия «антисемитизм» // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. — 2021. — №. 2 (13). — С. 6-13.
10. Марченко М.Н. Теория государства и права : учебник / М.Н. Марченко. — М.: Изд. МГУ, 2007. — 648 с.
11. Морозова, Л.А. Теория государства и права : учебник. 3-е изд. / Л.А. Морозова. — М.: Эксмо, 2009. — 480 с.
12. Раянов, Ф.М. Проблемы теории государства и права (юриспруденции) : моногр. / Ф.М. Раянов. — М., Право и государство, 2003. — 304 с.
13. Хропанюк, В.Н. Теория государства и права : учебник. 3-е изд, доп., испр. / В.Н. Хропанюк. — М.: Интерстиль, 2008. — 384 с.
14. Шамаров, В.М. О функции обороны страны и ее новейшей трансформации в функцию суверенной государственности / В.М. Шамаров, П.В. Шамаров // Военное право. — 2022. — № 5 (75). — С. 89—98.
15. Шамаров, П.В. Об универсальности определения геноцида: на примере деятельности Международного военного трибунала в Нюрнберге / П.В. Шамаров // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. — 2021. — №.2 (13). — С. 14—36.
16. Шамаров, П.В. Концептуализация миротворчества России как объективное требование сложной международной обстановки / П.В. Шамаров // Проблемы национальной стратегии. — 2022. — № 2. (71). — С. 14—34.

Военно-административное право

Об обеспечении безопасности населения с учетом проведения специальной военной операции

© Александрова Наталья Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
кадрового, правового и психологического
обеспечения Академии Государственной
противопожарной службы МЧС России

Аннотация. С 24 февраля 2022 года Российская Федерация проводит специальную военную операцию на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. С этого периода вооруженные силы Украины активизировали свою противоправную деятельность на указанных территориях, а также на территориях субъектов Российской Федерации, прилегающих к перечисленным районам, подвергая обстрелам в том числе объекты гражданской инфраструктуры и жилые дома граждан. Эти факты влекут за собой многочисленные жертвы со стороны гражданского населения. Учитывая эти обстоятельства в настоящее время высока актуальность обеспечения защиты населения нашей страны, в том числе путем организации функционирования защитных сооружений.

Ключевые слова: оборона, гражданская оборона, специальная военная операция, защитные сооружения, военная безопасность.

On ensuring the safety of the population, taking into account the conduct of a special military operation

© Alexandrova N.G.,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Personnel, Legal and Psychological Support of the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia of the Russian Federation

Abstract. Since February 24, 2022, the Russian Federation has been conducting a special military operation on the territories of Ukraine, the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic. Since that period, the armed forces of Ukraine have intensified their illegal activities in these territories, as well as in the territories of the subjects of the Russian Federation adjacent to the listed areas, exposing civilian infrastructure facilities and residential houses of citizens to shelling, among other things. These facts entail numerous casualties on the part of the civilian population. Taking into account these circumstances, the urgency of ensuring the protection of the population of our country is currently high, including through the organization of the functioning of protective structures.

Keywords: defense, civil defense, special military operation, defensive structures, military security.

К большому сожалению, из различных информационных источников мы узнаем о многочисленных артиллерийских и ракетных обстрелах территории Российской Федерации со стороны вооруженных сил Украины¹.

¹ См. напр.: В Белгороде ВСУ повредили 70 квартир за сутки: последние новости сегодня.

В этой связи тема обеспечения без-

N4k.Ru — новостной портал.
<https://n4k.ru/2022/12/22/svezhaja-dannye-iz-belgorodskoj-oblasti-na-22-dekabrja-posle-obstrelov-obzor-poslednih-sobytij.html> (дата обращения 22.12.2022); Украинские войска обстреляли Донецк. РИА Новости.
<https://ria.ru/20221222/gospital-1840560296.html> (дата обращения 22.12.2022).

опасности и обороноспособности нашего государства в целом и защиты населения от военных угроз в частности, несмотря на широкое рассмотрение в научной литературе¹, становится в настоящее время наиболее актуальной.

В соответствии с подп. 2 и 9 ст. 2 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» организация обороны включает разработку основных направлений военной политики и положений военной доктрины Российской Федерации, а также планирование и осуществление мероприятий по гражданской и территориальной обороне.

Наряду с этим, согласно Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, к основным задачам Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и органов относятся:

— в мирное время — подготовка к проведению мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне (подп. «п» п. 32);

— в период непосредственной угрозы агрессии — осуществление мероприятий по территориальной обороне, а также выполнение в установленном порядке мероприятий по гражданской обороне (подп. «д» п. 33).

Из приведенных положений можно сделать вполне обоснованный вывод, что защита населения в период возможной агрессии против Российской Федерации является задачей государственной важности, так как обязанность государства по сохранении жизни человека закреплена в Конституции Российской Федерации.

Согласно ст. 4 Федерального закона от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне» организация и ведение

гражданской обороны являются одними из важнейших функций государства, составными частями оборонного строительства, обеспечения безопасности государства. Подготовка государства к ведению гражданской обороны осуществляется заблаговременно в мирное время с учетом развития вооружения, военной техники и средств защиты населения от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера. Ведение гражданской обороны на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях начинается с момента введения в действие Президентом Российской Федерации Плана гражданской обороны и защиты населения Российской Федерации.

Важным и значительным способом обеспечения безопасности граждан в условиях возможной агрессии против Российской Федерации является обеспечение нормального функционирования защитных сооружений гражданской обороны.

В соответствии с п. 1 Порядка создания убежищ и иных объектов гражданской обороны, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 1999 г. № 1309, к объектам гражданской обороны относятся:

— убежище — защитное сооружение гражданской обороны, предназначенное для защиты укрываемых в течение нормативного времени от расчетного воздействия поражающих факторов ядерного и химического оружия и обычных средств поражения, бактериальных (биологических) средств и поражающих концентраций аварийно химически опасных веществ, возникающих при аварии на потенциально опасных объектах, а также от высоких температур и продуктов горения при пожарах;

— противорадиационное укрытие — защитное сооружение гражданской обороны, предназначенное для защиты укрываемых от воздействия ионизирующих излучений при радиоактивном заражении (загрязнении) местности и допускающее непрерывное пребывание в нем укрываемых в течение нормативного времени;

¹ См. напр.: Корякин В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Военное право. 2022. № 2 (72). С. 30—34; Чернявский А.Г., Емельянова А.И. Правовое обеспечение действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности // Вестник военного права. 2019. № 2. С. 21—30.

— укрытие — защитное сооружение гражданской обороны, предназначенное для защиты укрываемых от фугасного и осколочного действия обычных средств поражения, поражения обломками строительных конструкций, а также от обрушения конструкций вышерасположенных этажей зданий различной этажности;

— специализированное складское помещение (место хранения) — помещение, предназначенное для хранения размещенного в нем имущества гражданской обороны и выдачи его в установленном порядке;

— санитарно-обмывочный пункт — комплекс помещений, технических и материальных средств, предназначенных для смены одежды, обуви, санитарной обработки населения, контроля радиоактивного заражения (загрязнения) кожных покровов, средств индивидуальной защиты, специальной и личной одежды людей;

— станция обеззараживания одежды — комплекс помещений, технических и материальных средств, предназначенных для специальной обработки одежды, обуви, а также для пропитки одежды защитными составами;

— станция обеззараживания техники — комплекс помещений, технических и материальных средств, предназначенных для специальной обработки подвижного состава транспорта;

— иные объекты гражданской обороны — объекты, предназначенные для обеспечения проведения мероприятий по гражданской обороне, в том числе для санитарной обработки людей и животных, дезактивации дорог, зданий и сооружений, специальной обработки одежды, транспортных средств и других неотложных работ.

Например, бомбоубежища имеют особый правовой статус как объекты гражданской обороны, обусловленный их публично-значимой функцией и характеризующийся двумя основными особенностями — запретом на приватизацию и ограничением пределов хозяйственного использования, обеспечивающим возможность проведения их в заданные сроки в состоянии готовности к использованию по назначе-

нию¹.

Руководство гражданской обороной на территориях субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в соответствии с законодательством осуществляют руководители органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, которые несут персональную ответственность за организацию и проведение мероприятий по гражданской обороне и защите населения.

Исходя из положений ст. 8 Закона о гражданской обороне, создание и поддержание в состоянии постоянной готовности к использованию технических систем управления гражданской обороны, систем оповещения населения об опасностях, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, защитных сооружений и других объектов гражданской обороны, относится к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области гражданской обороны.

Согласно ст. 18 указанного Федерального закона обеспечение мероприятий по гражданской обороне и защите населения, осуществляемых федеральными органами исполнительной власти, в том числе содержание спасательных воинских формирований федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, является расходным обязательством Российской Федерации. Обеспечение мероприятий регионального уровня по гражданской обороне, защите населения и территорий субъектов Российской Федерации является расходным обязательством субъекта Российской Федерации. Обеспечение мероприятий местного уровня по гражданской обороне, защите населения и территорий муниципального образования является расходным обязательством муниципального образования. Обеспечение мероприятий по гражданской обороне, прово-

¹ Дерхо Д.С. Правовой статус бомбоубежища // СПС Консультант Плюс. 2022.

димых организациями, осуществляется за счет средств организаций.

Таким образом, вопросы защиты жизни и здоровья граждан, проживающих на территории административно-территориальных образований, в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, поддержание в состоянии постоянной готовности к использованию защитных сооружений являются расходными обязательствами соответствующих субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

В этой связи в случае недостатка у субъектов Российской Федерации и муниципальных образований финансовых средств, необходимых для оборудования и поддержания объектов защитных сооружений, могут возникнуть существенные проблемы, связанные с качеством обеспечения безопасности граждан, проживающих на территории соответствующего административно-территориального образования.

Учитывая изложенное, на наш взгляд, бремя содержания защитных сооружений гражданской обороны должно ложиться полностью на государство, то есть финан-

сироваться за счет федерального бюджета.

Полагаем, что заблаговременное планирование и расчет потребности денежных средств, необходимых на содержание и развитие системы защитных сооружений гражданского населения, а в особенности гарантированное выделение таких денежных средств, поспособствует созданию благоприятных условий по защите жизни и здоровья населения нашей страны, что очень актуально в условиях сложившейся сложной геополитической обстановки в мире.

Библиография

1. Дерхо, Д.С. Правовой статус бомбоубежища / Д.С. Дерхо // СПС Консультант Плюс. 2022.
2. Корякин, В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / В.М. Корякин // Военное право. — 2022. — № 2 (72). — С. 30—34.
3. Чернявский, А.Г. Правовое обеспечение действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности / А.Г. Чернявский, А.И. Емельянова // Вестник военного права. — 2019. — № 2. — С. 21—30.

Правовое положение субъектов медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации

© Кириченко Николай Сергеевич,

кандидат юридических наук, юрист

© Бабайцева Евгения Сергеевна,

адъюнкт 25 кафедры ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. Важное значение в системе медицинского обеспечения военнослужащих имеет установление правового положения субъектов данного вида правоотношений. В свою очередь правовое положение указанных субъектов устанавливает их права и обязанности. В настоящей статье рассмотрены вопросы правового положения субъектов медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации, к которым относятся медицинские организации ведомства, лица, оказывающие медицинскую помощь, а также лица, которым такая помощь оказывается.

Ключевые слова: военная служба, войска национальной гвардии, медицинская помощь, субъекты медицинского обеспечения.

Legal status of subjects of medical support of the National Guard troops of the Russian Federation

© Kirichenko N.S.,

Candidate of Law, lawyer

© Babaytseva E.S.,

is a graduate student of the Military University

Abstract. The establishment of the legal status of subjects of this type of legal relationship is of great importance in the system of medical support for military personnel. In turn, the legal status of these entities establishes their rights and obligations. In this article, the issues of the legal status of the subjects of medical support of the National Guard troops of the Russian Federation, which include medical organizations of the department, persons providing medical care, as well as to whom such assistance is provided, will be considered.

Keywords: military service, National Guard troops, medical care, subjects of medical support

В системе различных видов обеспечения военнослужащих всех военных ведомств важное место занимает медицинское обеспечение, влияющее на боеспособность подразделений. Вопросам медицинского обеспечения военнослужащих с позиции военного права посвящено большое количество работ российских ученых, что свидетельствует об актуальности данной темы¹.

¹ См. напр.: Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 8 (301).

1. Теоретические аспекты понятия «субъект правоотношения»

Медицинская деятельность в юридическом смысле представляет собой совокупность различных по сложности специфических правоотношений, характерным признаком которых является то, что они возникают и существуют главным образом по поводу личных нематериальных благ

С. 28—32; Холиков И.В., Вовкодав В.С. Перспективы совершенствования правовой регламентации врачебно-лётной экспертизы в государственной авиации // Военное право. 2022. № 2 (72). С. 154—158.

человека — его жизни и здоровья. Субъектами этих правоотношений выступают в первую очередь лица, получающие медицинскую помощь (медицинские услуги), и лица, ее (их) оказывающие. Следовательно, к субъектам медицинских правоотношений прежде всего относятся пациент, медицинский работник и медицинская организация. При этом среди всех субъектов медицинских правоотношений можно выделить субъектов медицинской деятельности, под которыми понимаются лица, осуществляющие деятельность в сфере медицины, т.е. медицинские работники и медицинские организации¹.

Важное место в системе субъектов медицинской деятельности занимает их правовое положение. В данной работе, в частности, рассматривается правовое положение субъектов медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации.

Однако, прежде чем обратиться к содержанию понятия правового статуса субъекта медицинского обеспечения, необходимо рассмотреть содержание понятия «правовой статус субъекта права» в целом.

Перед этим целесообразно рассмотреть вопрос о содержании понятия «правосубъектность», поскольку различные авторы, определяя правовой статус субъекта права только через права и обязанности, фактически отождествляют эту категорию с понятием правосубъектности.

Так, по мнению М.Н. Марченко, правосубъектность — это установленное и признанное законом особое юридическое качество или свойство, которое позволяет лицу или организации стать субъектом права. Она так же, как и составляющие ее элементы — правоспособность и дееспособность, возникает, изменяется или прекращается не иначе как посредством норм объективного права². При этом М.Н. Марченко различает три основных вида право-

способности: общую, отраслевую и специальную. Общая правоспособность — способность любого лица или организации быть субъектом права как такового вообще. Она признается государством за физическими лицами с момента их рождения. Отраслевая правоспособность — это юридическая способность лица или организации быть субъектом той или иной отрасли права. В каждой отрасли права условия ее наступления могут быть неодинаковы. Специальная правоспособность — способность лица быть участником правоотношений, возникающих в связи с замещением им определенных должностей (президента, судьи, члена парламента) или принадлежностью к определенным профессиональным категориям работников (работникам транспорта, правоохранительных органов и др.).

Возникновение специальной правоспособности, по мнению М.Н. Марченко, возможно только в силу особых условий³. А.Б. Венгеров, в свою очередь, характеризовал правосубъектность как конкретный объем правомочий и обязанностей, которым обладает определенный субъект правоотношений и который он может осуществлять в конкретном правоотношении. По его мнению, эта категория включает в себя, кроме того, и деликтоспособную характеристику субъекта правоотношения⁴. Аналогичным образом определили правосубъектность В.П. Казимирчук и Т.В. Худайкина, включив в ее содержание правоспособность, дееспособность и деликтоспособность⁵, а также Е.Б. Хохлов, который понимает под правосубъектностью способность к правообладанию, совершению юридически значимых действий и восприятию мер юридической ответствен-

³ Марченко М.Н. Теория государства и права. Элементарный курс : учеб. пособие / 2-е изд., доп. М., 2007. С. 331, 333.

⁴ Венгеров А.Б. Теория государства и права : учебник для юрид. вузов / 3-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 467.

⁵ Общая теория государства и права: академический курс : в 3 т.; 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 3. М., 2002. С. 444 (авторы соответствующей главы — В.П. Казимирчук и Т.В. Худайкина).

¹ Данилов Е.О. Проблемы привлечения субъектов медицинской деятельности к административной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 7. С. 27—34.

² Марченко М.Н. Теория государства и права : учебник / 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 592.

ности¹. По мнению же А.В. Мицкевича, правосубъектность включает в себя три компонента: наряду с правоспособностью и дееспособностью в ней фигурирует правовой статус субъекта права².

Несколько иначе рассматривают правосубъектность А.В. Поляков и Е.В. Тимошина. В их понимании она представляет собой способность субъекта выступать носителем субъективных прав и правовых обязанностей и способность лично эти права и обязанности осуществлять (способность вступать в правовую коммуникацию)³. Такая характеристика правосубъектности сближает взгляды этих авторов с позицией С.С. Алексеева, который рассматривал правосубъектность как способность лица быть носителем юридических прав и обязанностей. Тем самым он определял правосубъектность как совокупность двух основных структурных элементов, к числу которых относятся, во-первых, принадлежащая лицу способность обладания правами и несения обязанностей (правоспособность) и, во-вторых, его способность к самостоятельному осуществлению прав и обязанностей (дееспособность). Выделять же деликтоспособность как еще одно проявление правосубъектности он не считал необходимым, поскольку, по его мнению, в отношении большинства субъектов права деликтоспособность представляет собой одну из сторон дееспособности, выражающую возможность самостоятельного исполнения юридических обязанностей. Необходимость же ее обособления возникает лишь в некоторых случаях, например, тогда, когда речь идет о деликтоспособности несовершеннолетних в возрасте от 15 до 18 лет в гражданском праве⁴.

¹ См. подробнее: Маврин С.П., Филиппова М.В., Хохлов Е.Б. Трудовое право России: учебник. СПб., 2005. С. 49—50.

² Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2001. С. 373 (автор соответствующей главы — А.В. Мицкевич).

³ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права : учебник. СПб., 2005. С. 380.

⁴ Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 139, 147.

2. Правовой статус медицинской организации

По результатам проведенного анализа федерального административного законодательства, в частности, нормативных правовых актов, определяющих систему и структуру федеральных органов исполнительной власти, можно сделать вывод, что государственные учреждения наряду с органами исполнительной власти являются самостоятельными специальными субъектами административных правоотношений, выполняющими определенные публично значимые функции и наделенными в некоторых случаях властно-публичными полномочиями. В литературе по административному праву также неоднократно указывалось на необходимость отделения государственных учреждений как субъектов административных правоотношений от государственных органов, участвующих в этих отношениях⁵.

С учетом этого предварительного замечания целесообразно сформулировать общее понятие государственного учреждения как субъекта административного правоотношения.

По мнению А.В. Киселева, под государственным учреждением как субъектом административных правоотношений следует понимать государственную некоммерческую организацию, не являющуюся государственным органом, действующую в системе определенного федерального органа исполнительной власти или органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации и находящуюся в ведении этого органа либо состоящую с ним в координационных связях, обеспечивающую реализацию финансово-экономической, социально-культурной и правоохранительной функций государства посредством организации управления определенными объектами и территориями, оказания содействия органам исполнительной и судебной власти в реализации имеющейся у

⁵ См., напр.: Козлов Ю.М. Органы государственного управления. М.: Госюриздат, 1960. С. 18; Стариков Ю.Н. Курс общего административного права : в трех томах. Т. 1. М.: Норма, 2002. С. 197.

них компетенции, исполнения принимаемых указанными органами решений, оказания физическим и юридическим лицам государственных услуг социально-культурного и иного характера и наделяемую в необходимых случаях в целях выполнения указанных функций отдельными государственно-властными полномочиями¹.

Далее рассмотрим понятие и элементы административно-правового статуса государственных учреждений.

В литературе отсутствует единый подход к пониманию сущности и элементов административно-правового статуса организаций, в том числе учреждений. По мнению П.И. Кононова, в структуру административно-правового статуса юридических лиц следует включать общие и специальные права, общие и специальные обязанности, ограничения общих и специальных прав юридических лиц в административно-публичной сфере, а также меры юридической ответственности, применяемые к юридическим лицам за совершаемые ими в административно-публичной сфере правонарушения². Д.Н. Бахрах выделяет в административно-правовом статусе государственных коллективных субъектов, в том числе государственных учреждений, следующие блоки: а) целевой: цели, задачи, функции деятельности организации; б) структурно-организационный: порядок образования, легализации, реорганизации, ликвидации организации, ее подчиненность, организационная структура, процедуры деятельности; в) компетенционный: подведомственность дел и властные полномочия организации³.

По нашему мнению, правовой статус военной медицинской организации войск национальной гвардии Российской Федерации представляет собой ее правовое по-

ложение в административных правоотношениях. Военные медицинские учреждения создаются для реализации государственной политики в соответствующей сфере, посредством оказания медицинских услуг военнослужащим, сотрудникам, гражданскому персоналу, членам их семей, исполнения нормативных и индивидуальных правовых актов, изданных (принятых) компетентными органами исполнительной власти.

Публичные задачи военного медицинского учреждения — это стоящие в соответствующей сфере жизни государства и общества общезначимые вопросы, которые должны решаться данным учреждением для достижения поставленных перед ним целей. Полагаем возможным выделить следующие основные наиболее общие задачи указанных учреждений:

— организация эффективного управления государственным имуществом в соответствующей сфере войск национальной гвардии;

— организация учета государственно-го имущества и контроля за его использованием в соответствующей сфере;

— удовлетворение потребностей военнослужащих, сотрудников и гражданского персонала войск национальной гвардии;

— обеспечение безопасности государства и общественной безопасности в соответствующей сфере;

— организационно-правовое и материально-техническое обеспечение нормального функционирования медицинских подразделений войск национальной гвардии;

— обеспечение исполнения законодательных и иных нормативных правовых актов, а также ведомственных правовых актов Росгвардии в сфере медицинского обеспечения.

Следует отметить, что каждая медицинская организация войск национальной гвардии Российской Федерации является самостоятельным юридическим лицом, то есть правосубъектной организацией, которая самостоятельно (от своего имени) выступает в гражданском обороте и в процессе, т.е. приобретает имущественные и личные неимущественные права и несет

¹ Киселев А.В. Административно-правовой статус государственных учреждений: понятие, элементы, особенности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 6. С. 41.

² См., в частности: Административное право России. Общая часть : учебник для вузов / под ред. П.И. Кононова. М., 2006. С. 88.

³ См.: Бахрах Д.Н. Административное право России : учебник. М.: Эксмо, 2006. С. 155.

обязанности, может быть истцом и ответчиком в суде.

3. Правовой статус работника медицинской организации

Медицинский работник является основным субъектом правоотношения, возникающего в процессе оказания медицинских услуг (медицинской помощи) населению. Медицинский работник — это физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности. В войсках национальной гвардии медицинские работники могут проходить военную службу, либо являться сотрудниками Росгвардии, либо федеральными государственными гражданскими служащими, либо работниками.

Реализация прав и обязанностей медицинских работников в процессе выполнения ими должностных обязанностей в виде оказания медицинской помощи пациентам составляет содержание их трудовой деятельности. Это позволяет сделать вывод о том, что данные работники должны обладать определенным правовым статусом, включающим в себя не только комплекс общих, но и систему специальных прав и обязанностей, мер ответственности, различающихся по своим видам и содержанию в зависимости от должности, специальности, квалификации и других обстоятельств.

Правовой статус медицинского работника непосредственно связан с его пребыванием в трудовых (служебных) правоотношениях с медицинской организацией и характеризуется рядом отличий, сравнимых не только с общим правовым статусом личности, но и с отраслевым статусом работника медицинской организации в нашей стране.

Правовое положение медицинского работника и особые требования, предъявляемые к его трудовой деятельности, исследовались специалистами в сферах медицины и права. Фактически все они справедливо считают, что особенности правового статуса медицинского работника определяются спецификой его труда.

К.Л. Ананьева¹ указала следующие основания дифференциации:

1) особое значение здравоохранения в жизни и развитии общества;

2) характер профессиональной деятельности (объект приложения труда — жизнь и здоровье человека);

3) различия в условиях труда, вызванные спецификой работы (вредные условия, опасные работы).

Можно сделать вывод, что медицинских работников необходимо отнести к субъектам трудового права, обладающим специальной правосубъектностью и специальным правовым статусом. В специальном правовом статусе медицинского работника необходимо рассматривать два компонента: общий (унифицированный) и специализированный (дифференцированный). Под общим (унифицированным) компонентом правового статуса медицинского работника стоит понимать совокупность общих, одинаковых для всех медицинских работников прав, обязанностей и мер ответственности. Специализированный (дифференцированный) компонент правового статуса медицинского работника составляет круг особых прав, обязанностей и мер ответственности, которые корреспондируют должности, специальности и квалификации конкретного медицинского работника.

4. Правовой статус лиц, получающих медицинскую помощь (пациентов).

Правовой статус пациента представляет собой систему законодательно закрепленных государством прав, свобод, юридических гарантий, системы защиты законных интересов, а также обязанностей пациента. Правовой статус пациента характеризуется определенными особенностями.

По нашему мнению, можно выделить несколько видов правовых статусов пациента в сфере медицинского обеспечения:

1) общий правовой статус пациента, представляющий собой единый набор

¹ Ананьева К.Л. Правовое регулирование труда медицинских работников : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1968. С. 5.

прав, обязанностей, присущий всем гражданам России в области медицины. Основой общего правового статуса пациента является, прежде всего, права, и обязанности граждан страны, закрепленные в Конституции Российской Федерации;

2) специальный правовой статус пациентов, то есть система прав, обязанностей и ответственности в области медицины, характерных для следующих групп населения: несовершеннолетних, беременных женщин, военнослужащих, инвалидов, граждан пожилого возраста, клиентов частных лечебно-профилактических учреждений, обладателей полисов добровольного медицинского страхования и др.

Особенностями специального правового статуса пациентов является, как правило, наличие дополнительных прав, льгот, особенностей лечения, медико-социальной реабилитации и обмена конфиденциальной информацией, составляющей, врачебную тайну.

В качестве пациентов в медицинских организациях войск национальной гвардии Российской Федерации выступают военнослужащие, сотрудники, федеральные государственные гражданские служащие, проходящие службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, а также члены их семей.

Подводя итог, понятие «правовое положение субъектов медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации» можно определить как установленные законодательными актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами и приказами Росгвардии совокупность правосубъектности (правоспособности, дееспособности и деликтоспособности), прав и обязанностей, а также ответственности за неисполнение обязанностей лиц (медицинских организаций, медицинских работников, пациентов), участвующих в правоотношениях, связанных с оказанием либо получением медицинской помощи (услуг) в медицинских организациях (подразделениях) войск

национальной гвардии Российской Федерации.

Библиография

1. Административное право России. Общая часть : учебник для вузов / под ред. П.И. Кононова. — М. 2006.
2. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. Т. 2 / С.С. Алексеев. — М., 1982. .
3. Ананьева, К.Л. Правовое регулирование труда медицинских работников : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К.Л. Ананьева. — Л. 1968.
4. Бахрах, Д.Н. Административное право России : учебник / Д.Н. Бахрах. — М.: Эксмо, 2006.
5. Венгеров, А.Б. Теория государства и права : учебник для юрид. вузов. 3-е изд., испр. и доп. / А.Б. Венгеров. — М., 2006.
6. Данилов, Е.О. Проблемы привлечения субъектов медицинской деятельности к административной ответственности / Е.О. Данилов // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 7. — С. 27—34.
7. Киселев, А.В. Административно-правовой статус государственных учреждений: понятие, элементы, особенности / А.В. Киселев // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2007. — № 6. — С. 108—115.
8. Козлов, Ю.М. Органы государственного управления / Ю.М. Козлов. — М.: Госюриздат, 1960.
9. Корякин, В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 8 (301). — С. 28—32.
10. Маврин, С.П. Трудовое право России : учебник / С.П. Маврин, М.В. Филиппова, Е.Б. Хохлов. — СПб., 2005.
11. Марченко, М.Н. Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / М.Н. Марченко. — М., 2004.
12. Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 3. — М., 2002.
13. Поляков, А.В. Общая теория права : учебник / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. — СПб., 2005.
14. Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. — М., 2001.
15. Старилов, Ю.Н. Курс общего административного права : в трех томах. Т. 1 / Ю.Н. Старилов. — М.: Норма, 2002.
16. Холиков, И.В. Перспективы совершенствования правовой регламентации врачебно-лечной экспертизы в государственной авиации / И.В. Холиков, В.С. Вовкодав // Военное право. — 2022. — № 2 (72). — С. 154—158.

Территориальные органы военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации

© Глухов Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, ФГВКОУ
ВО «Военный университет имени князя
Александра Невского» Министерства обороны
Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируется законодательство о структуре Вооруженных Сил Российской Федерации, вычленяются различные типы воинских формирований, устанавливается характер связей между ними. Автор приходит к выводу о недостаточной разработанности в военно-правовой науке административной правосубъектности органов военного управления войскового звена. Предлагается авторская дефиниция территориальных органов военного управления Вооруженных Сил, вносятся предложения о построении общей структуры военной организации и повышении эффективности ее деятельности.

Ключевые слова: воинское формирование, орган военного управления, штаб, структура министерства, воинская часть, аппарат управления, управленческие связи.

Territorial bodies of military administration Armed Forces of the Russian Federation

© Glukhov E.A.,
Candidate of Law, Associate Professor, FGVKOU
VO "Prince Alexander Nevsky Military University"
of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. The article analyzes the legislation on the structure of the Armed Forces of the Russian Federation, identifies various types of military formations, establishes the nature of the links between them. The author comes to the conclusion that the administrative legal personality of the military command bodies of the military level is insufficiently developed in the military legal science. The author's definition of the territorial bodies of the military administration of the Armed Forces is proposed, proposals are made to build a general structure of the military organization and increase the effectiveness of its activities.

Keywords: military formation, military management body, headquarters, structure of the ministry, military unit, management apparatus, managerial relations.

Функции государственных органов производны от функций государства и, в свою очередь, первичны по отношению к организационным элементам структуры государственных органов. Ни один государственный орган не может функционировать и эффективно использовать предоставленные в соответствии с определенной для него компетенцией полномочия без рациональной организации своих внутренних структурных элементов, без определения их субординации.

Правовой статус любого государственного органа предполагает юридическое закрепление его организационной

структуры, а также форм, методов и процедур ее функционирования. Ведь реализация компетенции требует соответствующей организационной «мощности» (штатного расписания) органа и правовой организации деятельности его подразделений и лиц, занимающих в нем должности¹. Структура любого воинского формирования должна быть нормативно определена для устранения неопределенности в его взаимоотношениях, как с другими воинскими формированиями внутри структуры

¹ Атаманчук Г.В. Теория государственного управления : учебник. М.: Омега-Л, 2010. С. 263.

Вооруженных Сил Российской Федерации, так и с иными субъектами.

В.Г. Вишняков писал: «Под структурой органа власти понимается совокупность его подразделений, схема распределения между ними функций и полномочий, возложенных на орган, и система взаимоотношений этих подразделений, включающая набор внутренних и внешних связей»¹. В структуре любого государственного органа можно выделить руководство, территориальные, функциональные и обслуживающие подразделения, взаимодействующие по группам связи: вертикальной, функциональной и горизонтальной.

Юридическую науку, исследующую правовые формы организации государственного управления, интересует, главным образом, формальная, официально закрепленная в нормативных актах структура и нормативно установленные взаимосвязи между подразделениями и должностными лицами органа власти. В определенном смысле формальная структура органа управления — это не структура людей, а структура должностей, которая абстрагируется от всего социологического в управлении². В структуре органа управления важны, кроме должностных полномочий, также организационные, функциональные и организационные связи должностных лиц.

Решающим образом на структуру влияют ее функции, определяемые для структуры при ее создании. Структура органа управления, таким образом, есть орудие, обеспечивающее выполнение возложенных функций оптимальным образом.

Вооруженные Силы, как и любая другая достаточно сложная организация, строятся по иерархическому принципу. Термин «иерархическая организация» используется для описания многих структур древовидной топологии. Руководитель нижестоящей военной организации подчиняется руководителю вышестоящего органа воен-

ного управления и обязан исполнять его приказы. В свою очередь, каждый орган военного управления обладает определенной самостоятельностью и функционирует согласно определенной для него компетенции.

В соответствии со ст. 11 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» Вооруженные Силы состоят из центральных органов военного управления, объединений, соединений, воинских частей и организаций, которые входят в виды и рода войск Вооруженных Сил и в войска, не входящие в них.

Приведенная формулировка не очень точно отражает имеющуюся структуру Вооруженных Сил. Согласно формулировке закона, в Вооруженных Силах имеются лишь центральные органы военного управления, остальные структуры Вооруженных Сил, якобы, органов военного управления не имеют, а представляют собой просто воинские формирования различной иерархии (объединения, соединения и воинские части). Однако, это не совсем так.

Основным правилом в организационной структуре любого формирования от батальона и выше, независимо от его назначения, является включение в его состав отдельного органа военного управления, основных (по прямому назначению) и вспомогательных структурных элементов. Органы военного управления включают: руководство, штаб, центры, отделы (отделения, группы), службы, должностных лиц, предназначенных для руководства структурными элементами данного воинского формирования.

Следовательно, любое крупное воинское формирование, говоря упрощенно, само состоит из органа его военного управления и подчиненных ему воинских формирований.

То есть Министерство обороны Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти и одновременно главным органом управления

¹ Вишняков В.Г. Структура и штаты органов советского государственного управления. М.: Наука, 1972. С. 16.

² Яковлев Г.С. Аппарат управления: принципы и организация. М., 1974. С. 78.

всеми Вооруженными Силами¹. Сказанное означает, во-первых, что нельзя отождествлять все Вооруженные Силы с органом его управления — Министерством обороны. Минобороны России само входит в состав Вооруженных Сил в качестве управленческой структуры; они соотносятся как часть и целое. А, во-вторых, Министерству обороны подчинены все иные воинские формирования Вооруженных Сил (непосредственно или через промежуточные по иерархии структуры управления).

Подобным же образом аппарат управления общевойсковой армии, например, это — одновременно и отдельная воинская часть, и самостоятельный орган военного управления оперативного уровня (штаб армии), и структурный элемент воинского формирования «N-ская общевойсковая армия». Вместе с тем, в формулировке ст. 11 Федерального закона «Об обороне» эти составляющие сведены вместе. Поэтому, по мнению автора, было бы правильнее и точнее указать в данной статье формулировку «Вооруженные Силы состоят из Министерства обороны Российской Федерации, центральных органов военного управления, объединений, соединений, воинских частей, иных организаций, а также их органов военного управления».

Вышеуказанная позиция подтверждается нормами п. 5 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, согласно которому Минобороны России осуществляет свою деятельность непосредственно и через органы управления военных округов (Северного флота), иные органы военного управления, территориальные органы (военные комиссариаты), подведомственные Минобороны России организации. Нетрудно заметить, что управляющее воздействие здесь задается именно через органы военного управления, а не через сами воинские формирования (объединения, соединения и воинские части).

Разделение личного состава по видам

¹ Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2004 № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации».

деятельности, предназначению и территории в структурные подразделения устраняет лимит управления у одного руководителя² и позволяет практически неограниченно расширять военную организацию, не теряя существенно в качестве управления.

В зависимости от места в иерархии Вооруженных Сил систему органов военного управления Вооруженных Сил в мирное время составляют:

а) Министерство обороны Российской Федерации;

б) центральные органы военного управления;

в) органы военного управления видами и родами войск Вооруженных Сил;

г) органы военного управления военных округов (оперативно-стратегических командований);

д) органы военного управления объединений, соединений, воинских частей и военных организаций (арсеналов, баз хранения, военных образовательных организаций, лечебных учреждений и т.п.). В зависимости от масштаба решаемых задач их подразделяют на воинские формирования оперативного и тактического уровня;

е) местные органы военного управления (военные комиссариаты, штабы территориальной обороны);

ж) гарнизонные органы военного управления (администрация гарнизонов и военных комендатур гарнизонов, штабы территориальной обороны).

При введении особых правовых режимов вдобавок к уже существующим могут вводиться такие органы военного управления, как Ставка Верховного Главнокомандования, управления фронтов, группировок войск, оперативные командования направлений, штабы территориальной обороны³, военно-гражданские админи-

² В зависимости от специфики деятельности и степени автоматизации управляющего процесса принято считать, что один руководитель может эффективно управлять 7—11 непосредственными подчиненными.

³ Создание штабов территориальной обороны предписано на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей Указом Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 757

страции, органы управления создаваемых на военное время специальных формирований. Все они образуются, ликвидируются, реорганизуются в зависимости от потребностей военного управления на определенной территории и участке времени, дополняя существующие органы военного управления мирного времени и принимая на себя часть их задач (либо специфических задач, вводимых лишь в условиях особых правовых режимов).

Более крупное воинское формирование хоть и включает в свой состав подчиненную воинскую часть (организацию), но не поглощает ее, не ликвидирует ее самостоятельности как отдельной структурной единицы, в т.ч. с точки зрения гражданского и трудового права. В этом ракурсе, например, военный округ будет являться совокупностью органов военного управления, объединений, соединений, воинских частей, организаций Вооруженных Сил, входящих в его состав, а не одной монолитной военной организацией (о ней можно говорить лишь в отношении оперативно-стратегического командования как об отдельном управленческом элементе всего военного округа).

Дислокация объединений, соединений и воинских частей осуществляется в соответствии с их боевым предназначением и возможностями. Система органов, осуществляющих военное управление, создается применительно к основным звеньям организационной структуры Вооруженных Сил¹. Структура органов военного управления и их подчиненность строится исходя из функционального предназначения и оформляется штатами военных организаций и документами боевого применения соответственно.

Органы управления объединений, соединений и воинских частей в противоположность от командований военных округов и военных комиссариатов создаются не по территориальному признаку, а исходя

из боевого предназначения. Они должны быть способны осуществлять управление подчиненными войсками (подразделениями), в том числе в процессе осуществления боевых задач, в процессе передислокации².

Самыми большими по численности личного состава и наиболее распространенными воинскими формированиями Вооруженных Сил являются подчиненные центральным органам военного управления либо оперативно-стратегическим командованиям (управлениям военных округов) воинские объединения, соединения и воинские части. В наиболее общем виде структуру их подчинения сверху вниз можно представить так: военный округ (Главное командование вида или рода войск Вооруженных Сил) — армия (армейский корпус) — дивизия (бригада) — полк (отдельный батальон, дивизион). Все они являются боевыми и административно-хозяйственными единицами с типовыми боевыми возможностями и типовым набором подчиненных воинских формирований.

Организационная самостоятельность воинской части проявляется не только в ее административно-хозяйственной, но и в боевой, а также гражданско-правовой деятельности. С отдельной воинской частью как с работодателем заключают трудовые договоры лица гражданского персонала, именно за воинской частью закрепляется военное имущество, воинская часть самостоятельно участвует в налоговых отношениях, командир воинской части самостоятельно издает письменные приказы, воинская часть имеет печать, условное и действительное наименование, для воинской части разрабатываются боевые и мобилизационные документы и т.д. И, что самое важное, исходя из специфики соответствующего рода войск, вооружения и присутствующих ей методов деятельности, воинская часть способна выполнять поставленные для нее боевые задачи наиболее обособленно, вести самостоятельное делопроиз-

¹ «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756».

¹ Попов Л.Л., Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации : учебник. М., 2019.

² Корякин В.М., Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Военно-административное право (военная администрация) : учебник. М.: За права военнослужащих. 2008. С. 56.

водство, издавать письменные приказы.

Войсковая или воинская часть, являясь основной структурной единицей Вооруженных Сил, имеет свой индивидуальный номер (например, войсковая часть 44444). В отличие от воинских соединений и объединений (более крупных воинских формирований), воинская часть не имеет в своем составе (подчинении) других *отдельных* воинских формирований — воинских частей.

Военное законодательство под воинской частью понимает *организационно самостоятельную, административно-хозяйственную структуру* Вооруженных Сил, содержащаяся по утвержденному министром обороны или начальником Генерального штаба Вооруженных Сил штату. В частности, к воинским частям относятся: все полки независимо от их подчиненности, отдельные роты и батальоны (им равные и выше). Воинская часть состоит из управления и других структурных подразделений в соответствии с ее штатом. Также отличительным признаком воинской части является наличие боевого знамени, которое вручается воинским частям при их сформировании.

Структура управления типовой воинской частью (полком) и основные обязанности его должностных лиц определены гл. 3 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — УВС ВС РФ). Ввиду отсутствия в УВС ВС РФ конкретизации обязанностей должностных лиц иных воинских формирований, кроме полка (бригад, дивизий, военных вузов и т.п.) правоприменительная практика распространяет типовые обязанности должностных лиц полка на одноименных должностных лиц иных воинских формирований по аналогии. Также отметим, что ведомственными нормативными правовыми актами полномочия и обязанности воинских должностных лиц могут уточняться и расширяться.

Конституция России предусматривает создание федеральными органами исполнительной власти (в том числе т.н. «силовыми ведомствами») своих территориальных органов для осуществления своих полномочий (ч. 1 ст. 78). В этом ракурсе

необходимо отметить существенное отличие территориальных органов военного управления (управлений объединений, соединений и воинских частей) от иных расположенных в субъектах Российской Федерации структурных элементов Минобороны России (военных комиссариатов, военных вузов, военных лечебных заведений и проч.).

Для лучшей иллюстрации приведем основное отличие воинской части на примере ее отличия от военного комиссариата. Как указано в Положении о военных комиссариатах¹, военные комиссариаты являются территориальными органами Минобороны России и входят в состав военных округов (п. 4). Следует обратить внимание, что в данном случае формулировка п. 4 Положения позволяет утверждать, что речь идет о структурном подразделении Минобороны России, подчиненного войсковому объединению — управлению военного округа (Северному флоту), а не о военном комиссариате как об органе военного управления. Главное предназначение органа военного управления состоит именно в руководстве подчиненными структурами в вопросе применения военного насилия по отношению к противнику в условиях боевых действий, поддержание боевой готовности в мирное время и сопутствующая деятельность.

Таким образом, автором предлагается разграничивать сами воинские формирования и их органы военного управления. Законодательство не определяет административную правосубъектность органов военного управления Вооруженных Сил, за исключением некоторых центральных (самого Минобороны России, Генерального штаба, управлений военных округов).

Относительно органов военного управления войскового звена (армия, армейский корпус, дивизия, бригада, полк и им равные) предлагается следующее определение территориального органа военного управления: это входящий в систему федеральных органов исполнительной

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.12.2012 № 1609 «Об утверждении Положения о военных комиссариатах».

власти, в котором федеральным законом предусмотрено прохождение военной службы, специально созданный орган управления, предназначенный для реализации части функций данного военного ведомства посредством определенных для него организационных и правовых форм и методов деятельности. Дислокация и иерархическая подчиненность территориальных органов военного управления не связана с делением территории страны на субъекты и муниципальные образования, не связана с предоставлением государственных услуг населению определенной местности. Специфическим признаком территориальных органов военного управления являются: возможность их самостоятельной трансформации в ходе мобилизационных мероприятий (без дополнительного распорядительного акта учредителя); непосредственное решение поставленных задач укрепления боеспособности военными методами и средствами; возможность перемещения по территории России и за ее пределами исходя из поставленных боевых задач.

До середины XX в. применительно к территориальным органам управления использовалось словосочетание «органы строевого управления», которые занимались вопросами повседневной управленческой деятельности войск. Органы строевого управления существовали и в мирное, и в военное время, тогда как полевые органы управления создавались лишь для ведения войны¹.

Относительно необходимости создания специализированных управленческих структур в составе воинских формирований необходимо отметить следующее. Принцип единоначалия позволяет руководителю отдавать команды по любому вопросу², но ни один руководитель не в состоянии лично качественно управлять трудом многих сотен и тысяч подчиненных

без помощи штаба³ или узких специалистов по направлениям деятельности. Каким бы гениальным не был сам руководитель, он не может в совершенстве знать все тонкости разнообразных вопросов, их нормативную регламентацию, научно-технические достижения, характер взаимодействующих с ним субъектов и т.п. Один человек, даже самый компетентный, успешный и целеустремленный, не может лично осуществлять абсолютно все управленческие функции, анализировать всю поступившую информацию, контролировать все отданные распоряжения. По мере разрастания сфер управления и количества управляемых, усложнения выполняемых ими функций, увеличения объема анализируемой информации появилась необходимость разделения и дифференциации управленческого труда, введения специального органа для оказания помощи руководителю⁴.

К такого рода структурам, в первую очередь, относятся штабы всех уровней. Вот как обосновывал необходимость опираться в своей деятельности на штабы бывший начальник Генерального Штаба РККА Б.М. Шапошников: «Одному командиру все сделать нельзя. Тот же начальник, который захочет скакать в цепи, одновременно руководить огнём артиллерии, а также регулировать движение обоза, — тот начальник будет отсутствовать в своём соединении, никакого управления не будет, и бой пойдет самотёком»⁵. Пристально занимаясь одним делом, руководитель ослабляет нити управления в других сферах, поэтому ему нужны компетентные помощники. Подобную же мысль

³ Во всех европейских армиях с XVIII в. для облегчения командующему в деле управления армией создавался особый орган, называемый штабом, имеющий целью освободить начальника от занятия мелочами, обсуждение и целесообразное решение которых все же часто имело большое значение, и передавать в войска волю начальников. Для разработки операции привлекалась особая часть штаба, названная генеральной.

⁴ Глухов Е.А. Положительные стороны современной Российской бюрократии // *Lex russica* (Русский закон). 2019. № 10. С. 123—140.

⁵ Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1982. С. 13.

¹ Вишняков Н.П., Архипов Ф.И. Устройство Вооруженных Сил СССР. Ленинград, 1924. С. 82.

² Глухов Е.А. Влияние критики и обсуждения приказа на результативность военного управления // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2017. № 12. С. 94—103.

высказывает и маршал И.С. Конев: «Командир располагает в своем штабе группой специалистов, и если не опирается на них, не использует их знания, то и сам не сможет быть на высоте предъявляемых к нему требований»¹.

Начальник штаба — ближайший помощник (и ближайший подчиненный) полковника; человек, оформляющий, разрабатывающий и помогающий проводить в жизнь его предначертания². Именно поэтому начальнику штаба, единственному из заместителей командира воинской части, предоставлено право отдавать обязательные для выполнения всеми подчиненными приказания от имени командира воинской части (ст. 96 УВС ВС РФ).

Однако специфика военного управления в современной армии такова, что штабные структуры, главным образом, проводят в жизнь волю командира, не обладая при этом правом не то что обсудить принятое командиром решение коллегиально, высказать по нему замечания, но и даже усомниться в его правильности³. И если на тактическом и оперативном уровне управления либо в боевой обстановке такой подход можно признать приемлемым, то на правительственном уровне «принятие ошибочных решений менее вероятно в тех случаях, когда сторонник какого-либо плана или предложения вынужден обосновывать их перед группой здравомыслящих равных партнеров. Решения, влияющие на стратегию в глобальной войне, должны приниматься объединенным разумом людей, каждый из которых вносит свой вклад в виде специализированных знаний, выступая одновременно в виде сдержки и противовеса по отношению к другим»⁴.

На сегодняшний день органы военного управления войсковыми объединениями, соединениями, воинскими частями состоят

из воинских должностных лиц, осуществляющих функции командования: командующих, командиров, их заместителей и подчиненных им штабов и служб. Структурными подразделениями любых органов военного управления являются направления, отделы (отделения), группы, службы, департаменты, могут создаваться подразделения управления резерва. Ниже приведена краткая характеристика каждого из них:

Штаб — это орган управления войсками (силами), отвечающий за своевременную организацию боевых действий и повседневную жизнедеятельность войск (сил), твердое и непрерывное управление ими во всех условиях обстановки. Штабы всех уровней являются основными планирующими органами, которые совместно с заместителями командира, начальниками служб разрабатывают мероприятия, определенные командиром, отрабатывают планирующие документы, осуществляет контроль и помощь при планировании и выполнении мероприятий боевой подготовки в подчиненных частях и подразделениях.

Командование — это совокупность должностных лиц, возглавляющих воинское формирование (учреждение).

Управление — это структурное подразделение органа военного управления, образованное по функциональному принципу, осуществляющее руководство соответствующим направлением деятельности войск (сил). Ведущую роль в вопросах планирования операций и боевых действий играют оперативные управления и отделы штабов.

Департамент — структурное подразделение Минобороны России, осуществляющее обеспечивающие функции в определенной сфере деятельности (финансовое, материально-техническое, образовательное, жилищное и другие виды обеспечения)⁵.

Начальники всех вышеперечисленных структурных подразделений органов воен-

¹ Конев И.С. Сорок пятый. М.: Воениздат, 1970.

² Керсновский А.А. Философия войны. М.: Абрис, 2019.

³ Глухов Е.А. Специфика военного управления: правовой аспект // Военное право. 2020. № 2. С. 35—42.

⁴ Role and Functions of the Joint Chiefs of Staff. A Chronology. Joint Secretariat, Joint Chiefs of Staff. Washington, D.C., January 1987, pp. 23-24.

⁵ Загидулин Р.А., Корякин В.М. Кто и за что отвечает в Минобороны России? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 4. С. 2—6.

ного управления отвечают за соответствующий вид боевого, технического, тылового или иного вида обеспечения, за подготовку личного состава по своей специальности, обеспечение его имуществом по своему направлению, за состояние боевой и мобилизационной готовности подчиненных структур. Следовательно, они обладают функциями контроля в отношении даже прямо не подчиненных им структур по направлениям своей деятельности, в некоторых случаях могут давать обязательные для исполнения указания. Вместе с тем, дисциплинарной властью они обладают лишь в отношении подчиненных, к коим не относятся командиры нижестоящих соединений, воинских частей и подразделений¹.

Таким образом, к субъектам управляющей деятельности в военной среде можно отнести как воинских должностных лиц, так и специально созданные для оказания помощи командирам (начальникам) штатные или специально созданные единицы. К ним безоговорочно относят командования, штабы, управления, департаменты, отделы и службы, центры управления, командные пункты.

В заключение отметим, что для решения задач обороны государство должно создать оптимальную структуру военного ведомства и наделить его необходимыми ресурсами, в т.ч. властными, техническими, людскими. При этом согласно системному подходу и законам синергетики полученная структура должна обладать большим потенциалом, чем сумма потенциалов входящих в нее элементов. Сказанное означает, что при рациональном построении организационной структуры Вооруженных Сил и системы органов военного управления (прежде всего, в высшем звене) общий боевой потенциал военной организации будет значительно больше, чем простая сумма боевых потенциалов объединений, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил. И

по мере усложнении организации, по мере увеличения количества ее компонентов и уровней управления роль синергии будет возрастать.

Необходимо отметить важность и прямую зависимость строения организации от целей, которые она перед собой ставит. Организационно-штатная структура военной организации выступает в качестве несущей конструкции, каркаса боевой системы и отражает ее статическую составляющую. Нарушение установленных этой структурой отношений порядка, субординации, иерархии, приоритета, предпочтения между элементами боевой системы ведет к деградации системы. Вот почему наличие свойства организованности является необходимым условием существования самой боевой системы².

Организационная структура Вооруженных Сил должна быть гибкой и позволять осуществлять быстрый перевод их на военное положение, реализовывать в короткие сроки необходимую структурную модернизацию органов управления без значительных материальных и временных затрат. Это означает, что в иерархии подчиненности должны использоваться одни и те же понятия, принципы, алгоритмы и сопрягаемые технические средства обмена информацией. Кроме того, организационная структура объединений, соединений и частей видов Вооруженных Сил должна быть экономически целесообразной, т.е. иметь оптимальное количество личного состава и военной техники на каждую организационную единицу при одновременном обеспечении их максимальных боевых возможностей³.

Военной наукой уже давно сформулирован принцип сохранения целесообразной соотносительности всех элементов системы управления боевой системы. Данный принцип предусматривает, что любая си-

¹ Глухов Е.А. Воплощение принципа единоначалия в практику военного управления: дефекты и противоречия // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 11. С. 72—79.

² Современные проблемы управления силами ВМФ: теория и практика. Состояние и перспективы / И.В. Соловьев, В.В. Геков, С.М. Доценко и др.; под ред. В.И. Куроедова. СПб.: Политехника, 2015. С. 61.

³ Военная администрация : учебник для студентов (курсантов) / Глухов Е.А. и др.; под общ. ред. В.М. Корякина. М.: РАП, 2012.

стема управления, независимо от степени ее сложности и места в общей системе управления силами, представляет собой набор элементов, между которыми должны поддерживаться определенная пропорциональность и оптимальная соотносительность, обеспечивающие наибольшую эффективность работы как элементов системы, так и системы в целом, с учетом цели, стоящей перед системой¹. В противном случае могут возникнуть слабые и даже неработоспособные звенья, а также нарушения и задержки в работе системы. Механизм действия этого закона проявляется в норме управляемости, которая регламентирует максимально допустимое количество объектов управления, непосредственно замыкающихся на одно должностное лицо, один орган, одну систему управления. Он также применим при определении соотношения между *правами и обязанностями* должностных лиц (органов управления) и определении соотношения *методов их работы, количества времени, которым они располагают для ее выполнения*, а также при решении ряда других задач².

И, конечно же, организационная структура конкретного воинского формирования зависит от возлагаемых на него задач, методов их решения, от места в структуре Вооруженных Сил, от оснащенности вооружением и техникой, от применяемых ею форм и способов вооруженной борьбы, а также от применяемых средств управления и порядка взаимодействия с иными воинскими формированиями, а также гражданами и организациями. Важно отметить, что вместе с развитием технического прогресса, коррекции возлагаемых на органы военного управления функций и задач должна соответственно изменяться и структура органа военного управления. В этом ракурсе стремление к унификации типовых штатов воинских формирований в совокупности с длитель-

ной процедурой согласования различного рода изменений в указанные штаты вступают в противоречие с необходимостью изменения структуры военной организации, вследствие чего такого рода изменения происходят со значительным опозданием.

Библиография

1. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления : учебник / Г.В. Атаманчук. — М.: Омега-Л, 2010. — 525 с.
2. Вишняков, В.Г. Структура и штаты органов советского государственного управления / В.Г. Вишняков. — М.: Наука, 1972. — 275 с.
3. Вишняков, Н.П. Устройство Вооруженных Сил СССР / Н.П. Вишняков, Ф.И. Архипов. — Ленинград, 1924. — 289 с.
4. Военная администрация : учебник для студентов (курсантов) / Глухов Е.А. и др.; под общ. ред. В.М. Корякина. — М.: РАП, 2012. — 397 с.
5. Глухов, Е.А. Влияние критики и обсуждения приказа на результативность военного управления / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 12. — С. 94—103.
6. Глухов, Е.А. Воплощение принципа единоначалия в практику военного управления: дефекты и противоречия / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 11. — С. 72—79.
7. Глухов, Е.А. Положительные стороны современной Российской бюрократии / Е.А. Глухов // Lex russica (Русский закон). — 2019. — № 10. — С. 123—140.
8. Глухов, Е.А. Специфика военного управления: правовой аспект / Е.А. Глухов // Военное право. — 2020. — № 2. — С. 35—42.
9. Загидулин, Р.А. Кто и за что отвечает в Минобороны России? / Р.А. Загидулин, В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 4. — С. 2—6.
10. Землин, А.И. О генезисе и перспективах развития военной администрации / А.И. Землин // Вестник военного права. — 2016. — № 3. — С. 39—46.
11. Керсновский, А.А. Философия войны / А.А. Керсновский. — М.: Абрис, 2019. — 105 с.
12. Конев, И.С. Сорок пятый / И.С. Конев. — М.: Воениздат, 1970. — 288 с.
13. Корякин, В.М. Военно-административное право (военная администрация) : учебник / В.М. Корякин, А.В. Кудашкин, К.В. Фатеев. — М.: За права военнослужащих. 2008. — 496 с.
14. Попов, Л.Л. Административное право Российской Федерации : учебник / Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев. — М., 2019. — 456 с.
15. Современные проблемы управления силами ВМФ: теория и практика. Состояние и перспективы / под ред. В.И. Куроедова. — СПб.:

¹ Землин А.И. О генезисе и перспективах развития военной администрации // Вестник военного права. 2016. № 3. С. 39—46.

² Современные проблемы управления силами ВМФ: Теория и практика. Состояние и перспективы.

Политехника, 2015. — 434 с.

16. Шапошников, Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды / Б.М. Шапошников. — М.: Воениздат, 1982. — 558 с.

17. Яковлев, Г.С. Аппарат управления:

принципы и организация / Г.С. Яковлев. — М., 1974. — 231 с.

18. Role and Functions of the Joint Chiefs of Staff. A Chronology. Joint Secretariat, Joint Chiefs of Staff. Washington, D.C., January 1987, pp. 23-24.

Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих

О некоторых проблемных вопросах правового регулирования медицинского обеспечения военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии Российской Федерации и способах его совершенствования

© **Бабайцева Евгения Сергеевна**,
адъюнкт 25 кафедры ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского»
Минобороны России

Аннотация. Медицинское обеспечение военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, а также лиц, имеющих спеющих специальное звание полиции и проходящих службу в указанном ведомстве, регламентируется законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, приказами Росгвардии. Из этого следует, что вопросы правового регулирования медицинского обеспечения играют важную роль в процессе медицинского обеспечения. При этом правовое регулирование оказания данного вида услуг, как и других сфер, зачастую требует своего совершенствования и в силу возникновения различных проблем. В настоящей статье будут рассмотрены некоторые из таких проблемных вопросов и способы их разрешения.

Ключевые слова: военная служба, сотрудники Росгвардии, служба, медицинское обеспечение военнослужащих, правовое регулирование

About some problematic issues of legal regulation of medical support for military personnel (employees) of the National Guard troops of the Russian Federation and ways to improve it

© **Babaytseva E.S.**,
is a graduate student of the Military University

Abstract. Medical support of servicemen of the National Guard troops of the Russian Federation, as well as persons with a special police rank and serving in the specified department, is regulated by legislative and other regulatory legal acts of the Russian Federation, orders of the Rosgvardiya. It follows from this that the issues of legal regulation of medical care play an important role in the process of medical care. At the same time, the legal regulation of the provision of this type of services, as well as other areas, often requires improvement due to various problems. This article will discuss some of these problematic issues and ways to resolve them.

Keywords: military service, employees of the national guard troops, service, medical support of military personnel, legal regulation.

Медицинское обеспечение военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов играет важную роль в системе обеспечения боеспособности войск (подразделений). Важное значение в данном направлении играет надлежащая организация правового обеспечения деятельности военно-медицинских учреждений. Указанная тема рассматривалась многими учены-

ми в области военного права, но актуальность ее не снижается¹.

¹ См. напр.: Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 8 (301). С. 28—32; Холиков И.В., Вовкодав В.С. Перспективы совершенствования правовой регламентации врачебно-летней экспертизы в

Следует отметить, что система правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации, как и другие направления деятельности Росгвардии, требует своего совершенствования.

Элементы правовых норм о медицинском обеспечении заложены в нормативных правовых актах, поскольку здоровье во всех аспектах его социального бытия является одной из ценностей, характеризующих качество жизни любого индивидуального субъекта. Поэтому не случайно, что на уровне конституционных норм в ст. 41 Конституции Российской Федерации закреплены положения о том, что каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно. В стране также финансируются программы охраны и укрепления здоровья, принимаются меры по развитию системы здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека¹.

Теоретические обобщения и анализ научной литературы и нормативных правовых актов по вопросам медицинского обеспечения военнослужащих и сотрудников, проведенные ранее, вскрытые проблемные вопросы исполнения законодательства в области медицинского обеспечения войск национальной гвардии, позволяют говорить о необходимости совершенствования правового регулирования такого. Решение этой задачи предполагает движение по нескольким, согласованным между собой направлениям, включающим научные, правовые, организационные и эмпирические аспекты. Коротко укажем на содержание выделенных аспектов.

государственной авиации // Военное право. 2022. № 2 (72). С. 154—158; Большакова В.М., Холиков И.В., Наумов П.Ю. Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2022. Т. 14. № 1. С. 103—127.

¹Новиков Н.С., Наумов П.Ю., Утюганов А.А., Новиков Н.С. Физическое и психическое здоровье военнослужащих как социально-правовая ценность // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3. С. 450—458.

Научный аспект совершенствования правового регулирования медицинского обеспечения военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии заключается в необходимости проведения соответствующих научных исследований в области права, медицины и междисциплинарных знаний для выработки научного обоснования принятия, отмены, согласования или изменения норм права в области медицинского обеспечения. Правовой аспект совершенствования правового регулирования медицинского обеспечения военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии заключается в планировании, разработке и принятию законодательных актов различного уровня, направленных на оптимизацию деятельности в указанной сфере.

Организационный аспект совершенствования правового регулирования медицинского обеспечения военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии предполагает планирование и осуществление мероприятий, связанных с проведением научных исследований в рассматриваемой области и разработкой проектов нормативных правовых актов по изменению законодательства.

Эмпирический аспект совершенствования правового регулирования медицинского обеспечения военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии связан с проведением диагностических мероприятий в области экспериментального сбора социологических и психологических сведений о восприятии правовых норм, их понимании и внутреннем принятии, а также того, какие нормы необходимо отменить, изменить или принять.

Для обоснования путей совершенствования правового регулирования медицинского обеспечения военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии Российской Федерации необходимо рассмотреть, что по этому поводу говорится в научных работах и предлагается другими авторами в соответствующей литературе.

Так, например, Е.С. Брылякова отмечает, что в отношении высокотехнологичной медицинской помощи представляется целесообразным разработка и внедрение

административного регламента по предоставлению отдельной государственной услуги — оказание высокотехнологичной медицинской помощи, не включенной в базовую программу обязательного медицинского страхования, с конкретизацией понятийного аппарата, субъектного состава, правового механизма реализации данного вида услуги и ответственности за неоказание или ненадлежащее оказание данной услуги¹.

В комплексе мер по реформированию медицинской службы Вооруженных Сил Российской Федерации совершенствование системы управления является одной из важнейших задач, от решения которой зависят боевая готовность и эффективность применения сил и средств медицинской службы в военное время. Объективно оценивая экономические возможности государства, целесообразно выстроить приоритетную техническую политику в области обеспечения медицинской службы средствами связи, автоматизации и передачи данных. Только с учетом планомерной реализации вышеперечисленных рекомендаций в перспективе может быть достигнута высокая эффективность управления силами и средствами медицинской службы при планировании и проведении мероприятий медицинского обеспечения группировок войск (сил) в условиях современных военных конфликтов².

М.Е. Потокова указывает на проблему интеграции ведомственных медицинских учреждений в общероссийскую систему здравоохранения. Это связано с тем, что медицинское обеспечение сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации является важнейшей социальной гарантией, которая регламентирована Конституцией Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами. Со-

трудники органов внутренних дел не обслуживаются в федеральных медицинских учреждениях, не относящихся к ведомству. Подобный подход нормативного правового регулирования предоставления медицинской помощи приводит к проблеме интеграции ведомственной медицины в общероссийскую систему здравоохранения³.

Отмечается, что в реализации женщинами-военнослужащими права на отпуск по беременности и родам, по уходу за ребенком, а также права на охрану здоровья выявлен ряд трудностей, заключающихся в том, что женщины-военнослужащие имеют право на предоставление отпуска по беременности и родам, но порядок документального оформления врачами-специалистами этого отпуска в законодательстве Российской Федерации четко не оговорен. В настоящее время медицинская служба Министерства обороны не имеет достаточных условий для оказания квалифицированной медицинской помощи беременным женщинам в соответствии с утвержденными Министерством здравоохранения стандартами (порядками). Беременных женщин в основном направляют в государственные (муниципальные) медицинские организации по месту жительства. Вместе с тем наличие в воинской части (учреждении) женщин-военнослужащих требует проведения предварительной работы по заключению договора на медицинское обслуживание их в медицинских организациях на время беременности и родов по месту дислокации. Иначе сроки заключения данного договора не позволят женщине своевременно и в полном объеме получить качественную медицинскую помощь. Несомненно, помимо медицинского обеспечения, контингент женщин-военнослужащих нуждается не только в медицинской, но и в медико-социальной помощи и защите, что заслуживает отдельного освещения⁴.

¹ Брылякова Е.С. Отдельные правовые аспекты медицинского обеспечения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. 2021. № 4 (49). С. 163—176.

² Жидик В.В., Меараго Ш.Л., Агапитов А.А. [и др.] Основы развития перспективной системы управления медицинской службой Вооруженных сил Российской Федерации // Вестник Российской Военно-медицинской академии. 2017. № 3 (59). С. 156—159.

³ Потокова М.Е. Особенности оказания медицинской помощи сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 222—224.

⁴ Нахабина М.Н., Согияйнен А.А., Чичерин Л.П. Правовые аспекты оказания медицинской помощи женщинам-военнослужащим в условиях

При возникновении чрезвычайных ситуаций на территории с населением, лояльно расположенным к центру и федеральным силовым ведомствам, а также с сохраненной инфраструктурой здравоохранения, квалифицированную и специализированную медицинскую помощь целесообразно организовывать на базе лечебных учреждений Министерства здравоохранения, усилив их специализированными бригадами врачей из госпиталей и больниц МВД России. В районах чрезвычайных ситуаций с разрушенной инфраструктурой гражданского здравоохранения лечебно-эвакуационная система базируется на тесном взаимодействии медицинских служб силовых ведомств и в первую очередь Министерства обороны. Резко учатившееся применение мобильных сил МВД России в вооруженных конфликтах определило необходимость создания эффективной, отвечающей современным требованиям лечебно-эвакуационной системы. Медицинская служба органов внутренних дел и внутренних войск МВД России (предшественник Росгвардии) обладает достаточными силами и средствами для самостоятельного обеспечения всех видов медицинской помощи пострадавшим военнослужащим внутренних войск и сотрудникам органов внутренних дел. Наряду с этим опыт предшествующих чрезвычайных ситуаций убедительно доказал необходимость тесного взаимодействия медицинских структур всех задействованных ведомств¹.

По результатам проведенного анализа существующей системы оказания медицинских услуг в военных поликлиниках были установлены основные «болезненные точки»: условия оказания первичной медико-санитарной помощи не отвечают современным требованиям, предъявляемым к медицинским организациям, оказывающим первичную медико-санитарную

помощь; отсутствие единой медицинской информационной системы; отсутствие единого набора врачей-специалистов, позволяющего выполнить социальные обязательства, установленные законодательством в привязке к контингентам Минобороны России; отсутствие единого перечня медицинского имущества для оснащения функциональных подразделений; несовершенство маршрутизации пациентов; слабая материально-техническая база. Внедрение «Стандарта военной поликлиники» в практику деятельности военных поликлиник Минобороны России, может быть использовано как инструмент планирования деятельности военно-медицинских организаций и органов военного управления. Кроме того, Стандарт позволит оценить результаты оказания медицинской помощи (качество медицинской помощи, финансово-экономические показатели и др.), что послужит основой для разработки планов реализации структурных преобразований первичного звена военного здравоохранения².

Система информационно-статистического обеспечения медицинской службы Вооруженных сил Российской Федерации обеспечивает органы управления военно-медицинской службы информацией о состоянии здоровья военнослужащих и деятельности подразделений, частей и медицинских организаций. С внедрением в деятельность медицинской службы средств компьютерной техники, автоматизации лечебно-диагностического процесса и медицинских информационных систем важную роль в информационно-статистическом обеспечении стал играть электронный учет сведений о здоровье военнослужащих, который служит основой дальнейшего статистического анализа и составления отчетных документов. Электронный учет здоровья военнослужащих имеет свои особенности, обусловленные: специфическими учетными признаками (группы состояния здоровья, категория годности к военной

обязательного медицинского страхования // Общественное здоровье и здравоохранение. 2017. № 1 (53). С. 48—52.

¹ Морозов Д.В., Войновский Е.А. Опыт взаимодействия медицинских служб МВД и вооруженных сил России в локальных вооруженных конфликтах // Медицинский вестник МВД. 2009. № 5 (42). С. 2—11.

² Половинка В.С., Хан Н.В., Логвинов Д.Ю., Приходько А.Н. Стандартизация оказания медицинских услуг в первичном звене военного здравоохранения // Известия Российской военно-медицинской академии. 2020. Т. 39. № 54. С. 6—7.

службе и др.), особенностями медицинского контроля и мероприятий медицинской службы (учет проведения различных видов медицинских осмотров, углубленного медицинского обследования и др.), необходимостью формирования документов, характеризующих прохождение военной службы (медицинское освидетельствование, военно-врачебная комиссия и др.), использованием индивидуальных носителей информации о здоровье. Особенности электронного учета здоровья военнослужащих необходимо учитывать при разработке медицинских информационных систем в системе охраны здоровья военнослужащих, а также взаимодействующих с ней информационных систем в области интеграции сведений о здоровье граждан России на региональном и федеральном уровне, медицинского страхования, медицинских регистров и других систем¹.

Таким образом, комплексное изучение научной, правовой и справочной литературы показало, что основными путями совершенствования правового регулирования медицинского обеспечения военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии Российской Федерации являются: 1) вертикальный путь: а) предложения по уточнению норм федерального законодательства (федеральных законов); б) предложения по изменению норм правовых актов Правительства Российской Федерации; в) предложения по принятию новых и отмене устаревших или коллизионных норм ведомственного правового регулирования; 2) горизонтальный путь — согласование требований нормативных правовых актов в области медицинского обеспечения военнослужащих (сотрудников) между собой; 3) комплексный путь — связан с повышением эффективности исполнения правовых норм в области медицинского обеспечения военнослужащих (сотрудников).

Теперь следует остановиться на тех конкретных предложениях, реализация которых позволит устранить пробелы и про-

тиворечия в законодательстве в области медицинского обеспечения военнослужащих (сотрудников).

Так, в силу п. 7 ч. 2 ст. 49 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» грубым нарушением служебной дисциплины сотрудником органов внутренних дел является, в том числе, отказ или уклонение сотрудника от прохождения медицинского освидетельствования (обследования) в случаях, если обязательность его прохождения установлена законодательством Российской Федерации.

Согласно п. 7 ч. 2 ст. 47 Федерального закона от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» грубым нарушением служебной дисциплины сотрудником является отказ или уклонение сотрудника от прохождения медицинского освидетельствования в случаях, если обязательность его прохождения установлена законодательством Российской Федерации.

В соответствии с п. 7 ч. 2 ст. 49 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» грубым нарушением служебной дисциплины сотрудником является отказ или уклонение сотрудника от прохождения медицинского освидетельствования в случаях, если обязательность его прохождения установлена законодательством Российской Федерации.

Пунктом 6 ч. 2 ст. 48 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлено, что грубым нарушением служебной дисциплины сотрудником федеральной противопожарной службы является отказ или уклонение сотрудника

¹ Борисов Д.Н., Карайланов М.В. Особенности электронного учета здоровья военнослужащих // Цифровое здравоохранение : труды XIX Международного конгресса. Москва, 11—12 октября 2018 г. М.: ООО «Консэф», 2018. С. 11—14.

от прохождения медицинского освидетельствования (обследования) в случаях, если обязательность его прохождения установлена законодательством Российской Федерации.

При этом в отношении военнослужащих подобной обязанности не установлено. В соответствии с ч. 2 ст. 28.5 Федерального закона от 27 мая 1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» грубым дисциплинарным проступком является лишь отказ военнослужащего от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (и исполнение обязанностей военной службы в состоянии опьянения). Подобные по своему характеру грубые нарушения установлены и для других федеральных государственных служащих.

Однако, поскольку в соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (статьи 5, 5.1, 8, 29, 32, 33, 51) военнослужащий обязан соответствовать требованиям, предъявляемым к военнослужащим, в том числе по состоянию здоровья, то и необоснованное уклонение от медицинского освидетельствования для определения категории годности к военной службе может образовывать состав дисциплинарного проступка, что требует его нормативного закрепления в качестве грубого (по примеру других федеральных государственных служащих).

В силу требований ч. 2 ст. 16 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащие, имеющие признаки психического расстройства, направляются на психиатрическое обследование и психиатрическое освидетельствование в амбулаторных условиях или стационарных условиях в соответствии с Законом Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» с последующим медицинским освидетельствованием военно-врачебной комиссией для определения категории годности к военной службе (годности к службе по военно-учетной специальности, специальности в соответствии с занимаемой должностью).

Согласно предписаний ст. 15 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» основания и порядок психиатрического обследования в амбулаторных и стационарных условиях при решении вопроса о годности гражданина по состоянию его психического здоровья к службе в качестве военнослужащего Вооруженных Сил Российской Федерации, войск и органов безопасности, войск национальной гвардии Российской Федерации и других воинских формирований, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, Государственной противопожарной службы, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, войск национальной гвардии Российской Федерации определяются указанным Законом и законодательством Российской Федерации о военной службе.

Полагаем обоснованным то, что освидетельствование военно-врачебной комиссией для определения категории годности к военной службе (годности к службе по военно-учетной специальности, специальности в соответствии с занимаемой должностью) в отношении лиц из числа военнослужащих (сотрудников), страдающих психическими расстройствами, следует определить обязательным. Это связано с тем, что лицам, страдающим психическими расстройствами, запрещено владеть и использовать оружие и боевую технику.

В связи с изданием приказа МВД России от 2 апреля 2018 г. № 190 был отменен приказ МВД России от 14 июля 2010 г. № 523 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения военно-врачебной экспертизы и медицинского освидетельствования в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации», который распространял свое действие на военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии и функционирующие в войсках национальной гвардии военно-врачебные комиссии. При этом были признаны утратившими силу и нормы о сроке действия направления на медицинское освидетельствование (три

месяца, п. 107 Инструкции) и сроках медицинского освидетельствования в связи с предстоящим увольнением (три недели, п. 213 Инструкции). В настоящее время указанные сроки в войсках национальной гвардии не определены, что создает предпосылки к необоснованному сокращению или затягиванию сроков представления на медицинское освидетельствование военно-врачебной комиссией. Исходя из изложенного, требуется внесение изменений в нормы, регулирующие осуществление в военно-врачебной экспертизе в войсках национальной гвардии с целью определения сроков проведения военно-врачебной экспертизы в отношении военнослужащих и сотрудников.

Как уже было указано, статьей 28 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» установлено, что военнослужащие и сотрудники войск национальной гвардии имеют право на получение медицинской помощи в медицинских организациях Росгвардии или МВД России.

Вместе с тем, остаются неурегулированными вопросы, связанные с нормативным правовым регулированием порядка обмена информацией в электронном виде между медицинскими организациями МВД России и Росгвардии в части оказания медицинской помощи военнослужащим (сотрудникам) и членам семей. Существующий в настоящее время рабочий порядок обмена оригиналами (и их копиями) медицинских документов существенно усложняет процедуру и требует дополнительных временных затрат. Также требует уточнения порядок и правила маршрутизации при госпитализации пациентов из числа военнослужащих и сотрудников в медицинские организации государственной и муниципальной систем здравоохранения.

Одним из важнейших мероприятий медицинского обеспечения, направленном на охрану здоровья военнослужащих и сотрудников, является право на прохождение ими военно-врачебной экспертизы. Следует отметить, что правовое регулирование данного элемента также не лишено проблемных вопросов.

В соответствии со ст. 25 Закона об основах охраны здоровья военнослужащие и лица, приравненные по медицинскому обеспечению к военнослужащим, имеют право на прохождение военно-врачебной экспертизы для определения годности к военной службе или приравненной к ней службе и для досрочного увольнения с военной службы или приравненной к ней службы на основании заключения военно-врачебной комиссии.

Согласно ст. 28 Федерального закона от 3 июля 2021 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» сотрудники и военнослужащие Росгвардии имеют право на прохождение военно-врачебной экспертизы в медицинских организациях Росгвардии либо МВД России в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565 утверждено Положение о военно-врачебной экспертизе (далее — Положение о ВВЭ), в котором определены основные направления деятельности военно-врачебных комиссий, созданных в целях определения годности к военной службе, годности к службе, приравненной к военной службе, обучению (военной службе) по конкретным военно-учетным специальностям, обучению (службе) по специальностям в соответствии с занимаемой должностью, установления причинной связи увечий (ранений, травм, контузий), заболеваний у военнослужащих и приравненных к ним лиц, граждан, призванных на военные сборы, граждан, уволенных с военной службы, приравненной службы и военных сборов, с прохождением ими военной и приравненной службы, решения других вопросов, предусмотренных законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В Росгвардии созданы и функционируют следующие военно-врачебные комиссии: Центр военно-врачебной экспертизы войск национальной гвардии Российской Федерации; военно-врачебная комиссия Главного военного клинического госпиталя Росгвардии; военно-врачебные комиссии военных госпиталей Росгвардии.

Состав медицинских специалистов военно-врачебных комиссий в Росгвардии определен приказом Росгвардии от 21 декабря 2020 г. № 502 «Об определении состава военно-врачебных комиссий, осуществляющих освидетельствование военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации и граждан, проходящих военные сборы в войсках национальной гвардии Российской Федерации, в целях, указанных в абзаце втором пункта 51 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565».

При всем охвате нормативного регулирования деятельности военно-врачебных комиссий, существуют определенные проблемные вопросы при осуществлении военно-врачебной экспертизы военнослужащих и сотрудников Росгвардии.

1. В Росгвардии отсутствует вышестоящая военно-врачебная комиссия, что ущемляет право военнослужащих и сотрудников на обжалование заключений госпитальных военно-врачебных комиссий в соответствии с п. 8 Положения о ВВЭ.

2. В соответствии с п. 2 Положения о ВВЭ порядок создания военно-врачебных комиссий (врачебно-летних комиссий) в Вооруженных Силах, других войсках, воинских формированиях, органах и учреждениях определяется соответствующими федеральными органами исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба (приравненная служба). При этом в Росгвардии указанный порядок в настоящее время не определен.

3. В соответствии с п. 104 Положения о ВВЭ руководители федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба (приравненная служба), организуют обследование и освидетельствование членов семей военнослужащих и членов семей сотрудников в целях определения возможности их проживания по состоянию здоровья в местностях, куда военнослужащие (сотрудники) переводятся для прохождения военной службы (приравненной

службы) или где они проходят военную службу (приравненную службу), а также в иностранных государствах, в том числе в иностранных государствах с неблагоприятным жарким климатом, куда военнослужащие (сотрудники) направляются в длительную (свыше 3 месяцев) командировку (далее — отдельные местности). В Росгвардии не издан правовой или организационно-распорядительный акт, регламентирующий данный вопрос.

4. В соответствии с п. 5 Положения о ВВЭ формы документации (кроме унифицированных форм медицинской документации), необходимые для деятельности военно-врачебных комиссий (врачебно-летних комиссий), правила их заполнения, а также порядок оформления заключений военно-врачебных комиссий (врачебно-летних комиссий) определяются соответствующими федеральными органами исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба (приравненная служба).

Формы документации (кроме унифицированных форм медицинской документации), необходимые для деятельности военно-врачебных комиссий (врачебно-летних комиссий) утверждены приказом Росгвардии от 20 мая 2019 г. № 166. При этом порядок оформления заключений военно-врачебных комиссий (врачебно-летних комиссий) в Росгвардии в настоящее время не утвержден.

Важно обратить внимание и на другие проблемные вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии.

Например, отсутствует нормативное регулирование, планы и порядок маршрутизации больных военнослужащих и сотрудников между организациями здравоохранения Минздрава, МВД России и Росгвардии в мирное и военное время (особенно остро этот вопрос будет стоять в военное время, когда военные госпитали могут быть переполнены, а также в период пандемии) хотя для застрахованных по обязательному медицинскому страхованию лиц, такие порядки имеются.

К сожалению, в настоящей статье рассмотрен не исчерпывающий перечень проблемных вопросов, так как ограниченные объемы работы не позволяют это сделать.

Библиография

1. Большакова, В.М. Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации / В.М. Большакова, И.В. Холиков, П.Ю. Наумов // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. — 2022. — Т. 14. — № 1. — С. 103—127.
2. Борисов, Д.Н. Особенности электронного учета здоровья военнослужащих / Д.Н. Борисов, М.В. Карайланов // *Цифровое здравоохранение: труды XIX Международного конгресса*. Москва, 11—12 октября 2018 г. — М.: ООО «Консэф», 2018. — С. 11—14.
3. Брылякова, Е.С. Отдельные правовые аспекты медицинского обеспечения сотрудников уголовно-исполнительной системы / Е.С. Брылякова // *Вестник Кузбасского института*. — 2021. — № 4 (49). — С. 163—176.
4. Жидик, В.В. Основы развития перспективной системы управления медицинской службой Вооруженных сил Российской Федерации / В.В. Жидик, Ш.Л. Меараго, А.А. Агапитов [и др.] // *Вестник Российской Военно-медицинской академии*. — 2017. — № 3 (59). — С. 156—159.
5. Корякин, В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции / В.М. Корякин // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2022. — № 8 (301). — С. 28—32.
6. Морозов, Д.В. Опыт взаимодействия медицинских служб МВД и вооруженных сил России в локальных вооруженных конфликтах / Д.В. Морозов, Е.А. Войновский // *Медицинский вестник МВД*. — 2009. — № 5 (42). — С. 2—11.
7. Нахабина, М.Н. Правовые аспекты оказания медицинской помощи женщинам-военнослужащим в условиях обязательного медицинского страхования / М.Н. Нахабина, А.А. Согияйнен, Л.П. Чичерин // *Общественное здоровье и здравоохранение*. — 2017. — № 1 (53). — С. 48—52.
8. Новиков, Н.С. Физическое и психическое здоровье военнослужащих как социально-правовая ценность / Н.С. Новиков, П.Ю. Наумов, А.А. Утюганов // *Актуальные проблемы государства и права*. — 2022. — Т. 6. — № 3. — С. 450—458. — DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-3-450-458.
9. Половинка, В.С. Стандартизация оказания медицинских услуг в первичном звене военного здравоохранения / В.С. Половинка, Н.В. Хан, Д.Ю. Логвинов, А.Н. Приходько // *Известия Российской военно-медицинской академии*. — 2020. — Т. 39. — № 54. — С. 6—7.
10. Потокова, М.Е. Особенности оказания медицинской помощи сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации / М.Е. Потокова // *Вестник экономической безопасности*. — 2020. — № 6. — С. 222—224.
11. Холиков, И.В. Перспективы совершенствования правовой регламентации врачебно-летней экспертизы в государственной авиации / И.В. Холиков, В.С. Вовкодав // *Военное право*. — 2022. — № 2 (72). — С. 154—158.

Неурегулирование конфликта интересов как основание для увольнения с военной службы (иных видов государственной службы)

© Вотченко Ирина Артуровна,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения Академии Государственной противопожарной службы МЧС России

Аннотация. Военная служба, а также служба в правоохранительных органах Российской Федерации представляет собой вид федеральной государственной службы. Проходя такой вид службы, граждане принимают обязательство по соблюдению законодательных и иных нормативных правовых актов, в том числе в области противодействия коррупции. Нарушения законодательства о противодействии коррупции, как правило, могут повлечь за собой увольнение со службы. Одним из таких коррупционных нарушений, являющихся основанием для увольнения с военной службы (службы), может быть неурегулирование военным служащим (иным государственным служащим) возникшего конфликта интересов.

Ключевые слова: увольнение с военной службы, увольнение с государственной службы, противодействие коррупции, конфликт интересов.

Non-settlement of a conflict of interest as a basis for dismissal from service

© Votchenko I.A.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Personnel, Legal and Psychological Support, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Abstract. Military service, as well as service in law enforcement agencies of the Russian Federation, is a type of federal public service. Passing through this type of service, citizens undertake to comply with legislative and other regulatory legal acts, including in the field of combating corruption. Violations of anti-corruption legislation can usually lead to dismissal from the service. One of such corruption violations, which are grounds for dismissal from military service (service), may be the non-regulation by a serviceman (other civil servant) of the conflict of interests that has arisen.

Keywords: dismissal from military service, dismissal from public service, anti-corruption, conflict of interests.

Одним из широко рассматриваемых в научной литературе является вопрос, связанный с противодействием коррупции в Российской Федерации как в России в целом, так и в военной организации государства¹. Вместе с тем актуальность этой те-

¹ См. напр.: Вотченко И.А., Шишкин И.Н. Происхождение и природа конфликта интересов как предкриминальная предпосылка // Образование и право. 2021. № 11. С. 243—249; Изотов Д.М.,

Харитонов С.С. О некоторых вопросах применения военными судами законодательства о наложении ареста на имущество виновных при совершении ими коррупционных преступлений // Военно-юридический журнал. 2021. № 5. С. 8—12; Кириченко Н.С. Вправе ли военнослужащий сдавать в аренду жилое помещение? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11 (304). С. 103—109; Корякин В.М. Внедрение цифровых технологий в деятельность по профилактике коррупционных

мы, по нашему мнению, не снижается.

В соответствии с Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» государственная служба Российской Федерации — это профессиональная служебная деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий, в том числе, федеральных органов государственной власти и иных федеральных государственных органов (ст. 1). Кроме того, указано, что система государственной службы включает в себя государственную гражданскую службу, военную службу и государственную службу иных видов (п. 1 ст. 2). Военная служба и государственная служба иных видов, которые устанавливаются федеральными законами, являются видами федеральной государственной службы (п. 3 ст. 2).

К иным видам федеральной государственной службы относится прохождение службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации лицами, имеющими специальные звания полиции, служба в органах внутренних дел, в федеральной противопожарной службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, в таможенных и иных государственных органах.

Статьей 27.1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» предусмотрено, что на военнослужащего, если иное не предусмотрено федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Схожие нормы законодательства действуют в отношении сотрудников органов внутренних дел¹, федеральной про-

тивопожарной службы² и иных правоохранительных органов.

Согласно ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

За нарушения положений законодательства в сфере противодействия коррупции федеральные государственные служащие (в том числе военнослужащие) могут быть уволены со службы.

Так, например, согласно ст. 51 Федерального закона от 28 мая 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий подлежит увольнению с военной службы в связи с утратой доверия к военнослужащему со стороны должностного лица, имеющего право принимать решение о его увольнении, в случае непринятия военнослужащим мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является (абз. второй подп. «д.1» п. 1). Кроме того, военнослужащий также подлежит увольнению с военной службы в связи с утратой доверия к военнослужащему, являющемуся командиром (начальником), со стороны должностного лица, имеющего право принимать решение о его увольнении, в случае непринятия военнослужащим, являющим-

правонарушений // Вестник Юридического института МИИТ. 2022. № 2 (38). С. 14—24; Кудашкин А.В., Козлов Т.Л. Еще раз о правовом понятии коррупции // Современное право. 2010. № 6. С. 3—8.

¹ Ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в

отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² Ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

ся командиром (начальником), которому стало известно о возникновении у подчиненного ему военнослужащего личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов (подп. «д.2» п. 1).

Статьей 10 Федерального закона «О противодействии коррупции» предусмотрено, что под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий). Под личной заинтересованностью понимается возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) должностным лицом, и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, с которыми должностное лицо, и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями. Обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов возлагается, в том числе, на государственных служащих.

Из этого следует, что условно можно выделить следующую классификацию конфликтов интересов:

- 1) реальный — если ситуация уже возникла и ее требуется устранить;
- 2) потенциальный — если ситуация может возникнуть и требуется ее предупредить;
- 3) мнимый — если ситуация не возникла, но в общественном мнении поведе-

ние должностного лица оценивается как получение личной выгоды.

Под указанные определения конфликта интересов попадает множество конкретных ситуаций, в которых государственный служащий может оказаться в процессе исполнения должностных обязанностей. Учитывая разнообразие частных интересов военнослужащих, составить исчерпывающий перечень таких ситуаций не представляется возможным. Тем не менее, можно выделить ряд ключевых областей регулирования, в которых возникновение конфликта интересов является наиболее вероятным:

- выполнение отдельных функций государственного и военного управления в отношении родственников и (или) иных лиц, с которыми связана личная заинтересованность государственного служащего;
- выполнение иной оплачиваемой работы;
- владение ценными бумагами, банковскими вкладами;
- получение подарков и услуг;
- имущественные обязательства и судебные разбирательства;
- взаимодействие с бывшим работодателем и трудоустройство после увольнения с военной службы;
- явное нарушение установленных запретов (например, использование служебной информации в личных корыстных целях, получение наград, почетных и специальных званий (за исключением научных) от иностранных государств и др.).

Исходя из положений ст. 11 Федерального закона «О противодействии коррупции», должностное лицо обязано принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов. Оно обязано уведомить в порядке, определенном работодателем, о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения, как только ему станет об этом известно. При этом работодатель, если ему стало известно о возникновении у должностного лица личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, обязан принять меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов.

Предотвращение или урегулирование конфликта интересов может состоять в изменении должностного или служебного положения военнослужащего, являющегося стороной конфликта интересов, вплоть до его отстранения от исполнения должностных (служебных) обязанностей в установленном порядке и (или) в отказе его от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта интересов. Также, предотвращение и урегулирование конфликта интересов военнослужащим осуществляются путем отвода или самоотвода указанного лица в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Непринятие должностным лицом мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов является правонарушением, влекущим увольнение указанного лица в соответствии с законодательством Российской Федерации¹. В случае, если должностное лицо владеет ценными бумагами (долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах организаций), оно обязано в целях предотвращения конфликта интересов передать принадлежащие ему ценные бумаги (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством.

Следует отметить, что нарушения коррупционного характера (в том числе в виде неурегулирования конфликта интересов) могут быть допущены военнослужащим (иным государственным служащим) в том числе в период временного исполнения им должностных обязанностей при отсутствии обязанности по предоставлению сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. Данная правовая позиция закреплена в апелляционном определении Тихоокеанского флотского военного суда от 2 июня 2021 г. № 33а-191/2021 по апелляционной жалобе административного истца Бойко на решение Владивостокского гарнизонного военного суда от 5 февраля 2021 г. по ад-

¹ Корякин В.М. Увольнение с военной службы в связи с утратой доверия: постановка проблемы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 10. С. 12—15.

министративному делу об оспаривании действий командиров воинских частей и аттестационной комиссии воинской части, связанных с увольнением административного истца с военной службы за совершенное коррупционное правонарушение².

По делу установлено, что Бойко проходил военную службу по контракту в войсковой части N. Приказами командира войсковой части N от 20 октября 2017 г. N и от 17 декабря 2019 г. N Бойко был назначен ответственным за внесение сведений по войсковой части N в ПИРО «Алушта»³. При этом на него были возложены обязанности осуществления подготовки проектов приказов по строевой части и введения сведений по ним в ПИРО «Алушта».

Исполняя возложенные обязанности, Бойко в период 2019—2020 годов неоднократно вносил в подготавливаемые проекты приказов заведомо ложные сведения о несении им и его сослуживцем боевых дежурств, на которые в действительности не заступали, и установлении в связи с этим денежных выплат, после чего согласовывал их с командованием и финансовым органом. В результате данных действий административного истца ему и его сослуживцу были незаконно выплачены надбавка за особые условия службы (несение боевых дежурств) и компенсация вместо предоставления дополнительных суток отдыха на общую сумму более 77 000 руб.

За указанное правонарушение Бойко был уволен с военной службы в связи с утратой доверия. Владивостокский гарнизонный военный суд решением от 5 февраля 2021 г. отказал Бойко в удовлетворении иска о признании незаконным приказа о его увольнении с военной службы.

В апелляционной жалобе административный истец обращает внимание, что допущенное им правонарушение было связа-

² Определением Кассационного военного суда от 5 октября 2021 г. № 88а-1889/2021 данное определение оставлено без изменения. <http://www.consultant.ru> (дата обращения 15.12.2022).

³ Программное изделие ресурсного обеспечения «Алушта» — автоматизированная система начисления денежного довольствия военнослужащим.

но с исполнением дополнительно возложенных на него командованием обязанностей по подготовке проектов приказов, то есть не относящихся к непосредственно занимаемой им воинской должности. В связи с этим автор жалобы полагает, что его действия не могли расцениваться как коррупционные, поскольку не входили в его должностные полномочия, подтверждением чего, по мнению Бойко, является исключение по итогам рассмотрения в отношении него уголовного дела квалифицирующего признака совершения преступления с использованием служебного положения.

Кроме того, автор жалобы отмечает, что обязанность принятия мер по предотвращению конфликта интересов предусмотрена лишь при исполнении лицом обязанностей по занимаемой воинской должности. При этом судом не учтено, что воинская должность истца не входит в перечень должностей, при замещении которых требуется предоставление сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера.

Апелляционная инстанция по результатам рассмотрения апелляционной жалобы Бойко пришла к следующим выводам.

Учитывая установленные по делу обстоятельства и нормативные положения, действия Б., злоупотребившего наделенными его командованием полномочиями лица, ответственного за внесение сведений в ПИРО «Алушта», в целях получения выгоды для себя и третьего лица, объективно являются коррупционными. Непринятие Б. в данном случае мер по предотвращению конфликта интересов, имевшего место при осуществлении предоставленных в установленном порядке полномочий, хоть и не связанных с занимаемой им воинской должностью, не может являться препятствием для его увольнения, так как фактически дискредитирует военнослужащего перед командованием в целом.

Само по себе отсутствие воинской должности административного истца в пе-

речне должностей, при замещении которых требуется предоставление сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, на что указывается в жалобе, какого-либо значения не имеет, так как Бойко нарушение подобного характера обязательств не вменялось.

Таким образом, можно сделать, что ситуации, при которых может возникнуть конфликт интересов, могут быть разнообразными и не имеют исчерпывающего характера. В случае неурегулирования военнослужащим, а равно как и другим государственным служащим такой ситуации он подлежит увольнению со службы в связи с утратой доверия. При этом не имеет существенного значения, произошел ли такой конфликт интересов в связи с занимаемой им штатной должностью либо в период временного исполнения должностных обязанностей.

Библиография

1. Вотченко, И.А. Происхождение и природа конфликта интересов как предкриминальная предпосылка / И.А. Вотченко, И.Н. Шишкин // Образование и право. — 2021. — № 11. — С. 243—249.
2. Изотов, Д.М. О некоторых вопросах применения военными судами законодательства о наложении ареста на имущество виновных при совершении ими коррупционных преступлений / Д.М. Изотов, С.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2021. — № 5. — С. 8—12.
3. Кириченко, Н.С. Вправе ли военнослужащий сдавать в аренду жилое помещение? / Н.С. Кириченко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 11 (304). — С. 103—109.
4. Корякин, В.М. Внедрение цифровых технологий в деятельность по профилактике коррупционных правонарушений / В.М. Корякин // Вестник Юридического института МИИТ. — 2022. — № 2 (38). — С. 14—24.
5. Корякин, В.М. Увольнение с военной службы в связи с утратой доверия: постановка проблемы / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 10. — С. 12—15.
6. Кудашкин, А.В. Еще раз о правовом понятии коррупции / А.В. Кудашкин, Т.Л. Козлов // Современное право. — 2010. — № 6. — С. 3—8.

Защита прав мобилизованных граждан-предпринимателей

© **Зайков Денис Евгеньевич**,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория права, гражданское право, гражданский процесс» Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»

Аннотация. Объявление и проведение частичной мобилизации оказало существенное влияние на общественные отношения и потребовало оперативной реакции со стороны законодателя в части правового регулирования их особенностей, обусловленных указанным обстоятельством. Отдельное внимание было уделено мобилизованным гражданам – предпринимателям, специфика правового статуса которых, а также оказываемое влияние на состояние российской экономики требовало самостоятельной правовой регламентации, в том числе в части оказания им необходимых мер поддержки. В статье анализируются принятые по указанному вопросу решения, а также предлагаются изменения по совершенствованию правового регулирования указанных отношений.

Ключевые слова: частичная мобилизация, военная служба, предприниматели, юридические лица, учредители, аренда.

Protection of the rights of mobilized citizens-entrepreneurs

© **Zaikov D.E.**,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department "Theory of Law, Civil Law, Civil Procedure" of the Law Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution "Russian University of Transport"

Annotation. The announcement and holding of a partial mobilization had a significant impact on public relations and required a prompt reaction from the legislator in terms of the legal regulation of their features due to this circumstance. Special attention was paid to the mobilized citizens – entrepreneurs, the specifics of whose legal status, as well as the impact on the state of the Russian economy required independent legal regulation, including in terms of providing them with the necessary support measures. The article analyzes the decisions taken, and also proposes changes to improve the legal regulation of these relations.

Keywords: partial mobilization, military service, entrepreneurs, legal entities, founders, rent.

Объявление 21 сентября 2022 г. частичной мобилизации¹ привело к появлению пробелов в правовой регламентации различных сфер правоотношений, не знакомых с институтом мобилизации и особенностями его практической реализации, устранение которых явилось одной из важных задач правотворческой деятельно-

сти². Одновременно с этим возникла острая потребность учета специфики правового статуса граждан, призванных на военную службу по мобилизации, военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, заключенному в соответствии с п. 7 ст. 38 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанно-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» (далее — Указ Президента РФ № 647).

² Подр. см.: Корякин В.М. Правовой режим частичной мобилизации в Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11. С. 24—29.

сти и военной службе»¹ (далее — Закон № 53-ФЗ), а также заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (далее — мобилизованные граждане), как участников различных правоотношений, в связи с чем потребовалась корректировка существующего правового регулирования в целях обеспечения возможности реализации и защиты их прав и законных интересов.

Безусловно, учитывая состав мобилизованных граждан, первоочередной задачей являлось внесение необходимых изменений в трудовое законодательство², а также в правовое регулирование кредитных отношений³.

Несмотря на значительно меньшую востребованность, возникшие проблемы мобилизованных граждан, являющихся субъектами предпринимательских отношений⁴ (далее — мобилизованные гражд-

дане-предприниматели), также приобрели актуальность, обусловленную как их специфическим правовым статусом, так и необходимостью исключения негативных последствий для экономики страны.

Во-первых, мобилизованные граждане-предприниматели в силу осуществляемой ими деятельности подпадали под установленный абз. 3 п. 7 ст. 10 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее — Закон № 76-ФЗ) запрет и ограничения военнослужащим⁵ заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, в том числе участвовать в управлении коммерческими организациями. Указанное обстоятельство исключало возможность нахождения мобилизованных граждан-предпринимателей в указанном статусе.

Во-вторых, сам факт призыва на военную службу по мобилизации, который нередко осуществлялся в кратчайшие сроки, делал невозможным участие мобилизованных граждан-предпринимателей в осуществляемой ими деятельности, что с учетом их правового статуса приводило к ее парализации.

В-третьих, правовые последствия исключения мобилизованных граждан-предпринимателей из процесса осуществления ими предпринимательской деятельности приводило к невозможности надлежащего исполнения ими обязательств в различных сферах правоотношений.

Устранение указанных и иных проблем явилось целью принятия Плана первоочередных действий по обеспечению функционирования российской экономики в условиях частичной мобилизации, утвержденного поручением Председателя Правительства Российской Федерации от 8

¹ Граждане, пребывающие в запасе и изъявившие желание поступить на военную службу по контракту в период чрезвычайных обстоятельств (ликвидация последствий стихийных бедствий, выполнение мероприятий чрезвычайного положения, восстановление конституционного порядка и иные чрезвычайные ситуации), либо для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности либо пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации, либо для участия в походах кораблей.

² См., напр., Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации»; ст. 2 Федерального закона от 7 октября 2022 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ См.: Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 377-ФЗ «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Бараненкова И.В. О «кредитных каникулах» участников специальной военной операции и некоторых проблемах правоприменения // Военное право. 2022. № 6. С. 97—104.

⁴ Граждане, являющиеся индивидуальными предпринимателями, учредителями (участниками) орга-

низаций, а также осуществляющие полномочия единоличного исполнительного органа.

⁵ Согласно п. 2 Указа Президента РФ № 647 граждане Российской Федерации, призванные на военную службу по мобилизации, имеют статус военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации по контракту.

октября 2022 г. № ММ-П13-16997к¹, во исполнение которого был принят ряд нормативных правовых актов.

Так, в целях обеспечения стабильной работы хозяйствующих субъектов в условиях мобилизации, исключения необходимости осуществления мобилизованными гражданами-предпринимателями экстренных регистрационных действий по прекращению индивидуальной предпринимательской деятельности или прекращения участия в юридических лицах, недопущения негативных неблагоприятных правовых последствий для указанной категории лиц² был принят Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 404-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», который установил следующие положения:

— мобилизуемым гражданам-предпринимателям призывной комиссией по мобилизации граждан предоставляется пять рабочих дней для решения организационных вопросов, связанных с дальнейшим осуществлением предпринимательской деятельности, в том числе через доверенных лиц;

— мобилизованные граждане-предприниматели исключены из-под запретов и ограничений, установленных Законом № 76-ФЗ и касающихся занятия военнослужащими предпринимательской деятельностью.

Другим важным изменением³ явилось дополнение п. 7 ч. 1 ст. 83 ТК РФ положением о том, что призыв на военную службу по мобилизации работодателя — физического лица или работодателя, являющегося единственным учредителем (участником) юридического лица, одновременно

обладающего полномочиями единоличного исполнительного органа этого юридического лица, является основанием для прекращения трудового договора вне зависимости от воли сторон⁴. Данная норма позволила обеспечить определенность и установить судьбу существующих трудовых отношений при возникновении указанного обстоятельства.

Одной из существенных проблем, которые возникают у мобилизованных граждан-предпринимателей, является исполнение принятых ими договорных обязательств в рамках осуществления предпринимательской деятельности, что в ряде случаев становится невозможным либо возникают препятствия в этом.

Призыв на военную службу по мобилизации является основанием для освобождения от ответственности за неисполнение обязательств в соответствии с п. 3 ст. 401 ГК РФ, однако данное обстоятельство не может быть применено в отношении юридических лиц, а также индивидуальных предпринимателей, которые поступили на военную службу по контракту, заключенному в соответствии с п. 7 ст. 38 Закона № 53-ФЗ) (далее — контракт), а также заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (далее — контракт добровольца).

В указанных условиях создание универсального механизма, который позволял бы мобилизованным гражданам-предпринимателям указанную проблему разрешать с наименьшими негативными последствиями, невозможно, так как это противоречило бы фундаментальным принципам гражданского права и означало бы необоснованное вмешательство публично-правовых начал в сферу частных правоотношений. Вместе с тем, частичное урегулирование указанной проблемы вполне возможно, что достаточно активно

¹ URL:<https://mari-el.gov.ru/upload/medialibrary/181/shlfln8jblmkd4f1a1e79xzgrpg5y8xb.pdf> (дата обращения: 19.12.2022).

² Пояснительная записка к проекту федерального закона № 210928-8 «О внесении изменения в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации».

³ Федеральный закон от 4 ноября 2022 г. № 434-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации».

⁴ Если такой работодатель на период прохождения им военной службы по мобилизации не уполномочил другое лицо на осуществление своих прав и исполнение своих обязанностей в качестве работодателя.

применялось на практике в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19¹.

Так, в соответствии с ч. 65.1 ст. 122 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по соглашению сторон допускается изменение существенных условий контракта, заключенного для обеспечения федеральных нужд, если при исполнении такого контракта возникли не зависящие от сторон контракта обстоятельства, влекущие невозможность его исполнения в связи с мобилизацией в Российской Федерации².

Однако, несмотря на установление возможности изменения существующих договорных обязательств, при указанных обстоятельствах отсутствие обязанности заказчика и критериев заключаемого соглашения существенно снижают эффективность данного инструмента защиты прав поставщиков, а также создают предпосылки для возникновения коррупционных нарушений.

Более предметный подход был применен в подп. «г» п. 2 Правил списания сумм неустоек (штрафов, пеней), начисленных поставщику (подрядчику, исполнителю), но не списанных заказчиком в связи с не-

исполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных контрактом, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2018 г. № 783, в силу которого списание начисленных и неуплаченных сумм неустоек (штрафов, пеней) осуществляется по контрактам, обязательства по которым исполнены в полном объеме, за исключением контрактов, по которым обязательства не были исполнены в полном объеме в связи с мобилизацией в Российской Федерации.

Традиционно более лояльный подход был применен к иным категориям заказчиков: унитарным предприятиям и автономным учреждениям по исполнению договоров в рамках Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» на срок действия Указа Президента РФ № 647 рекомендовано³:

1) не применять штрафных санкций в связи с нарушением поставщиком (исполнителем, подрядчиком) обязательств, предусмотренных договором, в связи с частичной мобилизацией;

2) изменять условия договора, если при его исполнении возникли не зависящие от сторон договора обстоятельства, влекущие невозможность исполнения договора без изменения условий.

Вместе с тем, п. 9.1 Правил ведения реестра недобросовестных поставщиков, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2012 г. № 1211, предусмотрено положение, в силу которого сведения о недобросовестном участнике закупки, поставщике (исполнителе, подрядчике) не включаются в реестр в случае, если в результате проведения проверки выявлено, что уклонение от заключения договора, ненадлежащее исполнение договора возникли в связи с мобилизацией в Российской Федерации.

Достаточно актуальными для мобилизованных граждан-предпринимателей также явилось установление особенностей

¹ См., напр.: статьи 5—10, 23 Федерального закона от 8 июня 2020 г. № 166-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции» (далее — Закон № 166-ФЗ).

² Пункт 1 постановления Правительства Российской Федерации от 15 октября 2022 г. № 1838 «Об изменении существенных условий контрактов, заключенных для обеспечения федеральных нужд, в связи с мобилизацией в Российской Федерации, об изменении некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросам осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц и о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 1663».

³ В нормативных правовых актах данные положения не нашли своего закрепления.

правового регулирования отношений по аренде федерального имущества.

Так, п. 4 распоряжения Правительства Российской Федерации от 15 октября 2022 г. № 3046-р (далее — распоряжение № 3046-р) на федеральные органы исполнительной власти, а также находящиеся в их ведении государственные предприятия и учреждения возложена обязанность по обеспечению по заключенным ими договорам аренды федерального имущества, арендаторами по которым являются мобилизованные граждане-предприниматели или юридические лица, в которых одни и те же мобилизованные граждане-предприниматели являются их единственными учредителями (участниками) и руководителями (далее — арендатор):

— предоставление арендаторам отсрочки уплаты арендной платы на период прохождения мобилизованным гражданином-предпринимателем военной службы или оказания добровольного содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (далее — военная служба);

— предоставление арендаторам возможности расторжения договоров аренды без применения штрафных санкций.

Представляется, что указанные варианты разрешения создавшейся ситуации не в полной мере учитывают интересы сторон договора аренды.

В сложившихся условиях необходимо принимать во внимание как цель заключения договора аренды, так и, в первую очередь, потребности арендатора, как стороны договора, оказавшейся в сложном положении, обусловленном указанными обстоятельствами. С учетом изложенного, наиболее оптимальным видится предоставление арендатору права на уменьшение размера арендной платы¹, что позволило бы как

сохранить договорные отношения и обеспечить арендодателю поступление платы за использование федерального имущества, так и снизить финансовую нагрузку на арендатора в сложный с финансово-экономической точки зрения период.

При этом в отношении арендаторов-индивидуальных предпринимателей обособленным являлось бы наделение их правом на освобождение от уплаты арендной платы на период прохождения военной службы.

Распоряжением № 3046-р определены следующие условия, на основании которых арендаторам предоставляется отсрочка уплаты арендной платы:

— отсутствие использования арендатором арендуемого им по договору имущества в период прохождения мобилизованным гражданином-предпринимателем военной службы;

— арендатор направляет арендодателю уведомление о предоставлении отсрочки уплаты арендной платы с приложением копий документов, подтверждающих статус прохождения мобилизованным гражданином-предпринимателем военной службы или копии уведомления о заключении контракта (контракта добровольца), предоставленного федеральным органом исполнительной власти, с которым заключены указанные контракты;

— арендатору предоставляется отсрочка уплаты арендной платы на период прохождения мобилизованным гражданином-предпринимателем военной службы;

— задолженность по арендной плате подлежит уплате на основании дополнительного соглашения к договору аренды со дня окончания периода прохождения военной службы поэтапно, не чаще одного раза в месяц, равными платежами, размер которых не превышает размера половины ежемесячной арендной платы по договору аренды;

— не допускается установление дополнительных платежей, подлежащих уплате арендатором в связи с предоставлением отсрочки;

¹ См., напр.: Зайков Д.Е. Договоры аренды объектов недвижимого имущества Вооруженных Сил Российской Федерации: влияние ситуации, обусловленной противодействием новой коронавирусной инфекции COVID-19 // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 6. С. 44—52, Он же. Аренда недвижимого имущества военных организаций в

условиях новой коронавирусной инфекции COVID-19 // Военное право. 2020. № 5. С. 66—71.

— не применяются штрафы, проценты за пользование чужими денежными средствами или иные меры ответственности в связи с несоблюдением арендатором порядка и сроков внесения арендной платы на период прохождения мобилизованным гражданином-предпринимателем, военной службы;

— коммунальные платежи, связанные с арендуемым имуществом по договорам аренды, по которым арендатору предоставлена отсрочка уплаты арендной платы, в период такой отсрочки уплачиваются арендодателем.

Неиспользование арендованного имущества как условие отсрочки уплаты арендной платы даже с учетом освобождения арендатора от коммунальных платежей и установленных мер ответственности за нарушение порядка и сроков внесения арендной платы видится крайне слабым стимулом для реализации такого права арендатором¹. Выбранный подход не способствует стабилизации арендных отношений и не в полной мере выполняет свою задачу по поддержке мобилизованных граждан-предпринимателей, во многом фактически оставляя для них единственный выход — расторжение договора аренды.

Расторжение договора аренды без применения штрафных санкций, осуществляется на следующих условиях:

— арендатор направляет арендодателю уведомление о расторжении договора аренды с приложением копий документов, подтверждающих статус прохождения мобилизованным гражданином-предпринимателем военной службы по частичной мобилизации в Вооруженных Силах Российской Федерации или копии уведомления о заключении контракта (контракта добровольца), предоставленного федеральным органом исполнительной власти, с которым заключены указанные контракты;

— договор аренды подлежит расторжению со дня получения арендодателем

уведомления о расторжении договора аренды;

— не применяются штрафы, проценты за пользование чужими денежными средствами или иные меры ответственности в связи с расторжением договора аренды (в том числе в случаях, если такие меры предусмотрены договором аренды).

Учитывая изложенное, можно констатировать, что принятие ряда мер, направленных на поддержку мобилизованных граждан-предпринимателей и отдельных юридических лиц, явилось важным шагом на пути перехода функционирования российской экономики к условиям частичной мобилизации. Многие из принятых решений позволили устранить возникшие противоречия и пробелы в правовом регулировании, обеспечить возможность продолжения предпринимательской деятельности. Однако эффективность некоторых из принятых мер представляется недостаточной, не соответствующей реализуемых с их помощью задач. Кроме того, видится необходимым проведение постоянного мониторинга состояния экономики и оказывающих на нее влияние последствий частичной мобилизации для принятия оперативных решений в целях защиты прав мобилизованных прав граждан-предпринимателей.

Библиография

1. Бараненкова, И.В. О «кредитных каникулах» участников специальной военной операции и некоторых проблемах правоприменения / И.В. Бараненкова // Военное право. — 2022. — № 6. — С. 97—104.
2. Зайков, Д.Е. Договоры аренды объектов недвижимого имущества Вооруженных Сил Российской Федерации: влияние ситуации, обусловленной противодействием новой коронавирусной инфекции COVID-19 / Д.Е. Зайков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 6. — С. 44—52.
3. Зайков, Д.Е. Аренда недвижимого имущества военных организаций в условиях новой коронавирусной инфекции COVID-19 / Д.Е. Зайков // Военное право. — 2020. — № 5. — С. 66—71.
4. Корякин, В.М. Правовой режим частичной мобилизации в Российской Федерации / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 11. — С. 24—29.

¹ Ср. с распоряжением Правительства РФ от 19 марта 2020 г. № 670-р.

Статус военнослужащего, призванного на военную службу по мобилизации: проблемные вопросы

© **Корякин Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор, ФГКВОУ
ВО «Военный университет имени князя
Александра Невского» Минобороны России;
ФГАОУ ВО «Российский университет
транспорта»

© **Топорков Ярослав Александрович**,
курсант, ФГКВОУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского» Минобороны
России

Аннотация. Раскрываются проблемные вопросы статуса граждан, призванных на военную службу в ходе частичной мобилизации, объявленной Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647. Указ декларирует, что граждане Российской Федерации, призванные на военную службу по мобилизации, имеют статус военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации по контракту. Однако в результате сопоставления норм законодательства о статусе военнослужащих, о военной службе и о мобилизации авторы приходят к выводу, что объем и содержание прав, обязанностей и ответственности военнослужащих, проходящих военную службу по мобилизации, имеет ряд существенных отличий как от статуса военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, так и военнослужащих по призыву. На основе проведенного анализа обосновывается вывод о необходимости внесения в законодательство о военной службе и о статусе военнослужащих изменений и дополнений, определяющих особенности статуса военнослужащих, проходящих военную службу по мобилизации.

Ключевые слова: статус военнослужащих; мобилизация; призыв по мобилизации; военная служба по контракту; военная служба по призыву; специальная военная операция.

The status of a service member called up for military service on mobilization: problematic issues

© **Koryakin V.M.**,
Doctor of Law, Professor, Prince Alexander Nevsky
Military University of the Ministry of Defense of
Russia; Russian University of Transport

© **Toporkov Ya.A.**,
Cadet, Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of Russia

Annotation. The problematic issues of the status of citizens called up for military service during the partial mobilization announced by Decree of the President of the Russian Federation No. 647 of September 21, 2022 are revealed. The decree declares that citizens of the Russian Federation called up for military service on mobilization have the status of military personnel undergoing military service in the Armed Forces of the Russian Federation under a contract. However, as a result of comparing the norms of legislation on the status of military personnel, on military service and on mobilization, the authors come to the conclusion that the scope and content of the rights, duties and responsibilities of military personnel undergoing military service on mobilization has a number of significant differences both from the status of military personnel undergoing military service under contract and conscripted military personnel. On the basis of the conducted analysis, the conclusion is substantiated that it is necessary to introduce amendments and additions to the legislation on military service and on the status of military personnel, defining the features of the status of military personnel undergoing military service on mobilization.

Keywords: status of military personnel; mobilization; conscription; military service under contract; military service under conscription; special military operation.

В результате реализации мероприятий призыва граждан на военную службу в рамках частичной мобилизации, объявленной Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647, в Вооруженных Силах Российской Федерации появилась новая, неизвестная современному военному праву категория военнослужащих — граждане, призванные на военную службу по мобилизации. Как известно, до сегодняшней мобилизации мероприятия подобного рода осуществлялись в нашей стране более 70 лет назад — в период Великой Отечественной войны в 1941—1945 гг.

Число мобилизованных военнослужащих довольно велико. На состоявшемся 21 декабря 2022 г. расширенном заседании Коллегии Минобороны России Министр обороны Российской Федерации С.К. Шойгу доложил, что «... мероприятия частичной мобилизации выполнены своевременно и в полном объеме. На военную службу призвано 300 тыс. граждан, пребывающих в запасе. ... Не дожидаясь повесток, более 20 тыс. человек поступили в войска в качестве добровольцев»¹.

Если сопоставить данное число с общей штатной численностью Вооруженных Сил, которая с 1 января 2023 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 25 августа 2022 г. № 575 составляет 1 150 628 военнослужащих, то можно увидеть, что численность мобилизованных военнослужащих составляет сегодня без малого четверть от нормативной штатной численности военнослужащих Российской армии. При этом важно заметить, что число мобилизованных военнослужащих почти на 50 тыс. превышает число военнослужащих, проходящих военную службу по призыву: в ходе весеннего призыва 2022 г. призвано на военную службу 120 тыс. человек², в ноябре-

декабре 2022 г. — 134,5 тыс. человек³, т.е. по состоянию на 1 января 2023 г. военную службу по призыву в нашей стране проходят около 254 тыс. военнослужащих.

Для наглядности представим эти данные в виде таблицы (см. табл.), из которой видно, что военнослужащие, призванные на военную службу по мобилизации, заняли весьма заметное место в общей структуре численности личного состава Вооруженных Сил. Поэтому уже по этой причине их статус нуждается в изучении, теоретическом осмыслении и законодательном уточнении. Тем более, тема статуса военнослужащих из числа граждан, призванных по мобилизации, оказалась практически не исследованной в военнопредметной науке. В частности, данная проблема не нашла должного освещения во втором томе фундаментального научного труда «Военное право», посвященном современным проблемам военного права⁴.

Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» вся совокупность военнослужащих в нашей стране подразделяется на две большие группы (категории):

1) *военнослужащие, проходящие военную службу по контракту*, — офицеры, прапорщики и мичманы, курсанты военных образовательных организаций, сержанты и старшины, солдаты и матросы, поступившие на военную службу в добровольном порядке и заключившие контракты о прохождении военной службы;

2) *военнослужащие, проходящие военную службу по призыву*, — сержанты, старшины, солдаты и матросы, призванные на военную службу на 12 месяцев в порядке реализации воинской обязанности, а также курсанты военных образовательных организаций до заключения с ними контракта о прохождении военной службы.

³ Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 691 «О призыве в ноябре – декабре 2022 г. граждан Российской Федерации на военную службу и об увольнении с военной службы граждан, проходящих военную службу по призыву».

⁴ Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021.

¹ Красная звезда, 2022, 23 декабря.

² Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 167 «О призыве в апреле – июле 2022 г. граждан Российской Федерации на военную службу и об увольнении с военной службы граждан, проходящих военную службу по призыву».

Характеристика численности военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации по состоянию на 1 января 2023 г.

№ пп	Категория военнослужащих	Количество военнослужащих	Источник информации
1	Общая штатная численность военнослужащих Вооруженных Сил	1 150 628	Указ Президента РФ от 25.08.2022 № 575
2	Военнослужащие, призванные в 2022 г. на военную службу на 12 месяцев	254 500	Указы Президента РФ от 31.03.2022 № 167 и от 30.09.2022 № 691
3	Военнослужащие, призванные на военную службу по мобилизации	300 000 – 320 000	Официальные заявления руководителей Минобороны России

Вновь появившаяся категория — военнослужащие, проходящие военную службу по мобилизации, — в Законе о статусе военнослужащих не упоминается, что позволяет говорить о возникшем пробеле в военном законодательстве. Частично этот пробел восполняется пунктом 2 Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647, который определяет, что граждане Российской Федерации, призванные на военную службу по мобилизации, имеют статус военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации по контракту.

Таким образом, статус военнослужащих, проходящих военную службу по мобилизации, формально нормативно вроде бы определен, т.е., опираясь на приведенную норму Указа, можно предположить, что все нормы военного законодательства, которые устанавливают права, свободы, обязанности и ответственность военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, в полной мере должны распространяться на мобилизованных граждан.

Однако при более детальном рассмотрении правового положения данной категории военнослужащих можно увидеть, что всё далеко не так однозначно.

Прежде всего, военная служба по контракту и военная служба по мобилизации коренным образом различаются по своей правовой природе и происхождению:

— военная служба по контракту — это свободное волеизъявление гражданина, осознанный выбор им военной службы как вида профессиональной деятельности, это

специфическая форма реализации гражданином конституционного права на труд;

— военная служба по мобилизации — это исполнение обязанности защищать Отечество; волеизъявления гражданина для привлечения его к исполнению данной обязанности не требуется, желание или нежелание проходить военную службу правового значения не имеют. Это подтверждает Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и о военной службе», из п. 2 ст. 1 которого следует, что призыв на военную службу по мобилизации и прохождение военной службы в период мобилизации являются самостоятельными формами исполнения гражданами Российской Федерации воинской обязанности.

Уже одно это не позволяет ставить знак равенства между военнослужащими по контракту и мобилизованными военнослужащими. С точки зрения добровольности прохождения военной службы военнослужащие по мобилизации больше тяготеют к военнослужащими по призыву, нежели по контракту.

Анализ законодательства о статусе военнослужащих и практики его применения в условиях специальной военной операции показывает, что в части, касающейся размеров денежного довольствия и дополнительных выплат, обязательного страхования жизни и здоровья, вещевого, продовольственного, медицинского обеспечения, льготного исчисления выслуги лет, предоставления некоторых иных социальных гарантий мобилизованные военнослужащие действительно приравнены к военнослужащим по контракту. Однако с

применением к мобилизованным гражданам иных норм законодательства о статусе военнослужащих и о военной службе возникают многие вопросы.

Так, в отношении военнослужащих, призванных на военную службу по мобилизации, являющихся индивидуальными предпринимателями, учредителями (участниками) коммерческих организаций, а также осуществляющих полномочия единоличного исполнительного органа, *не распространяются ограничения и запреты*, касающиеся осуществления военнослужащими предпринимательской деятельности и участия в управлении коммерческими организациями¹. Т.е. для военнослужащих по контракту такого рода деятельность категорически запрещена (п. 7 ст. 10 Закона о статусе военнослужащих), а в отношении военнослужащих по мобилизации такой запрет не действует. Тем самым в этой части законодательно определены различия в статусе военнослужащих по контракту и военнослужащих по мобилизации.

В связи с мобилизацией и участием в специальной военной операции мобилизованным военнослужащим установлены значительные преференции в сфере исполнения кредитных обязательств, обязательств в рамках исполнительных производств и др.² Кроме того, для мобилизованных военнослужащих, особенно для их семей, установлены дополнительные гарантии со стороны органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, что также определяет специфику статуса данной категории военнослужащих³. Во

многих случаях объем социальных гарантий, предоставляемых местными властями мобилизованным военнослужащим и их семьям, превышает меры социальной поддержки военнослужащих, поступивших на военную службу по контракту до начала специальной военной операции и после ее начала⁴. То есть и в этом нет равенства статусов военнослужащих по контракту и военнослужащих по мобилизации.

Имеется неопределенность в порядке реализации в отношении мобилизованных военнослужащих норм законодательства о статусе военнослужащих и о военной службе, касающихся реализации ими *права на отдых*. В соответствии с п. 5 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, ежегодно предоставляется основной отпуск. Продолжительность основного отпуска устанавливается в зависимости от имеющейся у военнослужащего общей продолжительности военной службы в льготном исчислении. Принимая во внимание п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 о равенстве статусов военнослужащих по контракту и военнослужащих по мобилизации, можно предположить, что военнослужащие, призванные на военную службу по мобилизации, имеют полное право на ежегодный основной отпуск продолжительностью, установленной для военнослужащих по контракту имеющих соответствующую выслугу лет на военной службе. Однако учитывая, что мобилизованные военнослужащие имеют своим основным предназначением выполнение задач в условиях специальной военной операции, реализация права на отдых имеет свою специфику. К сожалению, ни в Законе о статусе военнослужащих, ни в Положении о порядке

¹ Данное исключение из общего правила введено Федеральным законом от 20 октября 2022 г. № 404-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон "О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации"».

² Бараненкова И.В. О «кредитных каникулах» для участников специальной военной операции и некоторых проблемах правоприменения // Военное право. 2022. № 6. С. 97—104.

³ Шеншин В.М. О роли органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и войск национальной гвардии Российской Федерации в реализации воз-

ложенных на них полномочий при объявлении мобилизации // Военное право. 2022. № 6. С. 90—96.

⁴ См. письмо Минтруда России от 7 октября 2022 г. № 26-6/10/В-13621 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей лиц, призванных на военную службу в рамках частичной мобилизации».

прохождения военной службы¹ нет норм, определяющих особенности предоставления отпусков военнослужащим в период мобилизации и в военное время.

Следует в связи с этим напомнить норму, содержащуюся в п. 5 приложения № 13 к УГиКС ВС РФ², согласно которой при объявлении мобилизации все военнослужащие, находящиеся в отпуске (за исключением находящихся в отпуске по болезни), обязаны сняться с учета по месту нахождения в отпуске и немедленно выехать к месту службы, не ожидая особых распоряжений. Из этого следует, что при объявлении мобилизации отпуска военнослужащим прекращаются, а новые отпуска в период мобилизации не предоставляются. Однако это ограничение должно быть закреплено законодательно. Одним из вариантов решения данного вопроса могло бы стать предоставление основного, а также дополнительных отпусков (в том числе реабилитационного отпуска, отпуска, предусмотренного для ветеранов боевых действий и др.) мобилизованным военнослужащим после отмены режима мобилизации при их увольнении с военной службы в связи с демобилизацией. Соответствующие изменения следует внести в ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Еще больше вопросов возникает в связи с реализацией мобилизованными военнослужащими *права на жилище*. Если следовать логике п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647, то получается, что военнослужащие, проходящие военную службу по мобилизации, и их семьи имеют полное право на те же гарантии в сфере жилищного обеспечения, какие предусмотрены для военнослужащих по контракту: на предоставление служебных жилых помещений, на получение жилищной субсидии и компенсации за поднаем жилых помещений, на участие в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения и др. На практике этого конечно же нет, да и вряд

ли возможно и целесообразно. В связи с этим во избежание завышенных ожиданий мобилизованных военнослужащих и их семей в сфере жилищного обеспечения, а также предупреждения связанных с этим возможных жалоб и судебных исков предлагается внести в п. 11 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» уточнение, определяющее что военнослужащие, призванные по мобилизации, имеют те же гарантии в сфере жилищного обеспечения, которые предусмотрены для военнослужащих, проходящих военную службу по призыву. Содержание этих гарантий сводится к трем основным положениям: 1) размещение данной категории военнослужащих в соответствии с требованиями общевоинских уставов и Корабельного устава Военно-Морского Флота (т.е. в казармах и солдатских (матросских) общежитиях); 2) сохранение за данными военнослужащими жилых помещений, занимаемых ими до призыва на военную службу; 3) запрет на снятие этих военнослужащих с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по месту их проживания до призыва.

Отсутствует также определенность в применении к мобилизованным военнослужащим иных норм Закона о статусе военнослужащих, например, о праве членов семей на получение медицинской помощи в военно-медицинских учреждениях; о гарантиях военнослужащих по получению образования в период прохождения военной службы и др., что также требует соответствующей корректировки норм законодательства о статусе военнослужащих.

Немало пробелов в правовом регулировании статуса мобилизованных военнослужащих имеется и в законодательстве о военной службе. Относительно урегулированными являются вопросы призыва граждан по мобилизации и предоставления им отсрочек. По данному вопросу в Федеральном законе от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» имеется специальный раздел V «Призыв граждан по мобилизации». Если же мы обратимся к основным нормативным актам, регулирующим военную службу, — Феде-

¹ Утв. Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237.

² Утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495.

ральному закону «О воинской обязанности и военной службе» и Положению о порядке прохождения военной службы — то мы не обнаружим в них норм, регулирующих порядок прохождения военной службы по мобилизации. Но потребность в таких нормах, безусловно, имеется. Так, например, имеет место неопределённость, связанная с *определением даты начала военной службы по мобилизации*. В действующей редакции п. 10 ст. 38 Закона о воинской обязанности и военной службе указано, что началом военной службы считается:

— для граждан, не пребывающих в запасе, не имеющих воинских званий и призванных на военную службу, — день присвоения воинского звания рядового;

— для граждан, не пребывающих в запасе, имеющих воинские звания и призванных на военную службу, — дата издания приказа военного комиссара субъекта Российской Федерации о направлении к месту прохождения военной службы;

— для граждан (иностранцев граждан), поступивших на военную службу по контракту, — день вступления в силу контракта о прохождении военной службы;

— для граждан, не проходивших военной службы или прошедших военную службу ранее и поступивших в военные образовательные организации, — дата зачисления в указанные образовательные организации.

Поскольку все призываемые по мобилизации граждане имеют воинские звания и состоят в запасе, ни одна из перечисленных норм к данной категории военнослужащих неприменима. В связи с этим представляется целесообразным дополнить п. 10 ст. 38 Закона о воинской обязанности и военной службе нормой, устанавливающей, что для граждан, призванных на военную службу по мобилизации, состоящих в запасе и имеющих воинские звания, началом военной службы считается дата издания приказа военного комиссара субъекта Российской Федерации о направлении к месту прохождения военной службы.

Немало вопросов возникает в связи с *действием контрактов о прохождении военной службы* в период мобилизации.

Пунктом 4 Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 определено, что контракты о прохождении военной службы, заключенные военнослужащими, продолжают свое действие до окончания периода частичной мобилизации, за исключением случаев увольнения военнослужащих с военной службы по основаниям, установленным данным Указом.

Из этого следует, что правовое положение военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, в период мобилизации коренным образом изменяется: все ранее заключенные контракты становятся бессрочными, заключенными на неопределенный срок. Возможность увольнения с военной службы в связи с окончанием срока военной службы по контракту исключается. Важно заметить при этом, что, исходя из норм названного Указа, режим мобилизации установлен только для Вооруженных Сил Российской Федерации, т.е. военнослужащие, проходящие военную службу по контракту в других войсках (например, в войсках национальной гвардии Российской Федерации), воинских формированиях и органах (например, в пограничных органах ФСБ России) в отличие от военнослужащих Вооруженных Сил имеют полное право на увольнение в связи с истечением срока контракта. Вряд ли такую ситуацию можно считать справедливой. Учитывая, что данное нововведение существенно ограничивает права и свободы военнослужащих, нормы об особенностях действия контрактов о прохождении военной службы в период мобилизации должны быть закреплены законодательно, а не в подзаконном акте, каковым является Указ Президента Российской Федерации. В связи с этим имеется настоятельная потребность во внесении соответствующих изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе».

Отдельного рассмотрения требует вопрос применения *оснований увольнения военнослужащих с военной службы* в период мобилизации. Статьей 51 Закона о военной службе предусмотрено 37 различ-

ных оснований увольнения военнослужащих с военной службы, действующих в мирное время. В период мобилизации число оснований для увольнения значительно уменьшается. Пунктом 5 Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 в период частичной мобилизации установлены следующие основания увольнения с военной службы военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, а также граждан Российской Федерации, призванных на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации:

а) по возрасту — по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе;

б) по состоянию здоровья — в связи с признанием их военно-врачебной комиссией не годными к военной службе, за исключением военнослужащих, изъявивших желание продолжить военную службу на воинских должностях, которые могут замещаться указанными военнослужащими;

в) в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы.

Правоприменительная практика выявила существенные противоречия, связанные с применением основания увольнения, указанного в подп. «а» п. 5 Указа (в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе).

Статьей 49 Закона о воинской обязанности и военной службе предельный возраст пребывания на военной службе военнослужащих установлен от 50 до 65 лет¹. В то же время в ст. 53 данного законодательного акта установлен предельный возраст пребывания граждан в запасе, который составляет от 50 до 70 лет².

¹ Предельный возраст пребывания на военной службе составляет для: Маршала Российской Федерации, генерала армии, адмирала флота, генерал-полковника, адмирала — 65 лет; генерал-лейтенанта, вице-адмирала, генерал-майора, контр-адмирала — 60 лет; полковника, капитана 1 ранга — 55 лет; военнослужащего, имеющего иное воинское звание, — 50 лет.

² Предельный возраст пребывания в запасе составляет: для высших офицеров — 70 лет; для

В ходе призывной компании по мобилизации, осуществленной в сентябре — октябре 2022 г., военные комиссариаты на вполне законных основаниях призвали на военную службу более 300 тыс. человек, состоящих в запасе, среди которых оказалось немало граждан, достигших предельного возраста пребывания на военной службе, но не достигших предельного возраста пребывания в запасе. В итоге сложилась своего рода парадоксальная ситуация: многие из числа призванных на военную службу граждан, достигших предельного возраста пребывания на военной службе, буквально с первых дней службы приобрели право на увольнение с военной службы и путем подачи рапортов заявили об этом своем праве. Поскольку норма об увольнении с военной службы в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе носит императивный характер, мобилизованные военнослужащие, заявившие об этом праве, должны быть уволены с военной службы.

По нашему мнению, такая парадоксальная ситуация сложилась вследствие своего рода спешки, в обстановке которой, судя по всему, готовился проект указа о частичной мобилизации. В подп. «а» п. 5 данного документа должно было быть указано основание увольнения с военной службы по возрасту «в связи с достижением предельного возраста пребывания в запасе», а не «в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе». Поэтому имеется настоятельная потребность оперативно внести соответствующее уточнение в подп. «а» п. 5 Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647.

По большому же счету, все эти вопросы должны регулироваться на законодательном уровне, а не подзаконным нормативным правовым актом. Если внимательно посмотреть, то

старших офицеров — 65 лет; для младших офицеров — 60 лет; для солдат, матросов, сержантов, старшин, прапорщиков и мичманов — 50 лет.

получается, что подзаконный акт, каковым является рассматриваемый Указ Президента Российской Федерации, фактически приостановил действие ряда норм Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», касающихся таких весьма чувствительных для каждого военнослужащего вопросов, как сроки действия заключенных контрактов о прохождении военной службы, об увольнении с военной службы и др.

Рано или поздно действующий сегодня режим частичной мобилизации закончится. Возникает вопрос: по какому основанию мобилизованные военнослужащие будут увольняться с военной службы? Ни одна из формулировок оснований увольнения, указанных в ст. 51 Закона о воинской обязанности и о военной службе, к этой категории военнослужащих неприменима. Как думается, окончание режима мобилизации будет зафиксировано соответствующим указом Президента Российской Федерации, в котором должна быть предусмотрена демобилизация мобилизованных военнослужащих. Следовательно, требуется внесение в ст. 51 Закона о воинской обязанности и о военной службе дополнения, предусматривающего увольнение с военной службы «в связи с демобилизацией».

Не все в порядке и с применением как к мобилизованным, так и всем иным военнослужащим *мер юридической ответственности* в период мобилизации и в военное время. Казалось бы, в таких условиях меры ответственности за правонарушения должны ужесточаться. Однако на практике получается иное. Так, в связи с приостановлением действия многих законодательных оснований увольнения с военной службы, в период мобилизации стало невозможным применить к военнослужащим такие строгие в мирных условиях виды дисциплинарных взысканий, как «досрочное увольнение с военной службы в связи с нарушением условий контракта» (п. 2 ст. 28.4 Федерального закона «О

статусе военнослужащих») и «в связи с утратой доверия» (подп. «д.1» и «д.2» п. 1 ст. 51, ст. 51.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»). Безусловно, в чрезвычайных условиях увольнение по указанным основаниям может быть воспринято частью военнослужащих как своего рода «поощрение», легальный способ уйти от необходимости рисковать жизнью и здоровьем. Сам собой напрашивается вывод о потребности в законодательном урегулировании вопросов юридической ответственности военнослужащих в военное время, в боевой обстановке и в период мобилизации путем возможного установления дополнительных мер дисциплинарного воздействия на правонарушителей, расширения объема дисциплинарных прав командиров (начальников).

Здесь мы вновь приходим к неоднократно поднимаемой в военно-правовой литературе проблеме формирования законодательства военного времени. Практика нормотворческой деятельности в условиях специальной военной операции убедительно подтвердила необходимость такого законодательства. Как справедливо утверждает С.В. Тарадонов, разработка законодательства военного времени (или «права вооруженных конфликтов») «... должна быть осуществлена задолго до объявления состояния войны, так как в условиях военного времени это будет сделать значительно сложнее. Наличие такого законодательства позволит с меньшими затратами организовать и обеспечить эффективное функционирование органов государственной власти, предприятий, учреждений, организаций и всего общества в экстремальной обстановке военного времени»¹.

Таким образом, подводя итог анализу применения законодательства о статусе военнослужащих и о военной службе в

¹ Тарадонов, С.В. Законодательство военного времени как комплексное нормативное правовое образование / С.В. Тарадонов // Военное право. — 2022. — № 5. — С. 21—34.

условиях режима мобилизация, можно сделать однозначный вывод о том, что эти вопросы должны регулироваться на законодательном уровне, а не подзаконными актами. Имеется настоятельная потребность во разработке и внесении в федеральные законы «О статусе военнослужащих» и «О воинской обязанности и военной службе» изменений, предусматривающих узаконение третьей самостоятельной категории военнослужащих — военнослужащие, проходящие военную службу по мобилизации. Попытка приравнять эту категорию к военнослужащим по контракту, как показывает правоприменительная практика, оказалась явно неудачной и несостоятельной.

Библиография

1. Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 888 с. — ISBN 978-5-042565-2-7. — EDN WODYT
2. Бараненкова, И.В. О «кредитных каникулах» для участников специальной военной операции и некоторых проблемах правоприменения / И.В. Бараненкова // Военное право. — 2022. — № 6. — С. 97—104.
3. Тарадонов, С.В. Законодательство военного времени как комплексное нормативное правовое образование / С.В. Тарадонов // Военное право. — 2022. — № 5. — С. 21—34.
4. Шеншин, В.М. О роли органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и войск национальной гвардии Российской Федерации в реализации возложенных на них полномочий при объявлении мобилизации / В.М. Шеншин // Военное право. — 2022. — № 6. — С. 90—96.

К вопросу о необходимости разработки концепции проекта федерального закона «О безвестном отсутствии граждан»

© Цыбизова Наталья Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права и процесса Сибирского
института управления РАНХиГС,
г. Новосибирск

Аннотация. В статье аргументируется необходимость создания концепции проекта федерального закона о безвестном отсутствии граждан и других категорий лиц, демонстрирующей потребность приведения в систему норм о безвестном отсутствии граждан, включая военнослужащих. Автор обосновывает, что концепция как доктринальный документ должна носить научно-исследовательский характер и составлять совокупность научно обоснованных положений и анализ современного состояния правового регулирования общественных отношений, а также предложение правовых средств для совершенствования правовой регламентации общественных отношений, складывающихся при безвестном отсутствии граждан.

Ключевые слова: концепция, проект федерального закона, безвестное отсутствие, без вести пропавшие, законодательство, специальная военная операция на Украине.

To the question of the need to develop the concept of the draft federal law "On the unknown absence of citizens"

© Tsybizova N.A.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of
the Department of Civil Law and Process of the
Siberian Institute of Management of RANEPA,
Novosibirsk

Annotation. The article argues for the need to create a concept of the draft federal law on the unknown absence of citizens and other categories of persons, demonstrating the need to bring into the system the norms on the unknown absence of citizens, including military personnel. The author substantiates that the concept as a doctrinal document should be of a scientific and research nature and constitute a set of scientifically based provisions and an analysis of the current state of legal regulation of public relations, as well as a proposal of legal means to improve the legal regulation of public relations that develop in the unknown absence of citizens.

Keywords: concept, draft federal law, unknown absence, missing persons, legislation, special military operation in Ukraine.

В условиях проведения специальной военной операции на Украине (СВО) особенно остро встает вопрос о безвестном отсутствии граждан, включая военнослужащих. Нельзя не согласиться с Фредериком де Мулинемом, давно заметившим, что «каждая воюющая сторона разыскивает лиц, о которых противная сторона сообщает как о пропавших без вести. С целью содействия их розыску противная сторона предоставляет все необходимые све-

дения о таких лицах»¹.

Ценность исследования безвестного отсутствия граждан нельзя переоценить. Однако интерес к изучению этого явления у научной общественности был ограничен, но при проведении СВО тема безвестного отсутствия военнослужащих стала особен-

¹ Мулинен Ф. Право войны. Руководство для вооруженных сил. Международный Комитет Красного Креста. М.: 1999. С. 73.

но острой и породила вопросы, на которые нет ответа. Именно поиск ответов на вопросы практического характера позволил бы развить тематику безвестного отсутствия граждан. Стоит сказать, что, хотя проблемам безвестного отсутствия уделялось определенное внимание в научной литературе (в основном при исследовании статуса физического лица), этими работами не были охвачены многие правовые аспекты безвестного отсутствия с учетом современного этапа развития правового регулирования.

Между тем, в связи с проведением СВО стали упоминаться нормы, принадлежащие разным отраслям права, регулирующим отношения, складывающиеся при безвестном отсутствии граждан, а также в случае явки лица, признанного безвестно отсутствующим.

Данная тема требует тщательной разработки и проведения масштабного исследования явления и его отдельных элементов для проведения определенной правовой политики. Правовую политику, как форму государственной политики, можно определить как деятельность государственных органов по созданию механизма правового регулирования в обеспечении прав и свобод граждан. Внедрение такой категории как «правовая политика» в систему категорий юридической науки способствует масштабному исследованию всех правовых явлений в обществе и их отдельных элементов через призму социальной ценности¹.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2001 г. № 576 «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов», необходима «общая характеристика и оценка состояния правового регулирования соответствующих общественных отношений». Для результативного решения проблем безвестного отсутствия военнослужащих, необходим универсальный подход, что позволит научно обосновать

основные направления правового регулирования.

При внесении законопроекта в Государственную Думу субъектом права законодательной инициативы должен быть представлен ряд документов, которые перечислены в Регламенте Государственной Думы. К ним относятся: пояснительная записка к законопроекту, содержащая предмет законодательного регулирования и изложение концепции предлагаемого законопроекта, текст законопроекта, перечень федеральных законов Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению изменению или принятию в связи с принятием данного федерального закона, а также финансовое обоснование принятия федерального закона.

Многолетнее изучение данных общественных отношений и истории развития рассматриваемого института законодательства позволило сделать вывод о необходимости создания научного произведения, а именно доктринального документа, демонстрирующего потребность приведения в систему норм о безвестном отсутствии граждан.

Следует учитывать, что «в действующем законодательстве употребляются термины «документ стратегического планирования», «программный документ», а также «концептуальный» документ и «доктринальный» документ». При этом ни одно из этих понятий не раскрывается².

Этому дается следующее объяснение: «Доктринальная форма преимущественно воплощается в проектах правовых актов, концепциях, в научной экспертизе, в предвидении развития юридических ситуаций, т.е. в доктринальных (научно обоснованных) документах. В данном случае доктринальные документы понимаются не как официальные акты, исходящие от компетентных субъектов и обладающие обязательностью, а как комплексные научные разработки, предложения ученых, адресо-

¹ Малько А.В., Гайворонская Я.В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 4—25.

² Ирошников Д.В., Нестеров С.В. Понятие и классификация концептуальных и доктринальных документов // Правовая инициатива. 2013. № 7. С. 7—17.

ванные правотворческим органам, т.е. доктринальные правовые акты, имеющие официальный характер и неофициальные доктринальные документы – принципиально разные с точки зрения юридического значения, юридических последствий, явления»¹.

Практическая значимость доктринального документа, создаваемого по отдельным направлениям правовой науки, заключается в том, что он может быть преобразован в доктринальный нормативный акт.

Необходимость в этом документе заключается в том, что доктринальный документ носит научно-исследовательский характер и составляет совокупность научно обоснованных положений, анализ современного состояния правового регулирования общественных отношений, предложение правовых средств для совершенствования правовой регламентации общественных отношений складывающихся при безвестном отсутствии граждан и других категорий лиц.

Безвестное отсутствие граждан и других категорий лиц, как институт законодательства, имеет относительную обособленность, что выражается в особенностях объединенных в нем правовых норм и в своеобразии предмета правового регулирования.

Безвестное отсутствие разных категорий граждан прерывает не только гражданско-правовые, но и другие связи, регулируемые иными отраслями права, что вызывает необходимость принятия норм в различных нормативных правовых актах.

Нормы о безвестном отсутствии граждан содержатся в таких нормативных актах, как Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ), Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ); Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ); Закон Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передви-

жения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»; Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»; Федеральный закон «О статусе судей в Российской Федерации»; Федеральный закон «О страховых пенсиях», Федеральный закон «О статусе военнослужащих», а так же в подзаконных нормативных правовых актах.

В то же время существующие нормы не в полной мере удовлетворяют потребностям правового регулирования, особенно в период проведения СВО на Украине, так как специфика безвестного отсутствия связана с особенностью практически каждого вида гражданского правоотношения, где субъект безвестно отсутствует.

Нельзя не согласиться, что «основная причина такого состояния дел кроется в недостаточной научной проработке вопросов решения общественных проблем»², одной из которых является безвестное отсутствие граждан.

Это позволяет говорить о необходимости доктринальной разработки темы безвестного отсутствия, соответствующей социальным и правовым потребностям современного российского общества и государства, дающей возможность создать полноценную нормативную правовую базу для регулирования отношений с участием безвестно отсутствующего. Для практической реализации выводов исследования нельзя не определить стадии безвестного отсутствия, его основные понятия, основные права безвестно отсутствующего, без вести пропавшего, а также основания, содержание, порядок приобретения и прекращения статуса безвестно отсутствующего, и гарантии его прав.

Для совершенствования данного института законодательства необходимо изменение и дополнение уже существующих норм. Так, в соответствии с ч. 2. ст. 45 ГК РФ военнослужащий или иной гражданин, пропавший без вести в связи с военными действиями, может быть объявлен судом

¹ Малько А.В., Гайворонская Я.В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 4—25.

² Кононов Л.А. Роль официальных документов: концепций, доктрин и стратегий в политическом управлении Российской Федерации» // Право и современные государства. 2017. № 2. С. 55—66.

умершим не ранее чем по истечении двух лет со дня окончания военных действий. При этом понятия «окончания военных действий» как такового, не существует ни в одном нормативном правовом акте. Эта проблема упоминается в статьях различных исследователей и ученых.

Изучение нормативных правовых актов позволяет выявить разночтение терминов и необходимость создания целостного понятийного аппарата института безвестного отсутствия.

Так, в п. 8 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» говорится, что в случае безвестного отсутствия военнослужащих за ними сохраняется статус военнослужащих до признания их в установленном законом порядке безвестно отсутствующими, сохраняются материальные и иные виды обеспечения которые выплачиваются (выдаются) супругам или другим членам семей военнослужащих, проживающим совместно с ними, в порядке определяемом Правительством Российской Федерации, до полного выяснения обстоятельств захвата в плен или в качестве заложников, интернирования военнослужащих или их освобождения либо до признания их в установленном законом порядке безвестно отсутствующими или объявления умершими».

В п. 1 Правил выплаты супруге (супругу) или другим членам семьи денежного довольствия военнослужащих, захваченных в плен или в качестве заложников, интернированных в нейтральных странах либо безвестно отсутствующих», утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2000 г. № 524, , говорится, что семьям военнослужащих, захваченных в плен или в качестве заложников, интернированных в нейтральных странах либо безвестно отсутствующих, ежемесячно выплачивается денежное довольствие, в том числе месячные и иные дополнительные выплаты, в размерах, причитающихся военнослужащему ко дню захвата в плен или в качестве заложника, интернирования в нейтральных странах либо безвестного отсутствия.

В соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 18 де-

кабря 2020 г. № 695 «Об определении Порядка осуществления выплат членам семьи военнослужащего, проходившего военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, в случае его гибели (смерти), признания его безвестно отсутствующим или объявления его умершим» командир воинской части, начальник (руководитель) организации Вооруженных Сил Российской Федерации в 10-дневный срок со дня гибели (смерти) военнослужащего, признания его безвестно отсутствующим или объявления его умершим, гибели (смерти) гражданина, призванного на военные сборы, письменно уведомляет членов семьи об осуществлении выплат. Анализируя данный пункт приказа, необходимо сделать вывод, что члены семьи военнослужащего, признанного безвестно отсутствующим должны получить уведомление через 2 года и 10 дней?

Представляется, что речь идет о военнослужащем, пропавшем без вести, и, что члены семьи данного военнослужащего должны получить уведомление через 10 дней после его пропажи. Это уведомление ляжет в основание заявления о признании военнослужащего безвестно отсутствующим.

Очевидна необходимость уточнения понятия «безвестного отсутствия военнослужащего», «безвестно отсутствующего военнослужащего» и «без вести пропавшего военнослужащего».

Так, под безвестным отсутствием военнослужащего следует понимать гражданское состояние, в котором равное значение имеют обстоятельства фактического характера (отсутствие в месте дислокации воинской части, к которой был прикреплен военнослужащий и отсутствие в течение определенного срока сведений о месте пребывания этого лица), а также обстоятельства правового характера (вынесенное судом решение о признании гражданина безвестно отсутствующим).

Между тем под безвестно отсутствующим военнослужащим следует понимать лицо, место пребывания которого неизвестно в течение двух лет после окончания военных действий и в

отношении которого судом вынесено решение о признании его безвестно отсутствующим.

Для признания военнослужащего безвестно отсутствующим необходимо обосновать требование о признании безвестно отсутствующим военнослужащего, для этого потребуются документы, которые необходимо получить от командования, что не всегда возможно. Может появиться необходимость вызова свидетелей, что тоже может быть затруднительно (свидетель может находиться на линии соприкосновения с противником, может быть ранен или убит). В заявлении должны быть указаны обстоятельства, которые подтверждают факт отсутствия лица (запросы из военкомата или воинской части, к которой был прикреплен военнослужащий).

Признание военнослужащего безвестно отсутствующим предполагает наступление соответствующих правовых последствий.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей» в целях предоставления дополнительных мер социальной поддержки семей военнослужащих, в случае гибели (смерти) военнослужащих, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальное звание полиции, принимавших участие в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины, военнослужащих, выполнявших специальные задачи на территории Сирийской Арабской Республики, либо смерти указанных военнослужащих и лиц до истечения одного года со дня их увольнения с военной службы (службы), наступившей вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных ими при исполнении обязанностей военной службы (службы),

членам их семей осуществляется единовременная выплата в размере 5 млн. руб. в равных долях.

Представляется, что до признания военнослужащего безвестно отсутствующим он будет военнослужащим пропавшим без вести, т.е. лицом, исчезнувшим из места дислокации воинской части к которой был прикреплен, в связи с проведением военных действий или военных операций.

Это понятие также должно иметь правовое значение, так как именно уведомление о пропаже без вести при проведении военных действий или проведения военных операций, дает возможность делать запросы, проводить поиски пропавшего без вести военнослужащего, собирать материалы для вынесения решения о признании военнослужащего безвестно отсутствующим.

Понятие «пропавший без вести» было в употреблении в том числе и во время Великой Отечественной войны. Оно употреблялось официальными органами, в литературных произведениях о Великой Отечественной войне, средствах массовой информации, в быту.

Следует констатировать, что возникла социальная и правовая потребность в систематизации норм о безвестном отсутствии в определенную систему, где все нормы будут действовать совместно, дополняя друг друга, что предполагает наличие иного законодательства, а именно создание детально разработанного федерального закона «О безвестном отсутствии граждан и других категорий лиц», принятие которого предусмотрено в ст. 43 ГК РФ.

Возможно, с позиции законодателя более целесообразным являлось бы появление закона, объединяющего два института: безвестного отсутствия и объявления умершим.

Представляется, что положения этого федерального акта должны носить в основной массе императивный характер, кроме норм, связанных с регулированием договорных и других отношений, которые в законодательстве носят диспозитивный

характер. В итоге требуется обеспечить институту безвестного отсутствия граждан структурное единство.

В то же время федеральный закон не может носить исключительно цивилистический характер. Тем не менее, основания признания гражданина безвестно отсутствующим установлены ГК РФ и в основание следует положить правовое регулирование безвестного отсутствия граждан и других категорий лиц с гражданско-правовых позиций.

Стоит говорить о программе действий по доведению доктринального документа (или доктринальных документов отраслевого характера) до уровня федерального закона.

Следует отметить, что в ГК РФ необходимость в нормах о безвестном отсутствии ощущается практически во всех разделах: договоры, сделки, ответственность и другие. Очевидно, что отсутствует и единообразная практика применения соответствующих норм. У безвестно отсутствующего, в том числе и безвестно отсутствующего военнослужащего, могут быть обязательства не только алиментного характера в отношении нетрудоспособных членов семьи, состоящих на его иждивении, у данного гражданина может находиться в собственности или в пользовании имущество, требующее управления, корпоративные права, реализация которых влияет на правовой статус множества заинтересованных лиц.

Так, необходимо определение структуры имущества безвестно отсутствующего гражданина и других категорий лиц, определение способов проведения учета, оценки и документального оформления имущества безвестно отсутствующего гражданина и других категорий лиц; компенсации за несохраненное имущество безвестно отсутствующего, определение режима договорных обязательств безвестно отсутствующего гражданина.

Между тем, нельзя не согласиться со следующим замечанием Т.Я. Хабриевой «Представляется ошибочной едва ли не общепринятая позиция рассматривать факт издания нормативного правового акта как

решение проблемы»¹. Однако именно принятие закона позволит определить характер правового регулирования общественных отношений, направленных на решение актуальных проблем — на защиту прав и законных интересов субъектов, в частности без вести пропавших и безвестно отсутствующих и совершенствование правового регулирования безвестного отсутствия.

Разработка концепции проекта федерального закона о безвестном отсутствии граждан имеет своей целью доктринальную разработку темы безвестного отсутствия, соответствующей социальным и правовым потребностям современного российского общества и государства, позволяющей создать полноценную нормативную правовую базу для регулирования отношений с участием безвестно отсутствующего.

Библиография

1. Ирошников, Д.В. Понятие и классификация концептуальных и доктринальных документов / Д.В. Ирошников, С.В. Нестеров // Правовая инициатива. — 2013. — № 7. — С. 7—17.
2. Кононов, Л.А. Роль официальных документов: концепций, доктрин и стратегий в политическом управлении Российской Федерации / Л.А. Кононов // Право и современные государства. — 2017. — № 2. — С. 55—66.
3. Концепции развития российского законодательства / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. — М.: Эксмо, 2010.
4. Малько, А.В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики / А.В. Малько, Я.В. Гайворонская // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2018. — № 1. — С. 4—25.
5. Мулинен Ф. Право войны. Руководство для вооруженных сил. Международный Комитет Красного Креста / Ф. Мулинен. — М., 1999.

¹ Концепции развития российского законодательства / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М.: Эксмо, 2010. С. 17.

Актуальные вопросы реализации жилищных прав военнослужащих в современных условиях

© **Щукина Татьяна Владимировна**,
доктор юридических наук, доцент, профессор 20
кафедры ФГКВБОУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации

© **Спирин Николай Дмитриевич**,
офицер группы защиты имущественных прав
организационно-планового отдела Департамента
строительства Федеральной службы войск
национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация. В статье представлены результаты анализа нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики по выплате военнослужащим (членам их семей), реализовавшим право на жилище посредством участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения, денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений. При проведении исследований были учтены изменения законодательства о жилищном обеспечении военнослужащих по состоянию на ноябрь 2022 г.

Ключевые слова: право на жилище; правовой статус военнослужащего; денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим; накопительная ипотечная система.

Actual issues of realization of housing rights of military personnel in modern conditions

© **Shchukina T.V.**,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the
20th Department of the Prince Alexander Nevsky
Military University of the Ministry of Defense of the
Russian Federation

© **Spirin N.D.**,
Officer of the Property Rights Protection Group of
the Organizational and Planning Department of the
Construction Department of the Federal Service of
the National Guard Troops of the Russian
Federation

Annotation. The article presents the results of the analysis of regulatory regulation and law enforcement practice on the payment of military personnel (members of their families) who have realized the right to housing through participation in the accumulative mortgage system of housing provision, monetary compensation for the rental (subletting) of residential premises. During the investigations, changes in the legislation on housing provision for military personnel as of November 2022 were taken into account.

Keywords: the right to housing; the legal status of a serviceman; monetary compensation for the hiring (subletting) of residential premises by a serviceman; accumulative mortgage system.

Одной из гарантий социальной защищенности военнослужащих выступает право на жилище. Оно заключается в том, что «государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помеще-

ниями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений либо предоставления им жилых помещений в порядке и на условиях, установленных федераль-

ным законодательством, за счет средств федерального бюджета»¹. На значимость эффективного жилищного обеспечения указывает Президент Российской Федерации, отмечая: «Важнейший показатель, характеризующий состояние Вооруженных Сил, — это состояние системы социальных гарантий для военнослужащих и членов их семей»².

Главным и приоритетным направлением в сфере социальной защищенности военнослужащих остается реализация их жилищных прав. Ученые, системно исследуя данные вопросы, определяют факт того, что до сих пор эти права «продолжают являться неким "трендом" среди проблемных вопросов, связанных с прохождением военной службы»³.

Профессора В.М. Корякин, А.В. Кудашкин, в свою очередь, сформулировали основополагающий тезис, ставший своеобразной догмой: «право военнослужащих на жилище может стать реальностью только в том случае, если имеются соответствующие гарантии реализации данного важнейшего социального права. Гарантии в жилищном обеспечении охватывают совокупность объективных и субъективных факторов, направленных на реализацию жилищных прав военнослужащих»⁴.

В этом же ключе Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 18 июля 2018 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности пункта 15 статьи 15 Федерального закона "О статусе военнослужащих" в связи с жалобой гражданина А.В. Удовиченко» определяет необходимость со стороны федерального законодателя создавать социальные гаран-

тии для военнослужащих в связи с прохождением ими военной службы. Конституционным Судом Российской Федерации военная служба фиксируется как «особый вид государственной службы, непосредственно связанной с обеспечением обороны страны и безопасности государства».

Конституционный Суд Российской Федерации систематически связывает особый характер военной службы с обязанностью государства обеспечивать военнослужащих дополнительными мерами социальной защиты, включая обеспечение жильем. Свое мнение судебный орган обосновывает тем, что военнослужащие выполняют задачи, «сопряженные с опасностью для их жизни и здоровья и иными специфическими условиями прохождения службы» (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 апреля 2007 г. № 5-П, от 27 февраля 2012 г. № 3-П, от 19 апреля 2018 г. № 16-П и др.). Как отмечается в научных исследованиях, «решения Конституционного Суда РФ по делам о проверке конституционности законов и иных нормативных правовых актов имеют, по сути, нормативный характер и как таковые приобретают прецедентное значение, поскольку распространяются не только на конкретный случай, но и на все аналогичные случаи и имеют официальный характер, делающий их реализацию обязательной на всей территории страны»⁵.

Отсутствие в течение длительного периода времени практических решений, касающихся *улучшения жилищных условий военнослужащих* как одного из наиболее значимых вопросов социальной обеспеченности данной категории граждан, привело к снижению престижа военной службы, уменьшению заинтересованности в результатах служебной деятельности, а в недалеком прошлом стало также причиной массового увольнения квалифицированных кадров из войск.

Совершенствование законодательства, касающегося жилищных прав военнослу-

¹ Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

² Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 26 апреля 2007 г. // Российская газета. 2007. № 90.

³ Иванов В.Ю. К вопросу о двойном обеспечении жильем участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих // Военное право. 2018. № 6(52). С. 116—120.

⁴ Корякин В.М., Кудашкин А.В. Жилищное обеспечение военнослужащих: понятие, формы, гарантии // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2017. № 10. С. 57—71.

⁵ Корякин В.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам военного права : монография. М.: За права военнослужащих, 2006. С. 20.

жащих, и поэтапное внедрение новых элементов в системе обеспечения военнослужащих жильем обусловило появление в Российской Федерации «трех основных механизмов обеспечения постоянным жильем военнослужащих: предоставление постоянного жилья по договорам социального найма или в собственность бесплатно; предоставление субсидий на покупку жилья; военная ипотека или накопительно-ипотечная система (НИС)»¹.

Помимо обеспечения военнослужащих постоянным жильем статьей 15.3 Федерального закона «О статусе военнослужащих» предусмотрена денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений, которая выплачивается ежемесячно за счет и в пределах средств федерального бюджета. Порядком расчета и размера выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим-гражданам Российской Федерации и иным лицам, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2009 г. № 909, определен порядок и размеры выплаты денежной компенсации военнослужащим-гражданам Российской Федерации (членам их семей), включенным в список нуждающихся в служебных жилых помещениях². Данным Порядком детально разъяснена реализация права на денежную компенсацию военнослужащим за наем (поднаем) жилых помещений.

Однако до недавнего времени по данному вопросу складывалась неблагоприятная правоприменительная практика. Так, военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, реализовавшим право на жилище, посредством участия в накопительно-ипотечной системе жилищ-

ного обеспечения военнослужащих, компенсация за поднаем не полагалась и не выплачивалась.

Данный факт заставлял военнослужащих, существенно уменьшая свое финансовое благосостояние, осуществлять аренду жилых помещений за счет средств денежного довольствия. Кроме того, в случае выявления вышестоящим органом военного управления (в ходе проведения ревизии финансово-хозяйственной деятельности, аудиторской проверки и иных форм контроля) военнослужащего (членов его семьи), включенного в списки нуждающихся в специализированных жилых помещениях и ранее реализовавшего право на жилище путем участия в НИС, одновременно получающего компенсацию за поднаем, размер выплаченной компенсации такому военнослужащему за поднаем относился на баланс учреждения в виде ущерба и подлежал взысканию.

В связи с этим стала складываться правоприменительная практика при рассмотрении данной категории дел военными судами. Например, решением Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 23 сентября 2019 г. по делу 2-338/2019 с военнослужащего в счет неосновательного обогащения была взыскана денежная сумма в размере 225 000 руб., выплаченная ему ранее за поднаем. Принимая данное решение, суд пришел к выводу о том, что военнослужащий обязан возвратить неосновательное обогащение, выплаченное ему без установленных законом и иными правовыми актами оснований в виде денежной компенсации за поднаем жилого помещения, в случае реализации им права на жилище, предусмотренного НИС. Указанное решение суда было оставлено без изменения апелляционным определением 1-го Западного окружного военного суда 19 декабря 2019 г. № 33-665/2019.

Не согласившись с данными судебными актами, военнослужащий с которого были взысканы денежные средства в счет неосновательного обогащения, подал кассационную жалобу.

По результатам рассмотрения жалобы Кассационный военный суд указал, что «в

¹ Андрияков А.Д. Сравнение стоимости различных механизмов обеспечения постоянным жильем военнослужащих в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 10-1(61). С. 194—202.

² О порядке расчета и размерах выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим-гражданам Российской Федерации и иным лицам в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих»: постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909.

соответствии с абзацем первым пункта 1 статьи 15 Федерального закона "О статусе военнослужащих" государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений либо предоставления им жилых помещений в порядке и на условиях, установленных федеральными законами, за счет средств федерального бюджета»¹. По мнению суда, получение участником НИС денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений (целевого жилищного займа, накоплений или денежных средств, дополняющих накопления) в соответствии с п. 15 ст. 15 Закона и ч. 1 ст. 4, п. 2 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» является исполнением перед ним государством своих обязательств по жилищному обеспечению, исключающим предоставление служебного жилого помещения и, как следствие, выплату денежной компенсации за поднаем жилого помещения.

В последующем указанная выше правоприменительная практика была изменена. Решение 235 гарнизонного военного суда от 23 августа 2021 г. по делу № 2-81/2021, которым были удовлетворены иски о взыскании с военнослужащего денежных средств в размере 239 000 руб. в счет неосновательного обогащения было отменено определением 2-го Западного окружного военного суда 7 декабря 2021 г. (дело № 33-1379). Отменяя решение суда первой инстанции 2-й Западный окружной военный суд указал, что «в соответствии с пунктом 3 статьи 1109 ГК РФ не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, алименты и иные денежные суммы, предоставленные гражда-

нину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счетной ошибки. Не считаются неосновательным обогащением и не подлежат возврату в качестве такового денежные суммы, предоставленные гражданину, которые предназначены для удовлетворения его необходимых потребностей и возвращение которых поставило бы гражданина в трудное материальное положение»².

Вместе с тем закон устанавливает исключения из этого правила, а именно излишне выплаченные суммы должны быть получателем возвращены, если их выплата явилась результатом недобросовестности с его стороны или счетной ошибки. Целью выплаты денежной компенсации за нанимаемое жилое помещение является возмещение военнослужащим расходов, которые они вынуждены нести в связи с необходимостью арендовать жилье по месту военной службы. Названная компенсация в числе иных гарантий и компенсаций направлена на защиту интересов военнослужащих и призвана обеспечить военнослужащим надлежащий уровень жизни в период до фактической реализации ими конституционного права на жилище в установленных законом формах.

Следовательно, денежная компенсация по своей правовой природе может быть отнесена к средствам существования, поэтому спорные денежные средства подлежали бы возврату как неосновательное обогащение только в случае, если их получение ответчиком явилось следствием недобросовестности с его стороны или счетной ошибки. Командованием воинской части недобросовестность ответчика доказана не была, документы, подтверждающие недобросовестность ответчика в материалы дела также представлены не были. Более того, истцу было доподлинно известно о реализации военнослужащим своего права на жилище в рамках НИС, но дей-

¹ Определение Кассационного военного суда от 3 июня 2020 г. по делу № 8Г-1008/2020[88-1074/2020]: [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/314455411/paragraph/1/doclist/1030/>

² Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам 2-го Западного окружного военного суда от 7 декабря 2021 г. по делу № 33-1379/2021 : [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/325601454/paragraph/5/doclist/1074/>

ствий, направленных на прекращение выплаты компенсации за поднаем ответчику, им своевременно предпринято не было.

Указанные выше судебные акты были оставлены без изменения Кассационным военным судом 16 марта 2022 г.¹ Благодаря изменениям правоприменительной практики взыскание денежных средств с военнослужащих, реализовавших право на жилище путем участия в НИС, ранее получавшими компенсацию за поднаем, был разрешен органами судебной власти Российской Федерации в пользу военнослужащих (членов их семей).

Однако органами судебной власти Российской Федерации вопрос получения компенсации за поднаем военнослужащими (членами их семей), претендующими на включение в списки нуждающихся в специализированных жилых помещениях, ранее реализовавшими право на жилище путем участия в НИС, разрешен не был, в том числе и по причине принципа разделения властей, указанного в ст. 10 Конституции Российской Федерации, который предполагает не только распределение властных полномочий между органами различных ветвей государственной власти, но и взаимное уравнивание ветвей власти, невозможность ни для одной из них подчинить себе другие.

В связи с этим, военнослужащим (членам их семей), реализовавшим право на жилище путем участия в НИС, продолжали отказывать во включении их в списки нуждающихся в специализированных жилых помещениях и, как следствие, в выплате компенсации за нанимаемое жилое помещение.

Следует отметить, что органами законодательной власти Российской Федерации, в том числе на основании обращений федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, в которых предусмотрена военная служба, была проведена работа по разрешению сложившейся ситуации. Результатом данной работы

стало принятие Федерального закона от 28 июня 2022 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О статусе военнослужащих"». Данным федеральным законом были дополнены и изменены ст. 15.1, 15.2 и 15.3. Пункт 1 ст. 15.3 Федерального закона «О статусе военнослужащих» предусматривает возможность выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим, включенным в списки нуждающихся в специализированных жилых помещениях, в случае невозможности предоставления им служебных жилых помещений, жилых помещений в общежитиях или арендованных жилых помещений. Статья 15.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» расширяет возможности для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, и проживающих совместно с ними членов их семей на включение в списки нуждающихся в специализированных жилых помещениях при наличии в собственности индивидуальных жилых домов (жилых помещений).

Хотелось бы отметить, что в настоящее время органами, осуществляющим включение в список нуждающихся в специализированных жилых помещениях, при рассмотрении соответствующих вопросов необходимо обращать внимание лишь на обеспеченность жилыми помещениями военнослужащих (членов их семей) в населенных пунктах, в которых располагаются воинские части (организации, учреждения, органы), закрытых военных городках (место прохождения военной службы) или близлежащих населенных пунктах. Данный вывод согласуется с требованиями п. 1 ст. 15.2 Федерального закона.

Законодатель продолжает активно совершенствовать правовое регулирование жилищного обеспечения военнослужащих. Так, Федеральным законом от 16 октября 2019 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статью 15 Федерального закона "О статусе военнослужащих"» пункт 3 соответствующей статьи Закона дополнен абзацем следующего содержания: «в случаях, если участники накопительно-ипотечной си-

¹ Определение Кассационного военного суда от 16 марта 2022 г. по делу № 8Г-405/2022[88-552/2022] : [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/326909178/paragraph/1/doclist/1094/0>

стемы являются членами семей военнослужащих или граждан, уволенных с военной службы, и совместно проживают с ними, указанные участники накопительно-ипотечной системы учитываются при признании этих военнослужащих или граждан нуждающимися в жилых помещениях».

Указанным выше федеральным законом была обеспечена реализация Постановления Конституционного Суда от 20 июля 2018 г. № 34-П: устранен признанным неконституционным и ущемляющим права военнослужащего запрет на обеспечение военнослужащего, являющегося членом семьи лица, проходящего военную службу по контракту и включенного в реестр участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, жилым помещением иным способом, нежели путем приобретения или строительства жилых помещений по программе НИС.

Федеральным законом было уточнено, что участники НИС жилищной субсидией либо жилыми помещениями в собственность бесплатно или по договору социального найма не обеспечиваются, за исключением случаев обеспечения их жилищной субсидией или жилыми помещениями в составе членов семей военнослужащих-граждан, проходящих военную службу по контракту, и граждан, уволенных с военной службы, признанных нуждающимися в жилых помещениях.

Позднее, 22 июня 2020 г., Верховным Судом Российской Федерации требования об «однократности» обеспечения жилым помещением члена семьи военнослужащего (в составе члена семьи собственника либо самостоятельно в качестве участника НИС) были исключены из Обзора практики рассмотрения военными судами дел о реализации прав на участие в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих и членов их семей, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 января 2016 г. (см. Обзор Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2020 г. № 2).

Таким образом, в настоящее время военнослужащий-участник НИС, являющийся

членом семьи военнослужащего, обеспечиваемого жилым помещением для постоянного проживания, обеспечивается жилым помещением в качестве члена семьи, а в последующем имеет самостоятельное право на жилище, посредством участия в НИС.

Вместе с тем, новеллы закона, разрешив одну коллизию, фактически создали другую. Дело в том, что на протяжении длительного времени при рассмотрении вопросов реализации жилищных прав военнослужащих органы, осуществляющие решения о предоставлении жилого помещения для постоянного проживания военнослужащему (членам его семьи), руководствовались принципом «однократности» обеспечения жильем. Участники НИС в данном случае не являлись исключением, супруга (супруг) могли реализовать право на жилище либо как военнослужащий, либо как член семьи военнослужащего при условии исключения из реестра участников НИС.

В связи с этим до внесения изменений в закон участники НИС, изъявившие желание быть обеспеченными жильем в составе своих семей (предоставление жилого помещения «в натуре»), были вынуждены инициировать исключение из реестра участников НИС (см. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2016 г. № 201-КГ16-39).

Так как требования Федерального закона о НИС не содержат добровольного исключения из реестра участников НИС, то в большинстве случаев исключение из реестра участников происходило на основании судебных актов. Вместе с тем, суды, удовлетворяя требования военнослужащих-участников НИС об исключении их из соответствующего реестра, приходили к выводу о том, что в правовой взаимосвязи п. 2 ст. 9 и п. 1 ст. 9 ГК РФ, граждане осуществляют принадлежащие им права по своему усмотрению, своей волей и в своем интересе. Таким образом, недопустимо понуждать участников НИС к реализации определенного поведения, составляющего содержание прав (реализация права на жилище посредством участия в НИС).

Кроме того, судами при рассмотрении данной категории дел устанавливалось что военнослужащий, исключаящийся из НИС, реализует право на жилище в качестве члена своей семьи (супруг, супруга).

Необходимо обратить внимание что ни накопления для жилищного обеспечения, ни выплата денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, военнослужащему, исключаемому из НИС на основании судебного решения, в силу закона о НИС, положена не была и фактически не выплачивалась.

Таким образом, приходим к выводу о том, что указанной категорией граждан (исключенным из реестра участников НИС для обеспечения жилым помещением в качестве члена семьи военнослужащих) право на жилище реализовано не было.

Вместе с тем после принятия изменений в закон военнослужащие, ранее исключенные из реестра участников НИС на основании судебных актов, стали задаваться справедливым вопросом: по какой причине они не могут являться участниками НИС в настоящее время? Ведь право на предоставления жилого помещения посредством участия в НИС ими реализовано не было. Так, семья, в которой один из военнослужащих является участником НИС, а другой, обеспечиваемый жильем для постоянного проживания и не получивший соответствующее жилое помещение на дату принятия изменений в закон, фактически имеет право и на предоставление жилого помещения с учетом участника НИС (непосредственно в «натуре»), и на реализацию права на жилище непосредственно участником НИС.

К сожалению, при рассмотрении категории дел о включении в реестр участников НИС военнослужащих, ранее исключенных из реестра на основании судебных актов, сложилась негативная правоприменительная практика. Необходимо разрешение существующих коллизий законодателем.

Так, определением Кассационного военного суда от 12 июля 2022 г. № 88а-

1203/2022¹, ранее принятые по делу судебные акты, которыми были удовлетворены требования административного истца по включению в реестр участников НИС, ранее исключенного из реестра участников НИС в связи с обеспечением жилым помещением для постоянного проживания в составе члена семьи, были отменены и направлены на новое рассмотрение в Московский гарнизонный военный суд. Принимая данное определение, Кассационный военный суд установил, что административный истец был исключен из реестра участников НИС на основании судебных актов, данный довод преюдиционен. Более того, административный истец добровольно отказался от осуществления права на жилище посредством участия в НИС ранее, а нижестоящими судами данный довод был оставлен без внимания. Рассмотрев материалы, поступившие из Кассационного военного суда, Московский гарнизонный военный суд отказал в удовлетворении требований административного истца в полном объеме. Принимая данное решение, суд указал на «преюдиционность» обеспечения административного истца жилым помещением в составе члена семьи и, соответственно, реализацию им права на жилище. (см. решение Московского гарнизонного военного суда от 17 октября 2022 г. 2а-439/2022).

Однако норма п. 2 ст. 9 ГК РФ не запрещает отказ от права — она попросту о нем не говорит. При этом он подразумевает пассивное неосуществление права, а равно выражение воли на его неосуществление в иной форме, которые сами по себе не влекут прекращения права. Как следствие, отказ от осуществления права — это волеизъявление, направленное на временное или иное ограничение свободы осуществления права без утраты права как такового. Под отказом же от права логично понимать волеизъявление, направленное на бесповоротный отказ от имеющегося права, влекущий его прекращение².

¹ Кассационное определение Кассационного военного суда от 12.07.2022 г. № 88а-1203/2022 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

² Саркисян А.В., Новосельнов Д.А. Об отказе от права и его последствиях // Вестник

На основании изложенного и с целью урегулирования сложившейся ситуации законодателю необходимо инициировать внесение изменений в ст. 9 Федерального закона о НИС, конкретизировав правовой статус участников НИС. Иными словами, необходимо создать новую категорию участников НИС, разрешить негативно сложившуюся правоприменительную практику, повысив престиж и заинтересованность к военной службе граждан, в том числе, обеспеченных жилым помещением для постоянного проживания в качестве члена семьи, ранее исключенных из реестра участников НИС на основании судебных актов.

Согласно Федеральному закону от 4 ноября 2022 г. № 422-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих"» (далее — Закон № 442-ФЗ) в Федеральный закон о НИС внесены изменения, согласно которым так п. 3 ч. 1 ст. 4 Закона о НИС изложен в следующей редакции: «предоставления уполномоченным федеральным органом по решению федерального органа исполнительной власти или федерального государственного органа, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, дополнительной выплаты в размере и в порядке, которые устанавливаются Правительством Российской Федерации». Данные изменения устанавливают, что дополнительная выплата производится уполномоченным органом, которым согласно п. 1 Указа Президента Российской Федерации от 20 апреля 2005 г. № 449 «Вопросы накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих», является ФГКУ «Росвоенипотека». Данное учреждение единолично выполняет функцию по дополнительной выплате, фактически замыкая данную функцию на себе. Указанные изменения предотвратят расходование бюджетных средств на дополнительную выплату участникам НИС федеральными органами исполнительной власти или федеральными государственными

органами, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

До внесения изменений в закон у федеральных органов довольно часто отсутствовало необходимое количество лимитов бюджетных обязательств на выплату денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения военнослужащим. Такая ситуация приводила к возникновению судебных процессов, искусственному затягиванию сроков выплаты денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения военнослужащим.

Принятие Закона № 442 - ФЗ исключит практику необоснованной задержки дополнительной выплаты федеральными органами и фактически предотвратит возникновение аналогичных ситуаций в дальнейшем.

Необходимо отметить, что решение о дополнительной выплате, согласно ст. 7 Федерального закона о НИС, отнесено к компетенции федеральных органов.

Таким образом, законодатель, принимая Закон № 442-ФЗ, учел определенные нюансы и фактически дифференцировал обязанности «регистрирующего» и «полномочного» органа по дополнительной выплате.

Также ч. 3 ст. 7 Федерального закона о НИС дополнена пунктом 4 следующего содержания: «выявление факта включения в реестр участников военнослужащего, у которого отсутствуют основания, предусмотренные частью 2 настоящей статьи, в случае, если такой участник на дату выявления указанного факта не реализовал права, предусмотренные пунктами 1 и 2 части 1 статьи 11 настоящего Федерального закона».

Новеллой установлено, что военнослужащий, ошибочно включенный в реестр участников НИС, подлежит исключению из реестра. В случае, если военнослужащий на дату выявления такого факта реализовал право, предусмотренное п. 2 ч. 2 ст. 11 Федерального закона о НИС, то он исключается из реестра после прекращения заключенного им с уполномоченным органом договора целевого жилищного займа в связи с выполнением сторонами

своих обязательств, но не ранее достижения военнослужащим общей продолжительности военной службы 20 лет.

Необходимо отметить что данные изменения согласуются с позицией Конституционного Суда Российской Федерации (Постановление от 14 января 2016 г. № 1-П), в котором указано на необходимость соблюдения принципов правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, которые гарантируют гражданам, что решения принимаются на основе строгого исполнения законодательных предписаний, а также внимательного и ответственного подхода к оценке фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение прав, тщательности при оформлении соответствующих документов, подтверждающих наличие условий, необходимых для реализации этих прав, с тем чтобы гражданин как участник соответствующих правоотношений мог быть уверен в стабильности своего официально признанного статуса и в том, что приобретенные в силу этого статуса права будут уважаться государством и будут реализованы¹.

Ранее механизм исключения из реестра участников НИС ошибочно включенного в него военнослужащего на законодательном уровне закреплен не был. В связи с этим военнослужащим приходилось неоднократно доказывать свою обоснованность включения в реестр участников НИС, в том числе и в судебном порядке (см., например, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2017 г. № 206-КГ17-4).

Закон № 442-ФЗ также улучшает права военнослужащих-участников НИС, принимающих (принимавших) участие в бое-

вых действиях, операциях, боевых заданиях, в том числе в выполнении боевых задач за пределами территории Российской Федерации в части, касающейся «ускоренного порядка» на заключение с уполномоченным федеральным органом договора целевого жилищного займа, а именно с даты включения участника в реестр участников НИС (ч. 1.2 ст. 14 Федерального закона о НИС).

Таким образом, к участникам боевых действий не применяется необходимый минимальный трехлетний срок участия в НИС для возникновения права на заключение договора целевого жилищного займа.

Проведенный анализ правоприменительной практики и новелл правового регулирования обеспечения жильем военнослужащих позволил определить правоотношения, которые претерпели изменения:

1) порядок исключения из числа участников НИС военнослужащих, включенных в реестр НИС ранее при отсутствии соответствующих оснований;

2) право участников специальной военной операции на заключение договора целевого жилищного займа независимо от срока нахождения в реестре участников НИС;

3) предоставление дополнительной выплаты военнослужащим через уполномоченный федеральный орган (ФГКУ «Росвоенипотека») при закрытии их именных накопительных счетов и исключении из реестра участников НИС с правом на использование накоплений для жилищного обеспечения. Бюджетные ассигнования на формирование накопительных взносов участников НИС и денежные средства, предназначенные для предоставления дополнительных выплат, перечисляются из федерального бюджета на счет уполномоченного федерального органа и учитываются на именных накопительных счетах участников в течение всего периода их военной службы, что исключит необоснованное затягивание процесса доведения дополнительной выплаты до военнослужащего (членов его семьи) при недостаточности лимитов бюджетов обязательств у федерального органа исполнительной

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2016 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» в связи с жалобой гражданина С.В. Иванова».

власти, в котором предусмотрена военная служба.

Библиография

1. Андряков, А.Д. Сравнение стоимости различных механизмов обеспечения постоянным жильем военнослужащих в Российской Федерации / А.Д. Андряков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 10-1(61). — С. 194—202.
 2. Иванов, В.Ю. К вопросу о двойном обеспечении жильем участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих / В.Ю. Иванов // Военное право. — 2018. — № 6(52). — С. 116—120.
 3. Корякин, В.М. Жилищное обеспечение военнослужащих: понятие, формы, гарантии / В.М. Корякин, А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 10. — С. 57—71.
 4. Корякин, В.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам военного права : монография / В.М. Корякин. — М.: За права военнослужащих, 2006. — 270 с. — ISBN: 5-93297-063-4.
 5. Саркисян, А.В. Об отказе от права и его последствиях / А.В. Саркисян, Д.А. Новосельнов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2017. — № 4. — С. 93—131.
-

Судебная, прокурорская, правоохранительная деятельность

Влияние научного познания на процесс разработки и реализации тактики надзорной деятельности прокуратуры

© Махьянова Римма Мубараковна,
кандидат юридических наук, доцент 25 кафедры
ФГКВУ ВО «Военный университет имени князя
Александра Невского» Министерства обороны
Российской Федерации

Аннотация. В статье обосновано использование прокурорами на постоянной основе логики, теоретического и эмпирического познания в целях разработки целесообразной тактики надзорной деятельности прокуратуры применительно к условиям надзорной ситуации. Выявлены свойства тактического мышления, определены признаки тактических приемов.

Ключевые слова: тактика надзорной деятельности прокуратуры; этапы надзорной деятельности прокуратуры; надзорная ситуация; тактические приемы; тактическое мышление; логика; научное познание.

The influence of scientific knowledge on the process of developing and implementing the tactics of supervisory activities of the Prosecutor's Office

© Makhiyanova R.M.,
Candidate of Law, Associate Professor of the 25th
Department of the Prince Alexander Nevsky
Military University of the Ministry of Defense of the
Russian Federation

Annotation. The article substantiates the use of logic, theoretical and empirical knowledge by prosecutors on an ongoing basis in order to develop appropriate tactics of supervisory activities of the prosecutor's office in relation to the conditions of the supervisory situation. The properties of tactical thinking are revealed, the signs of tactical techniques are determined.

Keywords: tactics of supervisory activity of the prosecutor's office; stages of supervisory activity of the prosecutor's office; supervisory situation; tactical techniques; tactical thinking; logic; scientific cognition.

Каждый вид профессиональной деятельности имеет под собой базовую основу, в состав которой входят результаты научных и практических достижений, а также нормы права, относящиеся к специфическим особенностям конкретной общественно-полезной деятельности.

Указанные базовые элементы взаимосвязаны между собой, поскольку дополняют друг друга и способствуют совершенствованию профессиональной деятельности, повышению ее эффективности.

Так, научные исследования в конкретной области позволяют внедрять новые формы и методы осуществления профессиональной деятельности, оказывать определенное влияние на обновление ее правового регулирования. И, наоборот, сталкиваясь на практике с определенными трудностями, а подчас и с проблемами (например, со знанием о незнании, имеющейся научной проблеме), создаются необходимые предпосылки целесообразности их разрешения путем проведения научных исследований в целях последующего ис-

пользования полученных результатов в профессиональной деятельности, включая вопросы ее правовой регламентации.

Здесь речь идет о научном познании, поскольку научно-практическая деятельность не только обогащает содержание профессиональной деятельности, но и носит познавательный характер, способствует установлению истины.

Изучению научного познания посвящены такие разделы науки философии как: *эпистемология*¹ (от греч. episteme — знание и logos — учение) — теория познания и ее составная часть — *гносеология*² (от греч. gnosis — познание и logos — учение) — учение о познании; *логика*³ (от греч. logos — логос) — 1) способность правильно, т.е. логически, мыслить; 2) учение о тождестве и его отрицании, учение о последовательности и методах познания (наука логики). Логика (как наука) — лишь учение о мышлении в понятиях, но не о познании посредством понятий; она служит повышению формальной точности сознания и объективности содержания мышления и познания.

Логика как наука возникла в недрах древнегреческой философии.

С помощью научного познания возможно установление объективных знаний о действительности, а также выявление новых фактов.

Научное познание имеет два основных уровня — *эмпирический* и *теоретический*. С помощью эмпирического познания происходит изучение конкретного объекта, его сторон, связей. Теоретический уровень познания позволяет выявить сущность изучаемого объекта, закономерности его деятельности и развития.

В полной мере это относится и к надзорной функции прокуратуры, реализация которой выражается в проведении надзорных проверок в соответствии с полномочиями и компетенцией прокурора.

Вопросам теоретической оснащенности прокуратуры посвящены научные тру-

ды советских ученых и практических работников.

В частности, отмечается, что теоретическое обеспечение деятельности прокуратуры составляет важнейшее условие надлежащего выполнения возложенных на нее функций. Теоретическое обеспечение — неременный и постоянный фактор функционирования прокурорской системы.

Одним из основных элементов теоретического обеспечения прокурорской деятельности является научно-исследовательская работа, направленная на подготовку высококвалифицированных кадров юристов, разработку теоретических проблем и др. К теоретическому обеспечению предъявляются высокие требования, что обусловливается многообразием, сложностью и остропротиворечивым характером проблем, решаемых прокурором в процессе осуществления надзора⁴.

Такую позицию поддерживают и современные ученые, отмечающие, что высокий профессионализм предполагает постоянное совершенствование прокурорами своих знаний и умений как в системе повышения квалификации, действующей в органах прокуратуры, так и самостоятельно, поскольку прокурорская деятельность по своему характеру многогранна, требует творческого подхода⁵.

В настоящее время теория прокурорского надзора остро нуждается в совершенствовании, в особенности это касается вопросов тактики прокурорской деятельности, которая недостаточно исследована в связи с отсутствием фундаментальных научных работ, посвященных теории и методологии ее разработки и реализации.

Как нами ранее отмечено, к одной из приоритетных функций прокуратуры относится надзорная деятельность, реализуемая путем проведения проверок исполнения действующего законодательства.

В ходе проверок прокурором осуществляется постоянный поиск целесообразных решений на основе анализа и оцен-

¹ Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 542.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 244—245.

⁴ Новиков С.Г. Прокурорская система в СССР. М., 1977. С. 145, 146.

⁵ Прокурорский надзор. Т. 1. Общая часть. М.: ЮРАЙТ, 2017. С. 64.

ки обстоятельств складывающейся ситуации. В данном случае речь идет о *тактике надзорной деятельности прокуратуры*, под которой нами понимается поиск и реализация рациональных решений в ситуациях, требующих разработки наиболее целесообразных методов и способов действий при организации и осуществлении надзорной деятельности.

Разработка тактики надзорной деятельности предъявляет к ее субъекту (прокурору) высокие требования – способности логически (правильно) мыслить, использования научных знаний, умения изыскивать рациональные способы действий в сложных (проблемных) ситуациях. Указанное свидетельствует о том, что тактическое сопровождение прокурорской проверки является сложным и ответственным процессом, успешность которого зависит исключительно от личностных и профессиональных характеристик прокурорского работника.

По нашему мнению, использование тактики при осуществлении надзорной деятельности является одним из существенных факторов, влияющих на качество и результативность проверочных действий.

Ввиду недостаточного исследования тактики прокурорской деятельности прокуроры сталкиваются с противоречиями между новыми фактами и существующими знаниями. Например, при динамике условий ситуации в ходе проводимой проверки и необходимости принятия наиболее рационального решения действовать быстро и эффективно. Здесь стоит вопрос не столько в изыскании способов действий, сколько в порядке (системе) их выработки.

Представляется, что использование в практической деятельности разработанной нами в ходе исследования системы формирования и реализации тактики позволит усовершенствовать процесс проведения проверки, обогатить профессиональный опыт прокуроров.

Здесь следует отметить, что каждый элемент в целях разработки тактики, отвечающей всем условиям ситуации, учитывает сведения информационной структуры надзорной ситуации на каждом этапе

надзорной деятельности (конкретной проверке).

К первому элементу относятся объекты и субъекты надзора, деятельность которых охватывается предметом прокурорского надзора. Ко второму — надзорная ситуация, которая представляет собой источник совокупной информации об объектах, субъектах и предметах прокурорского надзора, включая факторы, влияющие на ее динамику и их совокупная оценка прокурором. Третий элемент представляет собой формирование тактики и способы ее реализации путем принятия тактических решений об использовании тактических приемов (конкретных способов действий, основанных на научных и практических источниках происхождения), воздействие которых направлено на объекты и субъекты надзора, деятельность которых охватывается предметом прокурорского надзора

Указанная система, порядок и принципы ее действия не противоречат требованиям действующего законодательства, регламентирующего вопросы организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации. Ее использование возможно на всех этапах проверки вплоть до достижения ее цели и в различных ситуациях (типичных и не типичных).

Для выработки наиболее эффективной тактики надзорных действий базовой составляющей является информация о состоянии законности, связанная с предметом проверки, и относящаяся к поднадзорному объекту. Здесь речь идет о надзорной ситуации, содержание которой составляет совокупность количественных и качественных данных о состоянии законности на поднадзорных объектах в конкретном периоде времени (сведения о количестве и характере совершенных правонарушений, а также показателями контролируемых, правоохранительных и других государственных органов), включая надзорную характеристику объекта надзора и субъективное влияние прокурора на их оценку, исходя из которой, вырабатываются и используются конкретные тактические приемы.

Надзорную ситуацию представляется целесообразным анализировать на всех

стадиях проверочного процесса — на этапе проведения проверки, на этапе прокурорского реагирования и на этапе контроля за выполнением требований прокурора.

Таким образом, результатом разработанной тактики могут быть как конкретные методы, способы действий, так и алгоритмы действий, вырабатываемые преимущественно в ходе подготовки и проведения организационных мероприятий на каждом этапе надзорной деятельности.

Алгоритмы действий, как правило, могут в последующем корректироваться под воздействием информационной структуры надзорной ситуации в целях учета всех ее обстоятельств и выработки наиболее эффективных действий. Эти действия (или тактические приемы – оригинальные способы действий) обладают присущими им тактическими признаками, которые свойственны для процесса разработки и реализации тактики надзорной деятельности прокуратуры: *детальность, избирательность, оригинальность, уникальность*.

Например, прокурорами могут разрабатываться способы действий из разрядов научных и практических приемов, внутри которых содержатся соответствующие группы (группа *психологических, практических, этических, организационных* приемов и т.д.¹).

Учитывая изложенное, при разработке и реализации тактики надзорной деятельности на постоянной основе прокурорами используется логика в качестве инструмента правильного мышления, а в данном случае — *тактического мышления*.

На наш взгляд, процесс формирования тактики в различных ситуациях субъектом тактического мышления могут приобретаться и совершенствоваться навыки творческого и поискового мышления. Тактическое мышление соотнобразуется с логически последовательным процессом разработки и реализации тактики, и содержанием ее элементов.

Вместе с тем тактическому мышлению присущи основные формы мышления — понятие, суждение, заключение.

Отличительными свойствами тактического мышления, по нашему мнению, являются: 1) логическая последовательность; 2) обоснованность; 3) поисковый характер; 4) творчество; 5) эвристика; 6) аналитика; 7) оригинальность; 8) интуитивность; 9) оперативность.

Таким образом, процесс тактического сопровождения проверочных мероприятий обуславливается использованием на постоянной основе логики, познания объектов надзора, обстоятельств надзорной ситуации, включая ее динамические процессы. Осуществление указанного процесса невозможно без использования на постоянной основе прокурорами логического мышления и научного познания (его теоретического и эмпирического уровней). В полной мере это касается и такой важной области надзорной деятельности прокуратуры, каковой является сфера обороны страны и военной безопасности государства. Деятельность органов военной прокуратуры характеризуется «направленностью на максимальное использование предоставленных законом полномочий по борьбе с преступностью, обеспечению правовыми средствами высокой боевой готовности и боеспособности войск, отстаиванию экономических интересов государства, защите право военнослужащих и членов их семей, совершенствованию иных направлений деятельности»².

Кроме того, вопросы методологии и теории основ тактики надзорной деятельности прокуратуры нуждаются в дальнейшем фундаментальном исследовании в целях совершенствования организации и деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, повышения эффективности прокурорских проверок.

Библиография

1. Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. —

¹ Махьянова Р.М. Тактические приемы прокурора: понятие, основания применения и источники происхождения // Военное право. 2022. № 3. С. 136—141.

² Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 495.

Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. —

888 с. — ISBN 978-5-042565-2-7. — EDN WODYT

2. Новиков, С.Г. Прокурорская система в СССР / С.Г. Новиков. — Москва, 1977.

3. Прокурорский надзор. Т. 1. Общая часть. — Москва: ЮРАЙТ, 2017.

4. Махьянова, Р.М. Тактические приемы прокурора: понятие, основания применения и источники происхождения / Р.М. Махьянова // Военное право. — 2022. — № 3. — С. 136—141.

Некоторые правовые аспекты правоприменения в деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в специальной военной операции

© **Минтягов Станислав Андреевич**,
начальник учебной части — заместитель
начальника военного учебного центра при
ВГУЮ (РПА Минюста России), майор юстиции

Аннотация. Статья является продолжением исследования автором правовых вопросов правоприменения военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в специальной военной операции. В статье рассматриваются значение правоохранительных функций военной полиции в специальной военной операции, а также некоторые проблемные правовые аспекты в данной области. В целях повышения качества выполняемых военной полицией задач в зоне проведения специальной военной операции автором предлагается ряд мер организационного и правового характера, в том числе в области совершенствования механизмов подготовки кадров для военной полиции.

Ключевые слова: военная полиция; специальная военная операция; правоохранительные функции; правопорядок; подготовка кадров.

Some legal aspects of law enforcement in the activities of the Military Police of the Armed Forces Russian Federation in a special military operation

© **Mintyagov S.A.**,
Head of the Training Unit — Deputy Head of the
Military Training Center at the All-Russian State
University of Justice (RLA of the Ministry of Justice
of Russia), major of Justice

Abstract. The article is a continuation of the author's research on the legal issues of law enforcement of the military police of the Armed Forces Russian Federation in a special military operation. The article discusses some problematic legal aspects of the use of military police in a special military operation, as well as the importance of law enforcement functions. In order to improve the quality of the tasks performed by the military police in the zone of a special military operation, the author proposes a number of organizational and legal measures, including in the field of improving the mechanisms of personnel training for the military police.

Keywords: military police; special military operation; law enforcement functions; law and order; personnel training.

Продолжая рассматривать вопросы правового регулирования выполнения военной полицией Вооруженных Сил Российской Федерации отдельных функций в специальной военной операции, следует особо сказать о прямом её предназначении — поддержании правопорядка, воинской дисциплины и законности в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Военная полиция имеет в своём составе относительно самостоятельные, схожие по целям, но разные по задачам структурные подразделения: военные комендатуры; военные автомобильные инспекции; воинские части (дисциплинарные воинские части); подразделения, входящие в состав воинских частей (войсковые).

Территориальные органы (военные комендатуры, военные автомобильные инспекции (территориальные) с 2018 г. подчиняются командующим войсками военных округов. Соответственно, те или иные задачи ставятся именно армейскими начальниками и приоритетность их решается по-разному. Насколько это будет эффективнее прежнего принципа — централизованного управления (где все нижестоящие органы подчиняются центральному) — пока сказать сложно.

Автором не раз уже поднимался вопрос о приоритетности выполнения военной полицией задач между общевоинскими и правоохранительными (полицейскими) функциями, о значимости последних и их актуальности, в том числе в связи с проводимой специальной военной операцией¹. Продолжая исследовать данную тематику, отметим, что из всех вышперечисленных структурных подразделений только военные комендатуры, да и то частично, выполняют основную функцию военной полиции — правоохрану. Данные функции определены федеральным законодательством, а также Уставом военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации (УВП ВС РФ). Вместе с тем, военной полицией в ходе проведения специальной военной операции выполняются и другие функции — общевоеенные.

К правоохранительным функциям военной полиции, выполняемым в специальной военной операции, можно отнести: поддержание воинского правопорядка (противодействие преступности) среди военнослужащих (проведение необходимых мероприятий с нарушителями); поддержание правопорядка и общественной безопасности в городах и других населенных пунктах и оказание содействия в этом местным органам правопорядка.

¹ См., напр.: Минтягов С.А. Правоохранительные функции военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2021. № 3. С. 5—9; Минтягов С.А. Применение подразделений военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в специальной военной операции // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2022. № 12. С. 94—100.

К общевоеенным функциям относятся: охрана пунктов управления (штабов); охрана военнопленных во временных пунктах размещения; обеспечение безопасности дорожного движения; выполнение задач дорожно-комендантской службы; проведение гуманитарных мероприятий, а также обеспечение безопасности при их проведении; борьба с диверсионно-разведывательными группами и с беспилотными летательными аппаратами; помощь в эвакуации мирного населения из зоны боевых действий; участие в рабочих группах по работе с представителями администраций муниципальных образований по взаимодействию с мирным населением; охрана социальных объектов (учебных заведений); разоружение и учёт сдавшихся участников территориальной обороны².

Говоря о важности выполнения правоохранительных функций, можно уверенно утверждать, что бесспорным является тот факт, что высокий уровень воинской дисциплины — это основа и залог боеспособности любой армии.

В специальной военной операции со стороны вооруженных сил России также участвуют различные подразделения (Народная милиция Донецкой и Луганской народных республик, добровольческие и иные отряды из так называемых частных военных компаний). С сентября 2022 г. в

² Российская военная полиция, наряду со своими, временно выполняет функции автоинспекции в Херсонской области. URL: // [https:// tvzvezda.ru/news/202269453-O3VIm.html](https://tvzvezda.ru/news/202269453-O3VIm.html) (дата обращения: 22.10.2022); Блокпост военной полиции под Харьковом. [Электронный ресурс] URL: // <https://yandex.ru/video/preview/?filmId6311376978801130579&from> (дата обращения: 22.10.2022); Военная полиция РФ следит за безопасностью школ в Харьковской области перед Днем знаний. URL: // <https://tvzvezda.ru/news/2022831548-rGdq9.html> (дата обращения: 22.10.2022); Гарант безопасности: как работают военная полиция и автоинспекция в Харьковской области. URL: // [https:// tvzvezda.ru/news/202274315-LYrab.html](https://tvzvezda.ru/news/202274315-LYrab.html) (дата обращения: 22.10.2022); Военная полиция ВС РФ эффективно работает в Черниговской области. URL: // <https://dzen.ru/media/id/595b6117e86a9e3f7efbbebd/svo-voennaia-policiia-vs-rf-effektivno-rabotaet-vchernigovskoi-oblasti-6242de08c007625878d6d198> (дата обращения: 22.10.2022).

России Вооруженные Силы стали пополняться за счёт мобилизованных граждан. Таким образом, численность воинского контингента, участвующего в специальной военной операции, существенно возросла.

Возвращаясь к теме выполнения военной полицией мероприятий поддержания правопорядка, автором ещё раз хотелось бы обратить внимание на актуальность данного направления деятельности. С момента начала мобилизации в стране до настоящего времени прошло около 4 месяцев, но уже становится понятно, что правопорядок нужен везде, как на фронте, так и в тылу. Как отмечается в научных публикациях, мобилизация представляет собой специальный правовой режим, предъявляющий особые требования к обеспечению правопорядка¹. В сети Интернет находится немало роликов, свидетельствующих о том, что необходимо уделить особое внимание соблюдению всеми военнослужащими воинской дисциплины, то есть соблюдению всех законов и приказов².

Воинская дисциплина в армейских подразделениях Донецкой и Луганской народных республик или добровольческих отрядов, включая так называемые частные военные компании, достигается самостоятельно, применяя «свои» методы и способы поддержания порядка, поскольку именно они выполняют самую сложную задачу и хорошо понимают значение воинской дисциплины в боевой обстановке.

По информации из различных источников — средств массовой информации,

¹ Корякин В.М. Правовой режим частичной мобилизации в Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11. С. 24—30.

² Мобилизованные взбунтовались в Подмосковье (Алабино — Парк Патриот). Режим доступа: <https://youtu.be/qLRXU5WNLJo?t=89>; Бунт в Казани подробности из первых уст. Драка мобилизованных. Режим доступа: <https://youtu.be/h0r6b6gPx64>; В России мобилизуемые дерутся с силовиками. Режим доступа: <https://youtu.be/aRnbca2IJ4U>; Побоище в войсковой части в Юрге. Режим доступа: <https://yandex.ru/video/preview/1300634737856170048>; Пьяные мобилизованные устроили драку в Омске. Режим доступа: <https://youtu.be/VY0ImOOEYYU>.

включая ТГ-каналы, во многих таких подразделениях имеются места принудительного содержания нарушителей, в отношении которых применяются самые жесткие меры наказания.

Необходимость применения карательных мер к нарушителям дисциплины, а также к совершившим преступления в условиях ведения боевых действий, с одной стороны, очевидна. Однако данные действия могут оказаться вне правового поля, что может, с другой стороны, привести к нарушению закона уже самими должностными лицами, которые их применяют.

По мнению автора, для поддержания высокого уровня воинской дисциплины, правопорядка и законности, имеющиеся в арсенале военной полиции административно-правовые средства недостаточны.

К примеру, военнослужащий может совершить либо дисциплинарный проступок, либо административное правонарушение, либо преступление.

В сентябре 2022 г. в УК РФ были внесены изменения, в том числе касающиеся ответственности военнослужащих за преступления, совершенные ими в военное время или в ходе ведения боевых действий³. За дисциплинарный проступок или административное правонарушение максимальное наказание, которое может получить военнослужащий, это дисциплинарный арест или штраф.

Мы считаем, что в условиях таких полномасштабных военных действий этого может быть недостаточно, в связи с чем необходимо ужесточать и дисциплинарные наказания по аналогии с уголовными. Хотя данный вопрос является дискуссионным и в социальном плане достаточно сложным, по мнению автора, необходимо рассмотреть вопрос о возможном создании дисциплинарных подразделений, которым будет поручено выполнение самых трудных задач и направление в них военнослужащих (солдат, сержантов, офицеров), совершив-

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 24.09.2022 г. № 365-ФЗ.

ших грубые дисциплинарные проступки в период боевых действий, за которые предусмотрена ответственность, связанная с лишением свободы. Также в качестве меры наказания могут быть предусмотрены приостановление военной службы или лишение большей части «боевых» выплат.

Вместе с тем отметим, что одного только наличия законодательства недостаточно, ещё необходимо запустить процесс его реализации, сделать так, чтобы это начало работать. Действующие ранее некоторые статьи УК РФ (например, ст. 332 — неисполнение приказа, 328 — уклонение от призыва на военную службу) с начала специальной военной операции, по сути, не применялись. Только 16 ноября 2022 г. (по данным средств массовой информации) в России были возбуждены первые уголовные дела по факту неисполнения приказа, по ст. 332.1 УК РФ. Хотя, по нашему мнению, и ранее были основания для привлечения военнослужащих к уголовной ответственности по ст. 332 УК РФ.

Ещё одним проблемным вопросом является общая для всех правоприменителей проблема — применение или толкование отдельных положений закона или норм права. Рассмотрим некоторые из них, которые могут возникнуть в практике подразделений военной полиции.

В качестве примера можно привести некоторые нормы Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации (ДУ ВС РФ) и УВП ВС РФ, являющиеся, по нашему мнению, а также в связи со складывающейся практикой достаточно спорными, в основном касающиеся применения полномочий военных полицейских.

Так, в соответствии со ст. 75 ДУ ВС РФ военный комендант наделен полномочиями по применению своей дисциплинарной власти в особых случаях (когда проступок выявлен должностными лицами военной полиции; когда сообщение о нём поступило в орган военной полиции; когда проступок совершен на территории органа военной полиции). Стоит отметить, что в большинстве случаев данные нормы толкуются одинаково, то есть однозначно. Вместе с тем, отдельными должностными

лицами надзорных органов данные нормы понимаются совершенно противоположно (по их мнению, военный комендант имеет право наложить взыскание только на тех военнослужащих, которые содержатся на гауптвахте)¹.

В свою очередь УВП ВС РФ содержит некоторые сложные для однозначного толкования нормы, касающиеся полномочий военных полицейских. С самого начала своей деятельности военнослужащие военной полиции, в том числе патруль военной полиции сталкивались с ситуацией, когда необходимо было проверить документы, удостоверяющие личность у военнослужащих. Данные полномочия содержатся в п. 3 ст. 21 (общие для всех военных полицейских полномочия) («проверять документы, удостоверяющие личность, у военнослужащих, а также у лиц гражданского персонала, находящихся на территориях воинских частей, если имеются основания подозревать их в совершении правонарушения или имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством России и УВП ВС РФ) и в п. 3 ст. 76 (полномочия начальника патруля) («проверять у военнослужащих документы, удостоверяющие личность, а у военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, кроме того, документы, подтверждающие законность их нахождения вне расположения воинской части, проверять у лиц гражданского персонала и иных лиц, находящихся на территориях воинских частей, документы, удостоверяющие их личность, если имеются основания подозревать их в совершении правонарушения или имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных Уставом военной полиции»).

Однако не всеми военнослужащими Вооруженных Сил данные нормы трактуются в пользу военных полицейских. Спорным является вопрос о том, могут ли

¹ В 2016 г. военным прокурором Саратовского гарнизона был вынесен протест на приказ военного коменданта военной комендатуры г. Саратова о наложении взыскания на военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок на территории военной комендатуры.

военные полицейские проверять документы, удостоверяющие личность без совершения военными служащими каких-либо нарушений?

Содержащиеся в ст. 21 и 76 УВП ВС РФ нормы не дают однозначного ответа, соответственно и трактовать их можно по-разному, в связи с чем необходима их конкретизация, путём более четкого изложения (см. приложение к настоящей статье).

В вопросах реализации военной полицией полномочий в сфере административного производства проблемы те же. Некоторыми судами выносятся решения о прекращении производства по делу об административном правонарушении в связи с нарушением порядка его рассмотрения, связанного с тем, что должностные лица военной полиции не уполномочены составлять протоколы об административных правонарушениях по статьям по которым они вправе рассматривать данные дела (ст. 6.24, 20.20, 20.21 КоАП РФ).

В настоящее время противоречивая надзорная и судебная практика сложилась практически во всех областях правоприменения военной полиции (дисциплинарном и административном производстве, а также при реализации уголовно-процессуальных полномочий). Данные проблемные вопросы также могут возникнуть при реализации военной полицией своих полномочий в специальной военной операции.

Проблема на наш взгляд заключается не только в неясном или нечетком изложении данных норм права, их коллизионности или пробельности, а ещё в изложении данных правовых норм согласно правилам русского языка. Это касается многих государственных отчётных документов, но особенно правовых. Не в том месте поставленная запятая или союз могут привести к двоякому толкованию.

С 2019 г. автором проводится педагогический юридический эксперимент, суть которого заключается в следующем: студентам 3—4 курса юридического факультета даётся для ознакомления та или иная норма права (статья), после чего путём голосования выясняется мнение опрашиваемых о том, как они её понимают. Сначала

около 70 % понимают её так, как и большинство правоприменителей, ещё 20 % — противоположно, а 10 % — сомневаются. На просьбу повторно проголосовать после короткого обсуждения от 70 % остается 50 %, а сомневающихся также становится больше. На третий раз голосования уже больше половины респондентов сомневались и воздержались от правильного на их взгляд первоначального ответа.

В 2021 г. данную проблему частично попытались решить педагоги русского языка, специально сформированные профильным высшим учебным заведением на примере отчетных материалов Счетной палаты Российской Федерации¹.

Считаем, что такую практику нужно внедрить повсеместно, особенно при проектировании правовых актов в сфере обороны.

Кстати говоря, в сентябре 2022 г. за схожую работу в этой области была присуждена Шнобелевская премия по литературе. Учёные выяснили, почему обычным людям очень сложно понять юридические тексты и пришли к выводу, что причина кроется не в обилии юридических терминов, а в плохом стиле изложения самих текстов. А значит, большинству юридических текстов нужны не специально подготовленные читатели, а редактор².

На наш взгляд, данную проблему могло бы решить развитие машиночитаемого и машинопроектируемого права, которые могут быть направлены на облегчение законотворческого и нормотворческого процесса.

Согласно Концепции развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности), машиночитаемое право представляется одним из эффектив-

¹ Счетная палата РФ представила обучающий курс русского языка для чиновников. Режим доступа: // <https://ach.gov.ru/news/ponyatnyy-yazyk-dlya-chinovnikov>.

² Шнобелевская премия 2022 года. [Электронный ресурс] Режим доступа: // <https://habr.com/ru/news/t/688550/>.

ных способов непротиворечивого изложения правовых норм с целью повышения удобства правоприменения для государства, предпринимательского сообщества и граждан¹.

Машиночитаемое право — формальное представление определенного набора правил (норм), относящихся к сфере права, основанное на онтологии права. Машиночитаемое право может включать набор юридически значимых метаданных, необходимых для формулирования и описания правовых норм в достаточном для решения практических задач объеме, а также алгоритмы, применяемые для каких-либо форм работы с правовыми документами или с нормами права. Предполагается, что такое использование сможет преобразовать формальное описание норм и адаптировать сложные языковые конструкции для людей без специальных юридических знаний, — могут быть обеспечены с помощью набора технологий, включая:

- создание и использование формальных языков с отсутствием множественной трактовки в зависимости от контекста;

- визуализация взаимосвязей между элементами;

- создание на основе формальных языков специализированных языков программирования, инструкции которых могут быть исполнены автоматически;

- развитие технологий искусственного интеллекта и автоматизированных персональных помощников на его основе;

- сбор и обработка больших данных, представляющих собой структурированную однотипную информацию о состоянии объектов и динамике наблюдаемых процессов².

Как может измениться текст с учетом корректировки, как вручную, так и с использованием возможностей искусственного интеллекта приведён в приложении к настоящей статье.

Возвращаясь к вопросу применения подразделений военной полиции в специ-

альной военной операции и выполнению правоохранительных функций отметим, что данные задачи выполняют и другие органы, в частности, военная прокуратура, военные следственные органы и военная контрразведка. Все вышеперечисленные органы мы относим к военным правоохранительным органам, которые объединены одной целью — обеспечение законности, но с разными полномочиями и функциями.

Обеспечение законности в Вооружённых Силах достигается, в том числе применением административно-правовых и уголовно-правовых средств, находящихся в арсенале этих военных правоохранительных органов. Данные вопросы также уже подробно исследовались автором в различных публикациях, однако с учетом применения войск в специальной военной операции необходимо ещё раз их конкретизировать³.

Военная прокуратура осуществляет общий надзор за деятельностью всех ведомств, где предусмотрена военная служба, а также является главным координатором всей правоохранительной деятельности в Вооружённых Силах, других войсках и органах.

Военные следственные органы осуществляют уголовное преследование лиц, совершивших преступления, а также принимают меры по выявлению и пресечению преступлений.

Деятельность военной контрразведки в период проведения военных операций может заключаться в обеспечении безопасности путём выявления и пресечения таких преступлений как государственная измена или шпионаж, совершенных как военнослужащими, так и гражданскими людьми, в том числе иностранными гражданами, а также выявления лиц им содействующих.

В ходе проведения армиями военных операций военнослужащие, а также другие лица, могут совершать различные нарушения закона (дисциплинарные проступки,

¹ Концепция развития технологий машиночитаемого права. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Там же.

³ Минтягов С.А. Военная полиция Вооружённых Сил Российской Федерации в системе военных правоохранительных органов // Военное право. 2017. № 1 (41). С. 13—17.

административные правонарушения, преступления).

В соотношении дисциплинарные проступки — преступления по понятным причинам первых будет кратно больше. Поддержание воинской дисциплины в части совершения военнослужащими дисциплинарных проступков — это одно из основных направлений деятельности военной полиции, что одновременно делает её исключительным органом в своём роде и выделяет среди других военных правоохранительных органов.

Ещё один аргумент в пользу уникальности военной полиции — это то, что её подразделения могут быть «руками» для других военных органов правопорядка. В отличие от других органов правопорядка в составе военной полиции имеется соответствующие подразделения и необходимый для этого личный состав. Кроме этого, в сравнении с военнослужащими, например, военных прокуратур, военные полицейские наделены правом применять физическую силу, специальные средства и оружие, для чего военнослужащие военной полиции проходят специальную подготовку. Также в арсенале военной полиции имеются и уголовно-процессуальные полномочия по обеспечению законности в войсках¹.

Таким образом, военная полиция, в условиях проведения крупномасштабных военных действий становится основным органом поддержания правопорядка и единственным уполномоченным на борьбу с нарушителями воинской дисциплины в части совершения дисциплинарных проступков.

Все происходящие в последнее время события, в том числе в пунктах подготовки мобилизованных военнослужащих свидетельствуют о том, что работу военной полиции по поддержанию дисциплины, пресечению различных нарушений нужно усилить.

Данные вопросы находятся как в области правового регулирования, так и в области организации.

В целях повышения качества работы, а также эффективности применения подразделений военной полиции необходимо принятие некоторых мер организационного и правового характера.

1. Сосредоточить основные усилия на правоохранительном направлении деятельности путём сведения общевоевых к минимуму.

2. Включить в состав военной полиции (в территориальные органы — военные комендатуры) войсковые подразделения.

3. Увеличить численный состав территориальных органов (военных комендатур со входящими войсковыми подразделениями) вдвое.

4. Создать мобильно-оперативные подразделения (отделение—взвод—рота) с включением в структуру силовых подразделений обеспечения правопорядка, конвойных групп, дознавателей, фельдшеров.

5. Строительство (обустройство) гауптвахт (мест содержания задержанных военнослужащих) с подразделениями их охраны.

6. Внести соответствующие изменения в законодательство по ужесточению мер дисциплинарной ответственности в условиях боевых действий и приравненных режимов, а также по конкретизации полномочий военных полицейских в данной области.

Касаясь вопросов совершенствования различных механизмов применения подразделений военной полиции, в том числе с учетом опыта в специальной военной операции отметим также другое важное направление — подготовка кадров. Какие бы законы и нормы права сейчас не действовали в России они не будут «работать» без людей профессионально подготовленных.

Несмотря на более чем десятилетний срок деятельности военной полиции, её работа по поддержанию правопорядка и обеспечению законности в Вооруженных Силах — это новое направление как для самой военной полиции, так и для армии в целом. Военная полиция выполняет мно-

¹ Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 445—472.

жество задач, и для их выполнения требуется профессиональная подготовка самих военных полицейских.

В 2018 г. автором предлагалось введение отдельной военно-учетной специальности для военных полицейских¹. В 2021 г. в органах и подразделениях военной полиции были введены две военно-учетные специальности: для офицерского и рядового состава. Таким образом можно сказать, что первый шаг в этом направлении уже сделан. Однако стоит упомянуть и о том, что военнослужащие вышеупомянутых военно-учетных специальностей в основном выполняют общевойсковые задачи.

Если говорить о подразделениях дознания, административной и дисциплинарной практики, выполняющих, как правило, правоохранные функции, то необходимо отметить, что кроме уже вышеперечисленных (дознания, административной и дисциплинарной практики), на данные подразделения также возложены и иные правоохранные задачи: розыск военнослужащих и военного имущества, противодействие незаконному обороту наркотиков, профилактика правонарушений, правовая подготовка. Более того, в отдельных случаях или в отдельно взятом гарнизоне именно функции дознания выполняются в меньшей степени.

Действующие на сегодняшний день военно-учетные специальности юридического профиля, по нашему мнению, не в полной степени отвечают требованиям функциональных обязанностей военнослужащих подразделений дознания, административной и дисциплинарной практики. В связи с этим необходимо введение новых военно-учетных специальностей (группы военно-юридических), например, «военно-полицейская работа» (для офицеров).

¹ Минтягов С.А. Некоторые вопросы подготовки кадров для органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации // Материалы межвузовского круглого стола, приуроченного к 15-летию создания военной кафедры при РГУП: «Актуальные вопросы правового регулирования подготовки военно-обученного резерва для органов военной юстиции». М., 2018. С. 60.

Также с учётом опыта применения подразделений военной полиции в специальной военной операции необходимо введение военно-учётной специальности для рядового и сержантского состава «инспектор военной полиции» с разделением их для военных комендатур и для войсковых подразделений, суть которых будет отражать весь спектр деятельности военных полицейских, относящихся в первую очередь к военной юстиции, а также к подразделениям выполняющим правоохранные функции и соответственно учитывать это при подготовке кадров для военной полиции.

Подготовка военнослужащих военной полиции, выполняющих общевойсковые задачи, также должна строиться с учетом возлагаемых на военную полицию задач, в том числе и в военное время, включая разработку соответствующих инструкций, наставлений, методических рекомендаций по формам, методам и тактике выполнения возложенных задач. Например, в тактическую подготовку включить такие разделы как: тактика действий военнослужащих военной полиции на наблюдательном пункте, контрольно-пропускном пункте, блокпосту; тактика действий малых подразделений при захвате и зачистке помещения (здания); борьба с диверсионно-разведывательными группами противника, а также с незаконными вооруженными формированиями; тактика действий при попадании в засаду; ведение боевых действий в условиях населенного пункта и другие с включением в штат подразделений военной полиции новых типов вооружения.

Кроме этого, в целях получения боевого опыта применения подразделений военной полиции и внедрения его в образовательный процесс целесообразно всему преподавательскому составу пройти специальную военную подготовку, а также принять участие в специальной военной операции. При подготовке педагогического состава (по отдельным направлениям) привлекать соответствующих специалистов из других правоохранных органов (Росгвардии, военной контрразведки, полиции).

Не менее важным является организация совместной работы с заказчиком обучения по суммированию, анализу и передаче опыта применения военной полиции в специальной военной операции, а также создание соответствующей учебно-материальной базы (тактические городки, оборудованные зданиями (сооружениями), наблюдательными и контрольно-пропускными пунктами, специальная бронированная техника военной полиции).

Принятие данных мер, по нашему мнению, позволит существенным образом повысить эффективность применения военной полиции в специальной военной операции, что в свою очередь приведет к повышению боеспособности всех Вооруженных Сил.

Библиография

1. Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 888 с. — ISBN 978-5-042565-2-7.
2. Корякин, В.М. Правовой режим частичной мобилизации в Российской Федерации / В.М. Коря-

кин // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2022. — № 11. — С. 24—30.

3. Минтягов, С.А. Военная полиция Вооруженных Сил Российской Федерации в системе военных правоохранительных органов / С.А. Минтягов // Военное право. — 2017. — № 1 (41). — С. 13—17.

4. Минтягов, С.А. Некоторые вопросы подготовки кадров для органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации / С.А. Минтягов // Материалы межвузовского круглого стола, приуроченного к 15-летию создания военной кафедры при РГУП: «Актуальные вопросы правового регулирования подготовки военно-обученного резерва для органов военной юстиции». — М., 2018. — С. 60—64.

5. Минтягов, С.А. Правоохранительные функции военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации / С.А. Минтягов // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2021. — № 3. — С. 5—9.

6. Минтягов, С.А. Применение подразделений военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в специальной военной операции / С.А. Минтягов // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2022. — № 12. — С. 94—100.

Приложение

Норма права в действующем законодательстве	Предлагаемая формулировка
<p align="center">ст. 75 ДУ ВС РФ</p> <p>Военные коменданты гарнизонов или лица, их замещающие, имеют право применять дисциплинарные взыскания к военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации, а также к военнослужащим других войск, воинских формирований и органов, содержащимся на гауптвахте или в дисциплинарной воинской части, когда:</p> <p>а) дисциплинарный проступок выявлен военнослужащим (нарядом) военной полиции или совершен военнослужащим, доставленным в орган военной полиции;</p> <p>б) сообщение (заявление) о дисциплинарном проступке поступило непосредственно в орган военной полиции.</p>	<p align="center">ст. 75 ДУ ВС РФ</p> <p>Военные коменданты гарнизонов или лица, их замещающие, имеют право применять дисциплинарные взыскания:</p> <p>а) к военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации, когда:</p> <p>дисциплинарный проступок выявлен военнослужащим (нарядом) военной полиции или совершен военнослужащим, доставленным в орган военной полиции;</p> <p>сообщение (заявление) о дисциплинарном проступке поступило непосредственно в орган военной полиции;</p> <p>б) к военнослужащим других войск, воинских формирований и органов, содержащимся на гауптвахте или в дисциплинарной воинской части.</p>

<p>п. 3 ст. 21 УВП ВС РФ</p> <p>Проверять документы, удостоверяющие личность, у военнослужащих, а также у лиц гражданского персонала, находящихся на территориях воинских частей, если имеются основания подозревать их в совершении правонарушения или имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и Уставом военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации.</p>	<p>п. 3 ст. 21 УВП ВС РФ</p> <p>Проверять документы, удостоверяющие личность у военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации.</p> <p>Проверять документы, удостоверяющие личность, у лиц гражданского персонала, находящихся на территориях воинских частей, если имеются основания подозревать их в совершении правонарушения или имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и Уставом Вооруженных Сил Российской Федерации.</p> <p>Проверять документы, удостоверяющие личность у военнослужащих других войск, если они застигнуты на месте совершения преступления или если имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных федеральными законами, Уставом военной полиции и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.</p>
<p>п. 3 ст. 76 УВП ВС РФ</p> <p>Проверять у военнослужащих документы, удостоверяющие личность, а у военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, кроме того, документы, подтверждающие законность их нахождения вне расположения воинской части, проверять у лиц гражданского персонала и иных лиц, находящихся на территориях воинских частей, документы, удостоверяющие их личность, если имеются основания подозревать их в совершении правонарушения или имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных Уставом военной полиции.</p>	<p>п. 3 ст. 76 УВП ВС РФ</p> <p>Проверять у военнослужащих документы, удостоверяющие личность, а у военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, кроме того, документы, подтверждающие законность их нахождения вне расположения воинской части.</p> <p>Проверять у лиц гражданского персонала и иных лиц, находящихся на территориях воинских частей, документы, удостоверяющие их личность, если имеются основания подозревать их в совершении правонарушения или имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных Уставом военной полиции.</p>

Практика применения военными судами уголовного законодательства при назначении наказания

© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

© Смирнов Дмитрий Витальевич,
кандидат юридических наук

Аннотация. В статье представлена последняя по времени судебная практика окружных (флотских) военных судов в части назначения уголовного наказания. Отмечена необходимость исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания.

Ключевые слова: судебная практика военных судов, назначение наказания за преступления, уголовная ответственность военнослужащих.

The practice of applying criminal law by military courts in sentencing

© Kharitonov S.S.,
Candidate of legal sciences, professor

© Smirnov D.V.,
Candidate of legal sciences

Annotation. The article presents the latest judicial practice of district (naval) military courts in terms of imposing criminal penalties. The need to comply with the requirements of the law on a strictly individual approach to sentencing was noted.

Keywords: judicial practice of military courts, sentencing for crimes, criminal liability of military personnel

*Крайняя строгость закона
– крайняя несправедливость.
Цицерон*

Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ) определено, что «наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод этого лица» (ч. 1 ст. 43 УК РФ). Несмотря на лаконичность определения, различным аспектам назначения наказания посвящены без преувеличения десятки диссертационных исследований и монографий, сотни научных публикаций. Не остаются в стороне и военные юристы, которые обращаются к этой теме с учетом особого статуса военнослужащего¹.

¹ См. подробнее: Заказнова А.Н. Зарубежный опыт предупреждения суицидов военнослужащих (на примере опыта США и Израиля) // Вестник военно-

го права. 2021. № 2. С. 45—55; Зателепин О.К. Квалификация нарушений порядка несения специальных видов военной службы, сопряженных с применением насилия // Уголовное право. 2013. № 4. С. 10—14; Корякин В.М., Харитонов В.С. Некоторые вопросы квалификации преступлений за уклонение от прохождения военной службы // Военное право. 2020. № 4 (62). С. 180—184; Мелешко П.Е. Об уголовной ответственности граждан, призванных на военные сборы, за совершение преступлений, предусмотренных главой 33 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 8 (182). С. 72—75; Моргуленко Е.А. Командиру о борьбе с неуставными отношениями // Право в Вооруженных силах. 2003. № 6. С. 4—12; Смирнов Д.В. Квалификация взяточничества (решение спорных моментов уголовно-правовой квалификации военными судами) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 9 (290). С. 56—64; Сотникова В.В., Гороховский А.А. Влияние социальных сетей Интернета на преступность в Российской Федерации // Военное право. 2018.

Важное значение для правильного и единообразного применения правовых предписаний относительно определения меры наказания отведено Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». В то же время несмотря на научную проработку темы назначения наказания, сложившуюся судебную практику и разъяснения высшей судебной инстанции, в практике военных судов периодически возникают ситуации, требующие обсуждения.

Далее представленная подборка судебных решений за первую половину 2022 г. по назначению наказаний военнослужащим это наглядно иллюстрирует.

При признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным, если условное осуждение не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы.

Приговором гарнизонного военного суда от 29 апреля 2021 г. А., ранее осужденный приговором этого же суда от 4 сентября 2020 г. к 1 году 6 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком в 2 года, осужден за совершение двух преступлений к наказанию в виде лишения свободы на срок 2 года.

В связи с совершением преступлений А. в период испытательного срока на основании ч. 5 ст. 74 УК РФ условное осуждение, назначенное А. по приговору гарнизонного военного суда от 4 сентября 2020 г., судом отменено и окончательное

наказание осужденному определено по правилам ст. 70 УК РФ. При этом суд признал в качестве обстоятельства, отягчающего наказание А., рецидив преступлений.

Рассмотрев кассационную жалобу осужденного, суд кассационной инстанции изменил приговор исходя из следующего.

В соответствии со ст. 60 УК РФ лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ и с учетом положений его Общей части. При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Согласно п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным, если условное осуждение не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы.

Поскольку назначенное А. приговором гарнизонного военного суда от 4 сентября 2020 г. условное осуждение не отменялось и А. в места лишения свободы для отбывания наказания не направлялся, оснований для признания в действиях осужденного рецидива преступлений не имелось.

Кассационный военный суд исключил из приговора указание на признание рецидива преступлений и смягчил назначенное А. наказание¹.

По смыслу уголовного закона лишение права занимать определенные должности состоит в запрещении занимать должности только на государственной службе или в органах местного самоуправления.

№ 6 (52). С. 270—274; Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. Судебная деятельность: некоторые вопросы квалификации преступлений за насильственные действия в отношении командира (начальника) // Военно-юридический журнал. 2020. № 9. С. 19—23; Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. О судебной практике в сфере материального обеспечения подготовки граждан по основам военной службы в образовательных организациях // Военно-юридический журнал. 2019. № 12. С. 7—10; Шарпов С.Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институализации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 8 (289). С. 37—46; и др.

¹ Обзор судебной практики Кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях за 1-е полугодие 2022 года, утвержденный Президиумом Кассационного военного суда 19 августа 2022 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=27 (дата обращения 28.12.2022).

Запрет занимать должности в органах государственной власти и Вооруженных силах РФ законом не предусмотрен.

По приговору гарнизонного военного суда от 3 ноября 2021 г. по ч. 3 ст. 293 УК РФ к лишению свободы осуждены: Ш. — на срок 4 года с лишением права занимать должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций в органах государственной власти, местного самоуправления и Вооруженных Силах на срок 2 года 6 месяцев; М. — на срок 5 лет 6 месяцев с лишением права занимать должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций в органах государственной власти, местного самоуправления и Вооруженных Силах на срок 2 года 6 месяцев. В соответствии со ст. 73 УК РФ назначенное осужденным наказание в виде лишения свободы суд постановил считать условным с испытательным сроком: Ш. — 4 года 6 месяцев; М. — 4 года. Также суд возложил на осужденных обязанности, предусмотренные ч. 5 ст. 73 УК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 47 УК РФ наказание в виде лишения права занимать определенные должности состоит в запрещении занимать должности только на государственной службе или в органах местного самоуправления. Положения ст. 60 УК РФ обязывают суд назначать лицу, признанному виновным в совершении преступления, справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и с учетом положений Общей части УК РФ.

Как следует из приговора, наряду с основным наказанием в виде лишения свободы суд назначил Ш. и М., каждому, дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций в органах государственной власти, местного самоуправления и Вооруженных Силах. Вместе с тем при принятии решения о необходимости применения к Ш. и М. дополнительного наказания в виде лишения права занимать

определенные должности, в том числе в государственных и муниципальных учреждениях, гарнизонный военный суд не учел то, что в силу ч. 1 ст. 47 УК РФ и правовой позиции, изложенной в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», лишение права занимать определенные должности состоит в запрещении занимать должности только на государственной службе или в органах местного самоуправления. Более того, такого дополнительного наказания как запрет занимать должности в органах государственной власти и Вооруженных Силах указанной нормой, с учетом положений Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», не предусмотрено.

Принимая во внимание изложенное, окружной военный суд приговор изменил, указав о назначении Ш. и М., каждому, дополнительного наказания в виде лишения права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций на срок 2 года 6 месяцев¹.

При наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 62 УК РФ, вначале применяются положения ч. 3 ст. 66 УК РФ, а затем ч. 1 ст. 62 УК РФ.

По приговору гарнизонного военного суда К. был осужден за совершение покушения за незаконный сбыт наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), в крупном размере, то есть за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, к лишению свободы сроком на 12 лет в исправительной колонии строгого режима. При назначении К. наказания в качестве обстоятельства, его смягчающего, суд обоснованно

¹ См.: Обзор апелляционной практики 2-го Восточного окружного военного суда по уголовным делам за первое полугодие 2022 года. URL: http://2vovs.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=402 (дата обращения 25.12.2022).

ванно признал активное содействие им раскрытию и расследованию преступления, в связи с чем, в соответствии с ч. 1 ст. 62 УК РФ, ему не могло быть назначено наказание более двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания по ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Однако суд первой инстанции не учел, что в соответствии с ч. 3 ст. 66 УК РФ наказание за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания по ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 22 декабря 2015 г. № 59, указал, что при наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 62 УК РФ, вначале применяются положения ч. 3 ст. 66 УК РФ, а затем ч. 1 ст. 62 УК РФ, в связи с чем К. не могло быть назначено наказание более 10 лет лишения свободы.

По изложенным основаниям приговор был изменен и К. снижено наказание до 8 лет лишения свободы¹.

Если после вынесения судом приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора суда по первому делу, то в окончательное наказание в соответствии с ч. 5 ст. 69 УК РФ засчитывается наказание, отбытое по первому приговору суда. Данные положения ч. 5 ст. 69 УК РФ применяются и в том случае, когда назначенное по первому приговору наказание полностью отбыто (исполнено).

Приговором гарнизонного военного суда от 25 апреля 2022 г. Т. осужден по ч. 1 ст. 291² УК РФ за преступление, совершенное им в марте 2021 г., к штрафу в размере 50 000 руб. При этом ранее Т. вступившим в законную силу приговором того же суда от 27 октября 2021 г. осужден за преступление, совершенное в апреле 2021 г., с назначением наказания в виде

штрафа в размере 50 000 руб., который оплачен 22 декабря 2021 г.

Таким образом, по приговору от 25 апреля 2022 г. Т. осужден за преступление, совершенное им до осуждения его по предыдущему приговору.

Согласно ч. 5 ст. 69 УК РФ если после вынесения приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора суда по первому делу, то окончательное наказание подлежит назначению в соответствии с ч. 2 либо 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений. При этом в окончательное наказание засчитывается наказание по первому приговору даже в том случае, когда оно отбыто либо исполнено подсудимым полностью (абз. 3 п. 57 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»).

Однако приведенные выше требования Общей части УК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации судом первой инстанции не соблюдены — при назначении Т. 25 апреля 2022 г. наказания суд не применил положения ч. 5 ст. 69 УК РФ и окончательное наказание по совокупности преступлений осужденному не назначил. Данная норма Общей части уголовного закона применяется в случае полного отбытия либо исполнения осужденным наказания по приговору по первому делу, поскольку при назначении наказания по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ в окончательное наказание засчитывается наказание, отбытое (исполненное) по первому приговору суда.

Ввиду изложенного с учетом рассмотрения уголовного дела в апелляционном порядке только по апелляционной жалобе защитника, недопустимости ухудшения положения осужденного, а также того, что равенство размеров назначенных Т. штрафов (по 50 000 руб.) являлось препятствием для применения принципа поглощения наказаний, окружным военным судом приговор от 25 апреля 2022 г. ввиду неправильного применения уголовного закона изменен путем зачета наказания в виде штрафа в размере 50 000 руб., полностью

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных 2-му Западнему окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2022 года URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=71 (дата обращения 30.12.2022).

исполненного Т. по приговору от 27 октября 2021 г. (см.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных Центральному окружному военному суду, по уголовным делам, материалам досудебного и судебного производства, а также по делам об административных правонарушениях за первое полугодие 2022 г. URL: http://covs.svd.sudrf.ru/modules.php?name=dosum_sud&id=222 (дата обращения 25.12.2022)).

В заключение, полагаем, вполне обоснованным будет еще раз напомнить позицию высшей судебной инстанции нашей страны о необходимости исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания, имея в виду, что справедливое наказание способствует решению задач и достижению целей, указанных в статьях 2 и 43 УК РФ. А справедливость наказания, согласно ст. 6 УК РФ заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Библиография

1. Заказнова, А.Н. Зарубежный опыт предупреждения суицидов военнослужащих (на примере опыта США и Израиля) / А.Н. Заказнова // Вестник военного права. — 2021. — № 2. — С. 45—55.
2. Зателепин, О.К. Квалификация нарушений порядка несения специальных видов военной службы, сопряженных с применением насилия / О.К. Зателепин // Уголовное право. — 2013. — № 4. — С. 10—14.
3. Корякин, В.М. Некоторые вопросы квалификации преступлений за уклонение от прохождения военной службы / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // Военное право. — 2020. — № 4 (62). — С. 180—184.
4. Мелешко, П.Е. Об уголовной ответственности граждан, призванных на военные сборы, за совершение преступлений, предусмотренных главой 33 Уголовного кодекса Российской Федерации / В.Е. Мелешко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 8 (182). — С. 72—75.
5. Моргуленко, Е.А. Командиру о борьбе с неуставными отношениями / Е.А. Моргуленко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2003. — № 6. — С. 4—12.
6. Смирнов, Д.В. Квалификация взяточничества (решение спорных моментов уголовно-правовой квалификации военными судами) / Д.В. Смирнов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 9 (290). — С. 56—64.
7. Сотникова, В.В. Влияние социальных сетей Интернета на преступность в Российской Федерации / В.В. Сотникова, А.А. Гороховский // Военное право. — 2018. — № 6 (52). — С. 270—274.
8. Туганов, Ю.Н. Судебная деятельность: некоторые вопросы квалификации преступлений за насильственные действия в отношении командира (начальника) / Ю.Н. Туганов, В.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2020. — № 9. — С. 19—23.
9. Туганов, Ю.Н. О судебной практике в сфере материального обеспечения подготовки граждан по основам военной службы в образовательных организациях / Ю.Н. Туганов, В.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 12. — С. 7—10.
10. Шарапов, С.Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институализации / С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 8 (289). — С. 37—46.

Уголовное право, уголовный процесс, криминология
и криминалистика

**Анализ статистических показателей судимости
военнослужащих Российской Федерации за
преступления против военной службы в 2021 г.**

© Ермолович Ярослав Николаевич,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного права и криминологии
ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской
Федерации»

Аннотация. В статье выявляются тенденции развития воинской преступности и судимости военнослужащих за преступления против военной службы, делаются выводы о причинах развития некоторых выявленных тенденций судимости и преступности военнослужащих Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное право, военно-уголовное законодательство, военное право, военно-уголовное право, уголовная ответственность, военнослужащий, преступления против военной службы, судебная статистика.

**Analysis of statistical indicators of the criminal record of servicemen
of the Russian Federation for crimes against military service in 2021**

© Eermolovich Ya.N.,
Doctor of Legal Sciences, Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology
FGKOU VO «The Moscow Academy Investigative
Committee of the Russian Federation»

Annotation. The article identifies trends in the development of criminality and criminal records of military personnel for crimes against military service, and draws conclusions about the causes of the development of some of the identified trends in criminal records and criminality of military personnel of the Russian Federation.

Key words: criminal law, military criminal law, military law, military criminal law, criminal liability, servicemen, crimes against military service, judicial statistics.

Опубликованные Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации данные статистической отчетности военных судов о преступлениях против военной службы, количестве осужденных за эти преступления военнослужащих и назначенных им наказаниях представляют научный интерес и являются предметом исследования в настоящей статье¹.

¹ См.: Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц,

Так, в 2021 г. за совершение преступлений против военной службы (гл. 33 УК РФ) было осуждено 1 187 человек (в 2020 г. — 1 051 человек, т.е. рост за год на 13 %), за совершение 1 303 преступления (в 2020 г. — 1 162 преступлений, т.е. рост за год на 12 %), при этом оправданных не

в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» за 2021 г. [Электронный ресурс] // Данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 14.12.2022).

было (в 2020 г. был оправдан один человек). В 2021 г. в отношении 1 человека, обвиняемого в совершении 1 преступления против военной службы, дело было прекращено за отсутствием состава, события преступления или непричастностью к преступлению, т. е. по реабилитирующим основаниям (в 2020 г. по этим основаниям военными судами дела по преступлениям против военной службы не прекращались). В то же время в отношении 161 человека, обвиняемого в совершении 168 преступлений против военной службы, уголовные дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям (в 2020 г. — соответственно 221 человек, обвинявшийся в совершении 222 преступлений, т. е. падение на 27 % за год, что свидетельствует о повышении качества предварительного расследования уголовных дел и повышении эффективности выявления преступлений)¹. Таким образом, количество совершенных в 2021 г. преступлений против военной службы составляет не менее 1 525 (в 2020 г. — 1 383). В это число не входят преступления, уголовные дела по которым были прекращены на стадии предварительного расследования по нереабилитирующим основаниям (в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, со смертью подозреваемого или обвиняемого, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием и т. п.), поскольку такие сведения не попадают в статистическую отчетность военных судов. Таким образом, рост количества совершенных преступлений против военной службы за 2021 г. по сравнению с предыдущим годом составил 10,26 %, что меньше показателя количества осужденных, поскольку рост их количества, как и количества совершенных преступлений был нивелирован падением количества прекращенных в суде дел по нереабилитиру-

ющим основаниям. Тем не менее, рост количества совершенных преступлений против военной службы остается все равно значительным. В 2021 г. принудительные меры медицинского характера были применены в отношении 1 человека, совершившего преступление против военной службы или общественно опасное деяние, имеющее признаки такого преступления (в 2020 г. военными судами такие меры не назначались).

Из назначенных наказаний (всего 1 113 случаев)² за преступления против военной службы в 2021 г. лишение свободы составляло 165 (14,8 % от общего числа назначенных наказаний, в 2020 г. — 148 случаев и 15 % от общего числа назначенных наказаний), причем все назначенные наказания не превышают 5 лет лишения свободы, а более половины случаев (более 60 %, как и в 2020 г.) составляет лишение свободы на срок до 1 года (94 случая). Лишение свободы условно было назначено в 359 случаях, т. е. составляет 32 % от общего числа назначенных наказаний (в 2020 г. — 305 случаев и 30 %, т. е. рост на 2 %). Содержание в дисциплинарной воинской части составило 72 случая назначения, а с учетом общеуголовных преступлений — 82 случая (в 2020 г. — 70 и 79 соответственно), ограничение по военной службе — 188, а с учетом общеуголовных преступлений — 204 случая (в 2020 г. — 169 и 179 соответственно, т. е. рост на 11,2 %), обязательные работы — 7 случаев (как и в 2020 г.), штраф в качестве основ-

² См.: Форма № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» за 2021 г. [Электронный ресурс] // Данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 14.12.2022). Следует иметь в виду, что в число назначенных наказаний (1 113 случаев) входят и 30 случаев назначения наказаний за преступления против мира и безопасности человечества (исключительно по ст. 354.1 УК РФ), которые в указанной форме статистической отчетности включены в одну графу с преступлениями против военной службы, и не входят 104 случая назначения наказаний по совокупности преступлений или совокупности приговоров, поскольку они отражены в других разделах, однако на общую картину это не влияет.

¹ О реабилитирующих и нереабилитирующих основаниях прекращения уголовных дел см.: О едином учете преступлений: приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 // Российская газета. 2006. 25 января.

ного наказания — 254 случая (в 2020 г. — 232), условное осуждение к иным наказаниям (исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части) — 58 случаев (в 2020 г. — 52 случая). Иные виды наказаний военнослужащим, совершившим преступления против военной службы, не назначались. В 7 случаях осужденные были освобождены от наказания или наказание не назначалось (3 освобождены от отбывания наказания в связи с зачетом срока содержания под стражей или домашнего ареста, 4 — по другим основаниям). Иная мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 104.4 УК РФ) применялась в 133 случаях (в 2020 г. — 206 случаев, падение на 35 %, при том, что количество осужденных выросло). Иная мера уголовно-правового характера в виде конфискации имущества за совершение преступлений против военной службы в 2021 г. военными судами применялась в 3 случаях (в 2020 г. — 0). Из дополнительных наказаний: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью назначалось в 20 случаях (в 2020 г. — в 13 случаях), штраф — в 3 случаях (как и в 2020 г.), лишение воинского звания — в 2 случаях (в 2020 г. — 0). Из общего количества осужденных, которым было назначено наказание, только 3 совершили неоконченные преступления (как и в 2020 г.), 4 совершили преступления с использованием боевого оружия (в 2020 г. — 2, рост на 100 %), смягчающие обстоятельства учитывались в 769 случаях (в 2020 г. — в 680 случаях, рост на 13 % пропорционально росту количества преступлений), отягчающие обстоятельства — в 28 случаях (в 2020 г. — 17 случаях, рост на 65 %).

Таким образом, анализируя структуру назначенных наказаний, можно сделать вывод о том, что лишение свободы (если оценивать в целом с учетом наказаний, назначенных условно, т. е. по видам уголовного наказания) по-прежнему занимает первое место по количеству назначенных наказаний (47 %, а в 2020 г. — 45 %), как и наказания, связанные с лишением или ограничением свободы, в целом (53 %, как

и в 2020 г.). Если же учитывать только наказания, назначенные реально, то на первое место выходит штраф (22,8 %, в 2020 г. — 23 %), а лишение свободы оказывается на третьем месте (15 %), после ограничения по военной службе (17 %), в обоих случаях, как и в 2020 г. Если учитывать условные и реальные наказания, то наказания, назначенные условно, составляют 37,5 % или 417 случаев назначения (в 2020 г. — 36 % или 357 случаев назначения). Если оценивать все меры уголовно-правового характера, применяемые за совершение преступлений, то на втором месте после уголовного наказания (55,8 %, против 52 % в 2020 г.) оказывается условное осуждение (33,5 %, против 37,5 % в 2020 г.), а на третьем — судебный штраф (10,7 % против 17 % в 2020 г.). Таким образом, структура назначаемых уголовных наказаний в целом не претерпела изменений по сравнению с 2020 г., отмечается увеличение удельной доли уголовных наказаний и уменьшение удельной доли иных мер уголовно-правового характера, что может свидетельствовать как об ужесточении уголовной репрессии, так и о более строгом и внимательном подходе к назначению иных мер уголовно-правового воздействия.

Если сравнивать практику назначения военными судами уголовных наказаний за преступления против военной службы с практикой назначения наказаний судами общей юрисдикции в 2021 г., то удельный вес в общем числе осужденных (в процентах) реальному лишению свободы на определенный срок как и в 2020 г. (28,6 % против 28,5 % в 2020 г.) вдвое превышает показатели военных судов, а условное осуждение к лишению свободы (28,6 % против 28,2 % в 2020 г.) в общем и целом коррелирует с практикой военных судов, тогда как такое наказание как исправительные работы (удельный вес 8,3 % от общего числа осужденных против 7,8 % в 2020 г.), которое аналогично по своей сути ограничению по военной службе, назначалось судами общей юрисдикции вдвое ре-

же, как и в 2020 г.¹ Таким же образом соотносится практика назначения наказания в виде штрафа: если суды общей юрисдикции назначали это наказание в 12,3 % случаев, то военные суды — вдвое чаще. При этом следует иметь в виду, что штраф как уголовное наказание предусмотрен в гл. 33 УК РФ только в 3-х статьях (ст. ст. 346, 347, 348 УК РФ). За совершение преступлений, предусмотренных этими статьями, в 2021 г. было осуждено в совокупности 12 человек, тогда как в 2020 г. — 7 человек (рост на 58 %). Это свидетельствует о том, что в большинстве случаев военные суды назначали наказание в виде штрафа, которое не предусмотрено в санкциях статей гл. 33 УК РФ, т. е. со ссылкой на ст. 64 УК РФ или каким-либо другим способом, как и в 2020 г. Такие различия в практике назначения наказаний объясняются с одной стороны структурой уголовного законодательства в 2021 г., когда тяжкими были только 9 преступлений против военной службы, а особо тяжкие преступления против военной службы в уголовном законодательстве России и вовсе не были предусмотрены (без учета последних изменений уголовного законодательства, введенных Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ), большинство же преступлений против военной службы относились к преступлениями небольшой и средней тяжести, с другой стороны это свидетельствует о более мягком подходе военных судов к назначению уголовных наказаний.

Переходя к анализу структуры воинской преступности (преступлений против военной службы)², следует отметить, что в

2021 г. ни одного человека не было осуждено за совершение следующих преступлений против военной службы:

1. Неисполнение приказа (все части ст. 332 УК РФ);

2. Самовольное оставление части или места службы лицом, отбывающим наказание в дисциплинарной воинской части (ч. 2 ст. 337 УК РФ), как и в 2020 г.;

3. Уклонение путем симуляции болезни или иными способами, совершенное в целях полного освобождения от исполнения обязанностей военной службы (ч. 2 ст. 339 УК РФ);

4. Нарушение правил несения боевого дежурства (все части ст. 340 УК РФ) как и в 2020 г.;

5. Нарушение правил несения пограничной службы (все части ст. 341 УК РФ);

6. Нарушение уставных правил караульной службы (все части ст. 342 УК РФ) как и в 2020 г.;

7. Нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности (все части ст. 343 УК РФ);

8. Нарушение уставных правил патрулирования в гарнизоне лицом, входящим в состав патрульного наряда, если это деяние повлекло тяжкие последствия (ч. 1 ст. 344 УК РФ);

9. Оставление погибающего военного корабля (ст. 345 УК РФ) как и в 2020 г.;

10. Нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц (ч. 3 ст. 349 УК РФ).

На уровне статистической погрешности колеблется количество осужденных в 2021 г. за совершение следующих преступлений против военной службы:

1. Сопrotивление начальнику или принуждение к нарушению обязанностей при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 333 УК РФ) — 1 человек по дополнительной квалификации, как и в 2020 г.;

военнослужащими, которые традиционно учитываются отдельно. — прим. авт.

¹ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008—2021 годы [Электронный ресурс] // Данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 14.12.2022).

² Здесь и далее под воинской преступностью будет пониматься совокупность преступлений против военной службы, совершенных военнослужащими и лицами к ним приравненными за определенный период времени на определенной территории, как это принято в военной криминологии, в отличие от общеуголовных преступлений, совершаемых

2. Оскорбление одним военнослужащим другого (ч. 1 ст. 336 УК РФ) — 2 человека по дополнительной квалификации;

3. Самовольное оставление части или места службы на срок от 2 до 10 суток (ч. 1 ст. 337 УК РФ) — 7 человек;

4. Дезертирство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 338 УК РФ) — 2 человека;

5. Нарушение уставных правил несения внутренней службы лицом, входящим в суточный наряд части (кроме караула и вахты), если это деяние повлекло утрату, уничтожение или повреждение находящихся под охраной наряда оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств либо предметов военной техники, а равно иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 344 УК РФ) — 1 человек по дополнительной квалификации;

6. Умышленные уничтожение или повреждение военного имущества (ч. 1 ст. 346 УК РФ) — 6 человек по дополнительной квалификации;

7. Умышленные уничтожение или повреждение военного имущества, повлекшее тяжкие последствия (ч. 2 ст. 346 УК РФ) — 1 человек по дополнительной квалификации;

8. Уничтожение или повреждение военного имущества по неосторожности (ст. 347 УК РФ) — 3 человека;

9. Утрата военного имущества (ст. 348 УК РФ) — 2 человека;

10. Нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (ч. 1 ст. 349 УК РФ) — 2 человека;

11. Нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 2 ст. 349 УК РФ) — 2 человека;

12. Нарушение правил вождения или эксплуатации машин, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц (ч. 3 ст. 350 УК РФ) — 3 человека;

13. Нарушение правил полетов или подготовки к ним (ст. 351 УК РФ) — 1 человек;

14. Нарушение правил кораблевождения (ст. 352 УК РФ) — 2 человека.

Наиболее распространенным преступлением против военной службы в 2021 г. являлось самовольное оставление части или места службы на срок более 1-го месяца (ч. 4 ст. 337 УК РФ). В 2021 г. 347 человек было осуждено за совершение 380 преступлений, что составляет 29,2 % от общего количества осужденных за преступления против военной службы и 29,1 % преступлений. Тогда как в 2020 г. эти показатели были соответственно 318 человек и 338 преступлений, 30,3 % осужденных и 29,1 % преступлений, т. е. за год рост совершенных преступлений составил 12,4 %.

Вторым по распространенности преступлением против военной службы являлось самовольное оставление части или места службы на срок от 10 суток до 1-го месяца (ч. 3 ст. 337 УК РФ). В 2021 г. 252 человек было осуждено за совершение 275 преступлений, что составляет 21,2 % от общего количества осужденных за преступления против военной службы и 21 % преступлений против военной службы. Тогда как в 2020 г. эти показатели были соответственно 217 человек и 230 преступлений, 20,65 % осужденных и 19,8 % преступлений, т. е. за год рост совершенных преступлений составил 19,6 %.

На третьем месте по распространенности находилось нарушение уставных правил взаимоотношений без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 335 УК РФ). В 2021 г. 208 человек были осуждены за совершение 230 преступлений, что составляет 17,5 % от общего количества осужденных за преступления против военной службы и 17,7 % преступлений. Тогда как в 2020 г. эти показатели были соответственно 174 человека и 198 преступлений, 16,6 % осужденных и 17 % преступлений, т. е. за год рост совершенных преступлений составил 16,2 %.

На четвертом месте находилось нарушение уставных правил взаимоотношений при отягчающих обстоятельствах (ч. 2

ст. 335 УК РФ), в 2021 г. 155 человек было осуждено за совершение 163 преступлений, что составляет 13 % от общего количества осужденных за преступления против военной службы и 12,5 % преступлений. Тогда как в 2020 г. эти показатели были соответственно 117 человек и 127 преступлений, 11,1 % осужденных и 10,9 % преступлений, т. е. за год рост совершенных преступлений составил 28,3 %, т. е. почти на треть, при этом удельная доля в структуре воинской преступности выросла почти на 2 %.

На пятом месте — уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами (ч. 1 ст. 339 УК РФ), в 2021 г. 52 человек было осуждено за совершение 66 преступлений, что составляет 4,4 % от общего количества осужденных за преступления против военной службы и 5 % преступлений. Тогда как в 2020 г. эти показатели были соответственно 70 человек и 98 преступлений, 6,7 % осужденных и 8,4 % преступлений, т. е. за год падение количества совершенных преступлений составило 32,7 %, т. е. более чем на треть, при этом удельная доля в структуре воинской преступности сократилась на 3,4 %.

В своей совокупности все пять указанных преступлений составляли 85,3 % от общего количества преступлений против военной службы, совершенных в 2021 г. (в 2020 г. — 85,2 %), т. е. структура преступности практически не изменилась, но произошло перераспределение преступлений с увеличением удельной доли самовольного оставления части и нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности и уменьшением удельной доли уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами. Остальные 41 состав преступления против военной службы составляли в своей совокупности 14,7 % от общего количества преступлений против военной службы, совершенных в 2021 г.

За уклонения от военной службы (ст. ст. 337, 338, 339 УК РФ) в 2021 г. были осуждены 681 военнослужащий (57,4 % от

количества осужденных военнослужащих), действия которых были квалифицированы как 751 преступление (57,6 % от общего количества преступлений против военной службы). Тогда как в 2020 г. эти показатели составляли соответственно 640 военнослужащих (60,9 %) и 702 преступления (60 %), т. е. рост количества совершенных преступлений составил почти 7 % за год, но при этом удельная доля уклонений от военной службы сократилась на 2,4 %.

За воинские насильственные преступления (ст. ст. 333, 334, 335 УК РФ) в 2021 г. были осуждены 436 военнослужащих (36,7 % от количества осужденных военнослужащих), действия которых были квалифицированы как 467 преступлений (35,8 % от общего количества преступлений против военной службы). Тогда как в 2020 г. эти показатели составляли соответственно 352 военнослужащих (33,5 %) и 387 преступлений (33,3 %), т. е. рост количества совершенных преступлений составил почти 20,7 % за год, при этом удельная доля воинских насильственных преступлений также выросла на 2,5 %.

За нарушения специальных правил (ст. 340, 341, 342, 343, 344, 345, 349, 350, 351, 352 УК РФ) были осуждены 35 военнослужащих (3 % от количества осужденных военнослужащих), действия которых были квалифицированы как 35 преступлений (2,7 % от общего количества преступлений против военной службы). Тогда как в 2020 г. эти показатели составляли соответственно 25 военнослужащих (2,4 %), действия которых были квалифицированы как 31 преступление (2,7 %), т. е. рост количества осужденных составил почти 40 % за год, а рост количества совершенных преступлений — 12,9 %, тогда как удельная доля нарушений специальных правил не изменилась.

Таким образом, оценивая динамику преступности и судимости военнослужащих за преступления против военной службы в 2020 и 2021 гг., можно прийти к следующим выводам. С 1 января 2017 г. штатная численность Вооруженных Сил Российской Федерации была установлена в 1 013 628 военнослужащих и в 2020, 2021

гг. не изменялась¹, тогда как количество совершенных преступлений против военной службы и осужденных военнослужащих выросло соответственно на 12 % и 10,26 %. В России в 2021 г. также выросло количество совершенных преступлений с 852 506 в 2020 г. до 1 030 708 в 2021 г., т. е. более чем на 20 %, при этом количество осужденных выросло не так значительно с 530 998 человек в 2020 г. до 565 317 человек в 2021 г., т. е. на 6 %². В 2020 г. численность населения России составляла 146 748 590, а в 2021 г. достигла 147 182 123³, т. е. увеличилась на 0,3 %, тогда как преступность выросла более чем на 20 %. Темпы роста преступности за год на два порядка опередили темпы роста населения.

Рост воинской преступности в 2021 г. был значительно ниже роста преступности по стране в целом, а рост количества осужденных более чем в 2 раза опережает таковой показатель для всей страны. Это говорит о том, что военнослужащие совершают чаще не одно, а несколько преступлений против военной службы, квалифицируемых по совокупности, что свидетельствует о повышении общественной опасности преступников. На это указывает также увеличение удельного веса воинских насильственных преступлений и уклонений от военной службы, за счет которых был обеспечен рост преступлений против военной службы в 2021 г. и уменьшение доли преступлений против порядка несения специальных видов военной службы, против порядка сбережения военного имущества, неисполнения приказа и т. п.

¹ Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 17 ноября 2017 г. № 555 // СЗ РФ. 2017. № 47. Ст. 6969.

² Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008-2021 годы [Электронный ресурс] // Данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 14.12.2022).

³ Демография // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 14.12.2022).

Структура воинской преступности, как и в предыдущие годы, существенных изменений не претерпела. Количество военнослужащих, осужденных за нарушения специальных правил, показывает рост за счет увеличения доли в структуре преступности, как и в 2020 г., однако, хотя в относительных показателях этот рост существенный (до 40 %), в абсолютных показателях этот рост колеблется на уровне статистической погрешности. Если в 2020 г. воинские насильственные преступления показывали сокращение своей доли в структуре воинской преступности, то в 2021 г. они вновь начали расти в абсолютных, относительных показателях, а также выросла их удельная доля в структуре воинской преступности. Уклонения от военной службы и воинские насильственные преступления по-прежнему остаются наиболее распространенными преступлениями против военной службы. Практика назначения военными судами уголовных наказаний за преступления против военной службы характеризовалась в 2021 г. высокой степенью гуманизации, широким применением наказаний, не связанных с лишением свободы, а также освобождением военнослужащих, совершивших преступления против военной службы, от уголовной ответственности с применением иных мер уголовно-правового характера, главным образом судебного штрафа, применение которого хоть и упало в абсолютных показателях, но остается существенным в структуре применения всех мер уголовно-правового характера. До исторического минимума сократилось применение наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части, куда в 2021 г. было направлено всего 82 человека.

К вопросу об объективных и субъективных признаках состава преступления, предусмотренного ст. 280.2 УК РФ «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации»

© **Копылов Михаил Михайлович**,
кандидат юридических наук, юрист

Аннотация. Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» были внесены изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, в том числе в части дополнения его статьей 280.2 «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации», предусматривающей уголовную ответственность за отчуждение части территории Российской Федерации или иные действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 278, 279 и 280.1 УК РФ. Можно сказать, что данная норма сравнительно молодая. В настоящей статье представлено авторское видение объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного статьей 280.2 УК РФ.

Ключевые слова: уголовная ответственность, территориальная целостность Российской Федерации, нарушение территориальной целостности, посягательство, Государственная граница Российской Федерации.

On the issue of objective and subjective signs of the corpus delicti provided for in Article 280.2 of the Criminal Code of the Russian Federation «Violation of the territorial integrity of the Russian Federation».

© **Kopylov M.M.**,
Candidate of Law, Lawyer

Annotation. Federal Law of December 8, 2020 No. 425-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 30 and 31 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" amendments were made to the Criminal Code of the Russian Federation, including in part of its addition to Article 280.2 "Violation of the Territorial Integrity of the Russian Federation", providing for criminal liability for alienation of part of the territory of the Russian Federation or other actions (except for the delimitation, demarcation, redemarkation of the State Border of the Russian Federation with neighboring states), aimed at violating the territorial integrity of the Russian Federation, in the absence of signs of crimes provided for in Articles 278, 279 and 280.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. We can say that this norm is relatively young. This article presents the author's vision of objective and subjective signs of the corpus delicti provided for in Article 280.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal liability, territorial integrity of the Russian Federation, violation of territorial integrity, territory, State border of the Russian Federation.

В 2020 г. с учетом сложившейся социально-политической и международной обстановки УК РФ был дополнен нормой об ответственности за отторжение части территории Российской Федерации и иные действия, направленные на нарушение

территориальной целостности (ст. 280.2 УК РФ). Правовой основой принятия этой уголовно-правовой нормы явилась поправка к Конституции Российской Федерации о недопущении действий, направленных на отчуждение части территории Российской

Федерации, а также призывов к таким действиям.

Исследование уголовно-правовых норм, действовавших до издания Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым внесены соответствующие изменения в УК РФ, показывает, что уголовно-правовой запрет охватывал лишь некоторые из форм общественно опасных действий, представляющих угрозу территориальной целостности, а ряд других таких деяний, объективно представляющих опасность территориальной целостности Российской Федерации, находился вне рамок уголовного закона. В ранее действовавших источниках уголовного права нашей страны подобной нормы не существовало¹, в связи с чем в науке уголовного права глубокий научный анализ объективных и субъективных признаков данного состава преступления отсутствовал. В настоящее время учеными-юристами предприняты попытки проведения такого анализа², однако, как видится, для выработки оптимальных подходов по вопросу объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 280.2 УК РФ, такое исследование необходимо продолжить. Не погружаясь основательно в проблему о совершенстве диспозиции рассматриваемой нормы, хотелось бы отметить, что по части санкции более справедливым было бы установить наказание в виде лишения свободы на срок от двенадцати до двадцати лет лишения свободы с ограничением сво-

боды до двух лет, так как по характеру и степени общественной опасности нарушение территориальной целостности сопоставимо с вооруженным мятежом (ст. 279 УК РФ) и насильственным захватом власти (ст. 278 УК РФ). Так, негативные последствия отторжения территории России будут выражаться не только в утрате части ее территории, недр, полезных ископаемых, но и в трансфертной оптации проживающих на данной территории граждан, а также потенциально возможных вооруженных конфликтах отделившихся территорий с Российской Федерацией.

Анализ нормы об уголовной ответственности за нарушение территориальной целостности Российской Федерации в ее нынешней конструкции показывает, что родовым объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие охрану основ конституционного строя и государства, нормальную деятельность государственного аппарата и органов местного самоуправления, всей структуры государства и власти в Российской Федерации. Видовой объект представляет собой отношения, регулирующие безопасность и нормальное функционирование конституционного строя Российской Федерации, ее суверенитет, внешнюю и внутреннюю безопасность государства.

Непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, сложившиеся по поводу обеспечения территориальной целостности между Российской Федерацией — с одной стороны, и иными органами публичной власти, физическими и юридическими лицами, иностранными государствами, иностранными и международными организациями — с другой.

Под территориальной целостностью Российской Федерации предлагается понимать единство территории Российской Федерации, на которую распространяется ее суверенитет в пределах государственной границы Российской Федерации.

В соответствии с ч. 1 ст. 67 Конституции Российской Федерации территория Российской Федерации включает территорию ее субъектов, внутренние воды и тер-

¹ См. подр.: Редкоус В.М., Копылов М.М. Уголовная ответственность за посягательства на территориальную целостность Российской Федерации: история и современное состояние // Закон и право. 2019. № 9. С. 19—23.

² См.: Сабитов Т.Р. Уголовная ответственность за нарушение территориальной целостности Российской Федерации (статья 280.2 УК РФ) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 2 (60). С. 43—50; Мамедов А.Э., Титовец И.В. Новое об уголовной ответственности за сепаратизм (правовая оценка ст. 280.1 и ст. 280.2 УК РФ) // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». 2021. № 1.

риториальное море, воздушное пространство над ними. В этой связи посягательство на указанные элементы необходимо рассматривать как нарушение территориальной целостности России. В соответствии с Конституцией Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации в порядке, определяемом федеральными законами и нормами международного права. Следовательно, континентальный шельф и исключительная экономическая зона к территории России не относятся, а посягательство на них, за исключением действий, предусмотренных ст. 253 УК РФ («Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации»), следует рассматривать как посягательство на суверенитет России. Такие действия следует квалифицировать по ст. 353 УК РФ («Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны»).

В общем виде, объективная сторона рассматриваемого преступления может выражаться в любых действиях, которые направлены на передачу части территории России под юрисдикцию другого государства или на уменьшение территории Российской Федерации путем образования на ее территории другого суверенного государства, разделения России на два и более суверенных государств. Следует отметить, что приращение территории не образует посягательство на территориальную целостность, поскольку Конституция Российской Федерации допускает принятие и образование в составе Российской Федерации новых субъектов (ч. 2 ст. 65 Конституции).

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления проявляется в двух формах: а) отчуждение части территории Российской Федерации и б) иные действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные

на нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

В ст. 280.2 УК РФ установлено, что не допускаются действия, за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации¹, направленные на отчуждение части территории Российской Федерации. В этой связи любое отчуждение территории России, совершенное, не в рамках нормативно установленных процедур по делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации, следует квалифицировать как действия, направленные на нарушение территориальной целостности и подпадающие под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 280.2 УК РФ. Такие действия в данном случае могут выражаться в продаже, безвозмездной передаче (дарении) либо уступке части территории России другому государству (цессии). Продажа территории представляет собой передачу одним государством суверенитета над своей определенной территорией другому государству за денежное, либо иное материальное вознаграждение. Так, в 1867 г. Россия продала Соединенным Штатам Америки Аляску и Алеутские острова за 7,2 млн. долларов. В результате уступки (цессии) своей территории государство добровольно передает часть своей территории другой стране без получения какой-либо компенсации².

Следует отметить, что передача осуществления каких-либо прав на опреде-

¹ *Делимитация* — это определение линии государственной границы путем переговоров с описанием ее прохождения, нанесением на карту и включением соответствующих условий в международный договор. После делимитации производится *демаркация* — установление линии государственной границы на местности с обозначением ее пограничными знаками. *Редемаркация* — это восстановление ранее установленной линии государственной границы на местности, например, ремонт и установка дополнительных пограничных знаков.

² Остроухов Н.В. Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве : монография. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 192.

ленной территории государства без передачи права международно-правовой собственности на эту же территорию (например, сдача территории в аренду) не будет образовывать объективную сторону действий, направленных на нарушение территориальной целостности.

Посягательство на территориальную целостность может произойти при осуществлении делимитации Государственной границы Российской Федерации, если указанная процедура будет выполнена с явным нарушением установленных требований. В соответствии с ч. 2 ст. 5 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» прохождение Государственной границы, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации, устанавливается:

— на суше — по характерным точкам, линиям рельефа или ясно видимым ориентирам;

— на море — по внешней границе территориального моря Российской Федерации;

— на судоходных реках — по середине главного фарватера или тальвегу реки; на несудоходных реках, ручьях — по их середине или по середине главного рукава реки; на озерах и иных водных объектах — по равностоящей, срединной, прямой или другой линии, соединяющей выходы Государственной границы к берегам озера или иного водного объекта. Государственная граница, проходящая по реке, ручью, озеру или иному водному объекту, не перемещается как при изменении очертания их берегов или уровня воды, так и при отклонении русла реки, ручья в ту или иную сторону;

— на водохранилищах гидроузлов и иных искусственных водных объектах — в соответствии с линией Государственной границы, проходившей на местности до ее затопления;

— на мостах, плотинах и других сооружениях, проходящих через реки, ручьи, озера и иные водные объекты — по середине этих сооружений или по их технологической оси независимо от прохождения

Государственной границы на воде¹. Явное отступление от указанных и иных правил установления Государственной границы, в результате которого Российская Федерация утратит часть своей территории, при наличии соответствующего умысла на отторжение от России части ее территории, следует рассматривать как действия, приведшие к отчуждению части территории Российской Федерации, ответственность за которое предусмотрена ст. 280.2 УК РФ.

Кроме того, при наличии признаков оказания помощи иностранному государству, такие действия необходимо квалифицировать по совокупности со ст. 275 УК РФ («Государственная измена»).

Территориальная целостность может быть нарушена при принятии решения об отделении и создании суверенного государства какой-либо административно-территориальной единицей в составе России².

Проведение различных съездов, во время которых будут обсуждаться вопросы будущего отделения, формирование параллельных органов власти или иных структур, которым будут поставлены задачи по подготовке соответствующих документов (актов, деклараций, резолюций, законов) о независимости региона от федерации необходимо расценивать как иные действия, направленные на нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Например, в марте 1992 г. в г. Красноярске прошел съезд народных депутатов, на котором обсуждался вопрос о независимости Сибири и создании суверенного государства Енисейской республики³.

¹ О Государственной границе Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 (в ред. от декабря 2021 г.).

² Примером такого рода действий в международной практике является провозглашение независимости Косово от Сербии. Так, в феврале 2008 г. парламент Косово принял декларацию, которая объявила о независимости Косово и его отделении от Сербии в одностороннем порядке.

³ Как Сибирь хотела отделиться от России [Электронный ресурс]. URL: <http://zen.yandex.ru/media/cyrillitsa.ru/kak-sibir-hotela-otdelitsia-ot-rossii-5d5c133ba06eaf00aeec17a2> (дата обращения: 18.10.2022 г.).

Кроме того, действием, направленным на нарушение территориальной целостности, следует признать принятие решения должностными лицами субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления о проведении в соответствующей административно-территориальной единице референдума об отделении от Российской Федерации. При этом такое решение будет противоречить Конституции России и Федеральному конституционному закону «О референдуме Российской Федерации». В данном случае уголовная ответственность для должностного лица должна будет наступать по совокупности со ст. 286 УК РФ («Превышение должностных полномочий»).

Аналогично, для отторжения части территории России могут быть использованы попытки легитимации данных действий через назначение и проведение общегосударственного референдума, на котором на голосование будет поставлен вопрос о передаче части территории иностранному государству, либо предоставлении независимости какой-либо административно-территориальной единице. Такие действия необходимо квалифицировать в качестве деяния, подпадающего под признаки преступлений, предусмотренных ст. 280.2 и ст. 286 УК РФ.

К действиям, направленным на нарушение территориальной целостности, следует также отнести оказание влияния на международные организации для незаконного отторжения части территории Российской Федерации, не подпадающие под признаки преступления, предусмотренного ст. 280.1 УК РФ. Такие действия могут выражаться в осуществлении давления на должностных лиц при решении вопросов о разграничении спорных территорий, которое приведет к неоправданным уступкам территории в пользу иностранного государства. При этом деятельность таких лиц, направленная, в том числе, на вовлечение зарубежных государств в развязывание против России агрессии, необходимо квалифицировать в зависимости от других обстоятельств по ч. 4 ст. 33 и ч. 1 ст. 353 УК РФ, либо по ст. 354 УК РФ.

Для отторжения территории России могут создаваться организации, что соответствует признакам иных действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Однако, при наличии иных отличительных свойств таких организаций, действия по их созданию могут быть квалифицированы по ст. 205.4 («Организация террористического сообщества»), ст. 208 («Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем»), ст. 209 («Бандитизм»), ст. 210 («Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)»), ст. 282.1 («Организация экстремистского сообщества») УК РФ.

Объективную сторону рассматриваемого состава преступления могут также составлять иные действия, не подпадающие под признаки агрессии, вооруженного мятежа, насильственного захвата власти.

Для квалификации действий как нарушающих территориальную целостность, необходимо установление субъективной стороны в виде соответствующего умысла и цели, направленных на отторжение от России части территории, то есть на нарушение территориальной целостности. Мотивы совершения рассматриваемых действий могут быть различными, в качестве таковых возможны корыстная или иная личная заинтересованность, ненависть к существующему государственному и общественному строю, месть и другие. Мотив не является обязательным при квалификации рассматриваемого преступления, но может быть учтен при назначении наказания.

Субъект данного преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет, хотя, необходимо отметить, что совершение большинства действий в рамках объективной стороны указанного преступления, таких, например, как передача иностранному государству части территории России, делимитация Государственной границы, выполненная с явным нарушением, повлекшая отторжение части территории России, может быть осуществлено только лицами,

обладающими соответствующими полномочиями.

В заключении необходимо отметить, что научно-теоретическое обоснование признаков составов преступлений, в том числе посягающих на территориальную целостность Российской Федерации, необходимо для их единообразного понимания всеми участниками уголовного судопроизводства.

Библиография

1. Мамедов, А.Э. Новое об уголовной ответственности за сепаратизм (правовая оценка ст. 280.1 и ст. 280.2 УК РФ) / А.Э. Мамедов, И.В. Титовец // Научно-образовательный журнал

для студентов и преподавателей «StudNet». — 2021. — № 1.

2. Остроухов, Н.В. Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве: монография / Н.В. Остроухов. — М.: Юрлитинформ, 2009.

3. Редкоус, В.М. Уголовная ответственность за посягательства на территориальную целостность Российской Федерации: история и современное состояние / В.М. Редкоус, М.М. Копылов // Закон и право. — 2019. — № 9. — С. 19—23.

4. Сабитов, Т.Р. Уголовная ответственность за нарушение территориальной целостности Российской Федерации (статья 280.2 УК РФ) / Т.Р. Сабитов // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2022. — № 2 (60). — С. 43—50.

Правовая характеристика поддельных и подложных документов

© Некрасов Александр Анатольевич,
доктор военных наук, профессор, ведущий
научный сотрудник Центра анализа проблем
пограничной безопасности

Аннотация. В статье исследуются некоторые положения, определяющие правовую характеристику поддельного и подложного документа. Проведен анализ правовой квалификации двух видов подлога: материального и интеллектуального. Исследованы объективная и субъективная сторона преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 257 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: пограничный контроль, пути международного сообщения, служебно-оперативная деятельность, поддельный документ, подложный документ, объективная и субъективная сторона преступления.

Legal characteristics of forged and forged documents

© Nekrasov A.A.,
Doctor of Military Sciences, Professor, Leading
Researcher at the Center for Analysis of Border
Security Problems

Annotation. The article examines some provisions defining the legal characteristics of a forged and forged document. The analysis of the legal qualification of two types of forgery: material and intellectual. The objective and subjective side of the crime, the responsibility for which is provided for in Article 257 of the Criminal Code of the Russian Federation, is investigated.

Keywords: border control, international communication routes, official and operational activities, forged document, forged document, objective and subjective side of the crime.

Пути международного сообщения¹ являются каналом, которым нарушители государственной границы пытаются неза-

¹ Под этим термином принято понимать систему магистралей (основных направлений транспортных сетей) между странами, обеспечивающую передвижение лиц, транспортных средств, грузов и товаров в соответствии с международными договорами и национальным законодательством. В зависимости от среды, где они проложены и проходят, видов транспорта, который по ним передвигается, пути международного сообщения подразделяются на железнодорожные, автомобильные, водные (морские, речные, озерные), воздушные, пешеходные. Составной частью путей международного сообщения являются пункты пропуска через границу. См.: Некрасов А.А. Система пограничного контроля Российской Федерации и направления ее совершенствования : дис. ... д-ра воен. наук. М., 1999.

конно проникнуть в Российскую Федерацию, в том числе с использованием поддельных и подложных документов.

Так, в 2021 г. в пунктах пропуска через границу было выявлено 42 624 лица с поддельными документами (в 2020 году — 25 535, увеличение в 1,7 раза), которые были привлечены к уголовной и административной ответственности. Вместе с тем, определенную сложность представляет правовая характеристика понятия «поддельный документ», так как в российском законодательстве нет его легального определения.

Вместе с тем, в Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности имеется дефиниция «поддельный документ», которая, наряду с понятиями

«действительный документ»¹ и «подлинный документ»², применяется в процессуальной и режимно-пропускной деятельности пограничных органов ФСБ России.

Так, общее определение поддельного документа дается в ст. 3 «Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» к указанной Конвенции ООН. В частности, отмечено, что «поддельный документ на въезд/выезд или удостоверение личности» означает любой документ на въезд/выезд или удостоверение личности, которые:

— были подделаны или изменены каким-либо материальным образом любым лицом или учреждением, кроме тех, которые в законном порядке уполномочены изготавливать или выдавать документ на въезд/выезд или удостоверение личности от имени государства; или

— были ненадлежащим образом выданы или получены с помощью представления неверных данных, коррупции или принуждения или каким-либо иным незаконным образом; или

используются лицом, иным, чем законный владелец.

Вероятно, данное определение необходимо имплементировать в российское законодательство. Для этого целесообразно внести соответствующие дополнения в постановление Правительства Российской Федерации³ и ведомственные правовые акты.

Особый научный и практический интерес вызывает анализ использования путей международного сообщения лицами с подложными документами. Так, в 2021 г. пограничными органами выявлено в пунктах пропуска через государственную гра-

ницу 7 018 (в 2020 г. — 3129 чел., увеличение в 2,2 раза) иностранных граждан и лиц без гражданства, въезд которым в Российскую Федерацию не разрешен, следовавших с использованием действительных документов, оформленных на измененные установочные данные (с использованием так называемых «подложных документов»).

Научный характер анализа данной угрозы связан с тем, что в некоторых исследовательских работах и в правовых актах, регламентирующих оперативно-служебную деятельность пограничных органов на путях международного сообщения, применяется термин «подложный документ», но не дается его содержание⁴. Данный правовой пробел связан, в первую очередь, с отсутствием в российских правовых актах легального определения «поддельный документ» и «подложный документ», а также отсутствием единой позиции ученых-правоведов относительно данных дефиниций⁵.

В российских научных кругах часто понятия поддельный и подложный документ используются как синонимы⁶. При этом понятие поддельный документ используют в смысле его изготовления и сбыта, а подложный документ в смысле использования поддельного документа.

В комментариях к УК РФ отмечается, что подложным документом называют бумагу, изготовленную надлежащим обра-

¹ О Государственной границе Российской Федерации : Закон Российской Федерации. Ст. 11; УК РФ. Ст. 322.

² О порядке применения средств и методов контроля при осуществлении пропуска лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных через государственную границу Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2005 г. № 50. П. 8.

³ Там же.

⁴ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ. П. 9 ст. 27.

⁵ Часть 5 ст. 327 УК РФ; Мозговая Д.А. Расследование подлога документов : дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский университет МВД России, 2011; Омелянович В.В. Расследование подделки, изготовления или сбыта поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков : дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Омская академия МВД России, 2013.

⁶ Парог А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Парог. М.: Проспект, 2016; Бриллиантов А.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект; Российская академия правосудия, 2017; Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. О трактовке норм права военными судами // Военно-юридический журнал. 2019. № 7. С. 10—13. и др.

зом, но содержащую ложные сведения. Подлог бывает двух видов: материальный и интеллектуальный. Использование заведомо подложного документа преследуется по закону. Ответственность за это преступление установлена ч. 3 ст. 327 УК РФ.

Материальным подлогом называют внесение изменений в подлинный документ путем травления, подчистки либо изготовление полностью фальшивого документа (включая и реквизиты). При интеллектуальном подлоге на бланке утвержденного образца содержится информация, не соответствующая действительности.

Объективную сторону данного преступления образуют подделка официального документа (изготовление фальшивого документа любым способом и в любом объеме); сбыт поддельных официальных документов; использование поддельных документов.

С субъективной стороны преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 257 УК РФ, характеризуется наличием прямого умысла. Предъявляя заведомо подложный документ, виновный понимает, что он фальшивый, стремится получить определенную выгоду от своих действий. Субъект, безусловно, осознает противоправность своего поведения. На это указывает понятие «заведомость».

Привлечь к ответственности за предъявление заведомо подложного документа по указанной статье УК РФ можно вменяемое физлицо 16 лет. При этом, как правило, субъект преступления не является изготовителем фальшивой бумаги.

Использование подложного документа является разновидностью обмана. Поэтому в случаях, когда обман выступает способом совершения преступлений, предусмотренных ст. ст. 159 и 165 УК РФ, и выражается в использовании подложных документов, дополнительной квалификации по ч. 5 ст. 327 не требуется.

В комментариях к ст. 357 УК РФ отмечается, что «подложный документ не может ни при каких обстоятельствах считаться подлинным. Вместе с тем созданная по установленным правилам, законным способом официальная или личная бумага

не станет подложной даже при противоправном обращении с ней»¹.

Вероятно, данные рассуждения правомерны при комментарии к ст. 327 УК РФ и не в полной мере подходят к понятию «подложный документ» относительно к совершенным преступлениям, ответственность за которые предусмотрена ч. 2 ст. 322 УК РФ «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации». В данной статье установлено, что «пересечение Государственной границы Российской Федерации при въезде в Российскую Федерацию иностранным гражданином или лицом без гражданства, въезд которым в Российскую Федерацию заведомо для виновного не разрешен по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации, наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок».

В частности, такие основания предусмотрены ст. 27 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». К примеру, п. 2 названной статьи предусмотрен запрет въезда в Российскую Федерацию иностранному гражданину или лицу без гражданства в случае, если в период своего предыдущего пребывания в Российской Федерации иностранный гражданин или лицо без гражданства подвергались административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортировались либо были переданы Российской Федерацией иностранному государству в соответствии с международным договором о реадмиссии, в течение пяти лет со дня административного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации либо передачи иностранному государству в соответствии с международным договором о реадмиссии. Кроме того, пунктом 9 указанной статьи Федерального закона предусматривается запрет на въезд в Российскую Федерацию если иностранный гражданин или лицо без гражданства использо-

¹ Бриллиантов А.В. Указ. соч. С. 356.

вали подложные документы

Обязательным условием наличия состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 322 УК РФ, является заведомое знание виновного об установленном запрете на въезд в Российскую Федерацию. Объективную сторону преступления образует действие — незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации. Субъект этого квалифицированного состава преступления специальный — иностранный гражданин или лицо без гражданства, в отношении которого установлен запрет на въезд в Российскую Федерацию.

По отношению к данному преступлению понятие «подложный документ», используемое в ст. 327 УК РФ, не может быть применено в полном объеме. Данный термин правомерно применять, если иностранный гражданин или лицо без гражданства, в отношении которого установлен запрет на въезд в Российскую Федерацию, использует документ, в котором незаконно внесены другие установочные данные (фамилия, имя, отчество, дата рождения и др.). В противном случае данный документ будет являться подлинным, но действия такого лица будут неправомерными.

Таким образом, только те документы, в которые незаконно внесены новые установочные данные и которые были использованы лицами, знавшими, что им запрещен въезд в Россию, правомерно назвать «подложными документами».

В остальных случаях использование подлинных документов с законным изменением установочных данных лицами указанной категории, например, бракосочетание, следует квалифицировать как «подлог

личности» физического лица, которому был закрыт въезд в страну и оповещенный об этом установленным образом.

Следовательно, дефиницию «подложные документы» необходимо классифицировать следующим образом:

— документы, изменения в которые внесены незаконным способом, т.е. истинно подложные документы. Эти же документы будут квалифицироваться как «поддельные»;

— документы, изменения в которые внесены законным способом, но которые привели к «подлогу личности» физического лица.

Библиография

1. Бриллиантов, А.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный / под ред. А.В. Бриллиантова. — М.: Проспект. Российская академия правосудия, 2017. — 486 с.
2. Мозговая, Д.А. Расследование подлога документов: дис. ... канд. юрид. наук / Д.А. Мозговая. — М.: Московский университет МВД России, 2011. — 267 с.
3. Некрасов, А.А. Система пограничного контроля Российской Федерации и направления ее совершенствования : дис. ... д-ра воен. наук / А.А. Некрасов. — М., 1999. — 427 с.
4. Омелянович, В.В. Расследование подделки, изготовления или сбыта поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков: дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Омелянович. — Омск: Омская академия МВД России, 2013. — 296 с.
5. Рарог, А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. — М.: Проспект, 2016. — 564 с.
6. Туганов, Ю.Н. О трактовке норм права военными судами / Ю.Н. Туганов, В.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 7. — С. 10—13.

Сущность публичного распространения заведомо ложной информации применительно к ст. 207.3 УК РФ

© Новикова Ольга Валентиновна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Уголовное право, уголовный процесс и
правоохранительная деятельность»
Юридического института ФГАОУ ВО
«Российский университет транспорта»

Аннотация. В статье рассматривается сущность и содержание публичного распространения под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, анализируются точки зрения ученых на содержание и сущность рассматриваемого уголовно-правового отношения.

Ключевые слова: публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

The essence of the public dissemination of deliberately false information in relation to Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation

© Novikova O.V.,
Candidate of Law, Associate Professor of the
Department "Criminal law, criminal procedure and
law enforcement" Law Institute Russian University
of Transport

Annotation. The article examines the history and prerequisites for the introduction of a new Article 207.3 into the Criminal Code of the Russian Federation, examines various positions of scientists on public dissemination under the guise of reliable reports of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens, maintaining international peace and security.

Keywords: public dissemination under the guise of reliable reports of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens, maintain international peace and security.

После ввода Вооруженных Сил и специальных подразделений Росгвардии на территорию Украины и начала специальной военной операции в средствах массовой информации, в том числе в сети Интернет, участились случаи распространения заведомо ложных сведений, касающихся действий российских военнослужащих, которые принимают участие в реализации задач специальной военной операции, зачастую сопровождавшихся обвинениями российской стороны в совершении преступных деяний: убийстве мирных

жителей, жестоким обращении с военнопленными, мародерстве и др. Уже через несколько дней стали появляться в социальных сетях видео о том, как российские военные атакуют Украину. В последующем было выяснено, что это кадры годичной давности учений¹. В дальнейшем в качестве недостоверных было признано еще

¹ МО РФ заявило о нарастании количества фейков по ситуации на Украине. URL: <https://iz.ru/1297404/2022-02-26/mo-rf-zaiavilo-o-narastanii-kolichestva-feikov-po-situacii-naukraine>

много различных материалов, однако их количество все росло и росло.

В результате в марте 2022 г. в законную силу вступила ст. 207.3 УК РФ, предусматривающая ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации.

Уголовная ответственность по ч. 1 ст. 207.3 УК РФ наступает за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. Отличие данного состава заключается в предмете посягательства¹.

Смысл уголовно-правового запрета, содержащегося в ст. 207.3 УК РФ, состоит в уголовной ответственности за публичную клевету о действиях Вооруженных Сил России по защите государства и сограждан, а также интересов международного мира и безопасности человечества. При этом по смыслу закона неважно, осуществляется внешняя либо внутренняя вооруженная акция.

На первый взгляд рассматриваемая норма имеет много общего с предписаниями ч. 2 ст. 128.1 УК РФ в плане публичного распространения клеветнических сведений в отношении индивидуально неопределенных лиц, то есть так называемого «коллективного потерпевшего». Действительно, Вооруженные Силы Российской Федерации и их подразделения (как объект клеветнической «атаки») представляют собой «коллективный» адресат преступного воздействия. Но в более «конкретизированном» виде².

¹ Харзинова В.М., Небрятенко Г.Г. Криминалистическая характеристика умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 88

² Кибальник А.Г. Уголовная ответственность за распространение фейков об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации. Как применять новую норму УК // Уголовный процесс. 2022. № 5. С. 62.

В толковых словарях русского языка слово «ложь, ложные» определяется как неправда, обман, намеренное искажение истины. Понятие «недостоверный» означает не обладающий достоверностью, сомнительный³.

Как видим, в словарях указанные слова имеют разный смысл. Стоит отметить, что в действующем законодательстве понятия ложных и недостоверных сведений употребляются по большей части применяются как тождественные. Так, в ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» сказано, что недостоверной признается реклама, которая содержит не соответствующие действительности сведения. В Федеральном законе от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» говорится, что в случае представления правопреемником неполных или недостоверных сведений в переоформлении решения о выделении полос радиочастот и разрешения на использование радиочастот или радиочастотных каналов может быть отказано в течение десяти дней со дня получения соответствующего заявления. В данном законе к недостоверным сведениям относятся такие сведения, которые являются ложными и не соответствующими действительности.

В Законе Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» говорится об ответственности за предоставление лицензирующему органу искаженных либо недостоверных сведений. При этом применительно к данному нормативному акту под недостоверными сведениями понимаются такие сведения, которые заведомо не соответствуют действительности.

Таким образом, законодатель применяет указанные термины в качестве синонимов.

В научной литературе не существует единого мнения относительно сущности понятий ложных и недостоверных сведений. Однако, авторы рассматривают данные термины по отношению к различным составам преступлений, а потому могут

³ Большой толковый словарь русского языка. 2000. С. 504, 620. Режим доступа: <http://что-означает.рф>

существовать и определенные отличия в терминологии.

Например, В.С. Минская пишет, что понятие ложных и недостоверных сведений являются тождественными. Оба термина обозначают разновидности обмана. Автор пишет, что применительно к мошенничеству это означает умышленное искажение информации о фактах с целью введения в заблуждение сотрудников банка и сфальсифицировать их волю на добровольную передачу денежных средств мошеннику (заемщику)¹. Недостоверными сведениями в таких случаях могут быть, например, содержащиеся в документах, справках и пр. При помощи таких сведений преступник вводит в заблуждение банк или работника кредитного учреждения о своем финансовом, семейном, социальном положении и т.д. Аналогичное мнение высказывают и В.В. Семенчук, А.В. Швец².

Н. Колоколов понятие ложных и недостоверных сведений также рассматривает в рамках описания состава кредитного мошенничества. Он под заведомо ложными и недостоверными сведениями понимает любую информацию, которая в рамках условий кредитования передана кредитору заемщиком для принятия решения о выдаче кредита³. Если подобный подход применить к ст. 207.3 УК РФ, то получится, что ложной и недостоверной информацией для целей данной статьи можно назвать любую информацию, касающуюся Вооруженных Сил или работы государственных органов, которая не соответствует действительности и может повлиять на общество и государство, на его мнение о данных субъектах.

С.Л. Нудель верно относит к недостоверным или ложным сведениям и те, о ко-

торых лицо умолчало⁴. Такой подход представляется верным, поскольку в определенных условиях умалчивание фактов может привести к тому, что представленный в СМИ материал будет неправильно понят или вообще будет иметь иное значение, чем это предполагалось при его подготовке.

А.В. Шеслер, проводил аналогию норм УК РФ и КоАП РФ и сделал вывод, что ложные и недостоверные сведения — это синонимы. Причем в едином понимании они употребляются как в уголовном, так и в административном законодательстве. Автор пишет, что «в п. 2 письма Федеральной налоговой службы РФ от 13 сентября 2005 г. № ЧД-6–09 / 761@ «О применении дисквалификации в качестве санкции за нарушение законодательства государственной регистрации» отмечается, что ч. 3 ст. 14.25 КоАП РФ применяется при отсутствии умысла в предоставлении недостоверных сведений, а ч. 4 ст. 14.25 КоАП РФ – при однозначной осведомленности физического лица о ложности предоставляемых в регистрирующий орган сведений»⁵. Если недостоверные сведения подобным образом определять применительно к уголовному законодательству, то может получиться, что преступление, которое фактически всегда совершается умышленно, будет считаться совершенным по неосторожности. В связи с этим автором делается вывод, что применительно к уголовному законодательству ложные и недостоверные сведения являются идентичными понятиями.

Иную позицию высказывает И.А. Александрова, которая понятия ложных и недостоверных сведений различает. Автор пишет, что «ложными надо считать сведения, не соответствующие действительности, о чем заемщик знает и что намеренно использует для введения в заблуждение кредитора относительно важных для него обстоятельств и получения

¹ Минская В.С. Современное законодательное регулирование уголовной ответственности за мошенничество и вопросы квалификации // СПС Консультант плюс

² Семенчук В.В., Швец А.В. Проблемы квалификации мошенничества в кредитной сфере в свете последних изменений в уголовном законодательстве // СПС Консультант плюс

³ Колоколов Н. Кредиты получают мошенники, а сроки — козлы отпущения // Российская правовая газета "ЭЖ-ЮРИСТ". 2013. № 4

⁴ Нудель С.Л. Особенности квалификации мошенничества в сфере кредитования // Российский следователь. 2015. № 7.

⁵ Шеслер А. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. №2. С. 70.

кредита. В отличие от ложных недостоверных сведений будут те данные, в ошибочности или неполноте которых заемщик осведомлен, но не предпринимает действий (проявляет пассивность) к их устранению. Если ложные сведения мошенник сам изготавливает, то «недостоверными сведениями» он пользуется (как пользуются чужой ошибкой или сложившимися обстоятельствами), при этом недостоверность сведений не создается умышленно самим заемщиком. Использование «ложных сведений» свидетельствует, о большей злонамеренности мошенника»¹.

Таким образом, в научной литературе по-разному подходят к определению ложных и недостоверных сведений. Следует признать верной ту точку зрения, согласно которой эти два понятия следует разграничивать, ведь не просто так в литературе и законодательстве применяется конструкция «предоставление ложных или недостоверных сведений», то есть законодатель данные понятия рассматривает как разные.

Гражданин может быть привлечен к ответственности за распространение фейков, если он знал о ложности этих сведений и сообщал публично неправду, выдавая ложные сведения за достоверные. Верховный Суд Российской Федерации в своем обзоре практики на это указывал. В этом же обзоре Верховный Суд дал понятие заведомо ложной информации, под которой он понимает такую информацию (сведения, сообщения, данные и т. п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему. О том, что гражданин пытался придать ложной информации вид достоверной «могут свидетельствовать, например, формы, способы ее изложения (ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц и пр.), использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо до-

кументов и записей, имеющих отношение к другим событиям»².

Применительно к ст. 207.3 УК РФ под заведомо ложной информацией, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т.п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно осознавал распространившее ее лицо.

Данная информация может распространяться в виде картинок, ссылок, видео и с использованием иных форм, методов и способов, при помощи которых можно передавать информацию. Сюда также можно отнести опубликование фальшивых документов, фальшивых и постановочных записей. В качестве примера можно привести те видео, которые не так давно использовались украинскими военными для «иллюстрации преступлений российских войск», когда удары были нанесены по родному в одном из городов Украины, по жилым секторам. В таких роликах используются специально нанятые актеры и их потом распространяют преимущественно в сети Интернет, в социальных сетях. Целью распространения подобного рода информации является дестабилизация общества, стремление посеять страх и панику среди населения.

По рассматриваемой статье ответственность наступает только в случае публичного распространения соответствующей информации. Верным в связи с этим следует признать мнение о том, что «... общественная опасность деяния зависит от

¹ Александрова И.А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве. Режим доступа: // iuaj.net/node/1279

² Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30.04.2020) // https://www.vsrf.ru/press_center/news/28883.

способа его совершения и от интенсивности посягательства»¹.

Публичный способ распространения информации предполагает охват неопределенного количества лиц, то есть очень большой аудитории. В подобных случаях для распространения информации используется, как правило, сеть Интернет и мессенджеры, так как они позволяют с очень высокой скоростью распространять информацию и уже стали достаточно эффективным и популярным средством массовой коммуникации.

В постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и от 9.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разъясняется понятие лишь публичных призывов: выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской (террористической) деятельности.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 30 апреля 2020 г.² указано, что публичность распространения заведомо ложной информации состоит в ее доведении до сведения группы лиц или неограниченного круга лиц. Публичный характер распространения такой информации может проявляться в использовании для этого практически любых средств: от сети «Интернет» и мессенджеров до листовок и плакатов. Вопрос о наличии признака публичности распро-

странения информации должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств. При этом следует учитывать, что публичный характер распространения заведомо ложной информации может проявляться в использовании для этого средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе мессенджеров (WhatsApp, Viber и других), в массовой рассылке электронных сообщений абонентам мобильной связи, распространении такой информации путем выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т.п.

Распространение сведений в общем понимании — это сообщение этих сведений другим людям, даже одному человеку. Публичные действия предполагают их совершение в отношении неограниченного круга лиц, когда доступ к соответствующей информации может получить любой человек. Только в этом случае распространение ложной информации будет считаться публичным. Если речь идет о размещении фейков в интернет-СМИ или в СМИ вообще, то такие действия будут признаваться совершенными публично, поскольку сами СМИ предполагают именно публичность деятельности.

Неопределенный круг лиц — аудитория, численность которой столь велика, что субъектом не осознается и не конкретизируется³. Причем следует здесь иметь в виду не количественные характеристики публичности, а говорить о персональной неопределенности адресатов публикуемой информации. Если речь вести, например, о различных собраниях либо расклейке информации на остановке, то в большинстве случаев говорить о публичности нельзя, так как конкретное число адресатов может быть установлено, но при этом индивидуальные характеристики людей для преступника не будут интересны, а потому и выбирается такой способ распространения информации. Иначе говоря, в качестве

¹ Пхешхова И.М., Хараев А.А. Теоретические предпосылки криминализации публичного распространения заведомо ложной информации и законодательная регламентация уголовно-правовых норм (ст. 207.1 И 207.2 УК РФ) // Журнал прикладных исследований. 2021. № 6. С. 593.

² Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // https://www.vsr.ru/press_center/news/28883.

³ Бажин Д.А. К вопросу о понимании публичности в уголовном праве // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 162—168.

критерия ограничения круга лиц, которым распространяется информация, является их персонифицированность¹.

Представляется, что главным признаком публичности распространения информации является ее распространение в общественных местах либо в сетях общего пользования, например, рассылка электронных сообщений. Главным здесь следует считать открытость, гласность, обращенность информации к неограниченному количеству людей.

Таким образом, представляется верным под публичным распространением заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил, исполнении государственными органами своих функций следует понимать распространение ложной информации, то есть информации, которая заведомо не соответствует действительности, различными способами в отношении неопределенного круга лиц. В результате подобное деяние приобретает высокую общественную опасность. При этом необходимо отличать ложную и недостоверную информацию, то есть не следует данные понятия употреблять как синонимы.

Библиография

1. Абдулатипов, А.М. Уголовно-правовая характеристика публичного распространения под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании вооружённых сил российской федерации в целях защиты интересов российской федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности / А.М. Абдулатипов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2022. — № 42.

2. Александрова, И.А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве / И.А. Александрова // iuaj.net/node/1279

3. Бажин, Д.А. К вопросу о понимании публичности в уголовном праве / Д.А. Бажин // Российский юридический журнал. — 2011. — № 2. — С. 162—168.

4. Кибальник, А.Г. Уголовная ответственность за распространение фейков об использовании Вооруженных сил Российской Федерации. Как применять новую норму УК / А.Г. Кибальник // Уголовный процесс. — 2022. — № 5.

5. Колоколов, Н. Кредиты получают мошенники, а сроки – козлы отпущения / Н. Колоколов // Российская правовая газета «ЭЖ-ЮРИСТ». — 2013. — № 4

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Чучаева А.И. — М.: Проспект, 2013.

7. Минская, В.С. Современное законодательное регулирование уголовной ответственности за мошенничество и вопросы квалификации / В.С. Минская // СПС Консультант плюс

8. Нудель, С.Л. Особенности квалификации мошенничества в сфере кредитования / С.Л. Нудель // Российский следователь. — 2015. — № 7.

9. Пхешхова, И.М. Теоретические предпосылки криминализации публичного распространения заведомо ложной информации и законодательная регламентация уголовно-правовых норм (ст. 207.1 И 207.2 УК РФ) / И.М. Пхешхова, А.А. Хараев // Журнал прикладных исследований. — 2021. — № 6.

10. Семенчук, В.В. Проблемы квалификации мошенничества в кредитной сфере в свете последних изменений в уголовном законодательстве / В.В. Семенчук, А.В. Швец // СПС Консультант плюс

11. Тимошенко, Н.А. Умышленное распространение заведомо ложной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях как угроза государственной безопасности / Н.А. Тимошенко // Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности. материалы Международной научно-практической конференции. Донецк, 2021. С. 90.

12. Харзинова, В.М. Криминалистическая характеристика умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях / В.М. Харзинова, Г.Г. Небратенко // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2022. — № 2 (96).

13. Шеслер А. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл / А. Шеслер // Уголовное право. — 2013. — № 2.

¹ Тимошенко Н.А. Умышленное распространение заведомо ложной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях как угроза государственной безопасности // Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности : материалы Международной научно-практической конференции. Донецк, 2021. С. 90.

Вопросы актуализации криминологической оценки воинских преступлений и воинской преступности в современных военно-политических условиях

© Прудникова Лариса Борисовна

кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Волгодонского филиала Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский юридический институт» Министерства внутренних дел Российской Федерации,

© Шеншин Виктор Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева; доцент кафедры уголовного и административного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

Аннотация. В статье обозначен вопрос о включении в актуальную политико-правовую повестку дня обновления криминологической оценки воинских преступлений и воинской преступности с учетом современной ситуации, связанной с проведением специальной военной операции и частичной мобилизации, которые вскрыли или спровоцировали криминогенные явления в сфере исполнения воинской обязанности и несения военной службы. Массив детерминант воинских преступлений и воинской преступности предложено делить на несколько групп: политико-правовые, социально-экономические, социально-демографические, служебно-кадровые, организационно-управленческие, культурно-образовательные, морально-психологические, идеологические, духовно-нравственные, национально-политические.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, воинские преступления, воинская преступность, причины и условия воинских преступлений, качественные и количественные показатели воинской преступности.

Issues of updating the criminological assessment of military crimes and military criminality in modern military-political conditions

© Prudnikova L.B.,

Candidate of Law, Associate Professor, Senior Lecturer of the Department of General Legal Disciplines of the Volgodonsk branch of the Federal State State Educational Institution of Higher Education "Rostov Law Institute" of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,

© Shenshin V.M.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations

of Russia. Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev; Associate Professor of the Department of Criminal and Administrative Law St. Petersburg State Maritime Technical University

Annotation. The article outlines the issue of including in the current political and legal agenda an update of the criminological assessment of military crimes and military crime, taking into account the current situation related to the conduct of a special military operation and partial mobilization, which revealed or provoked criminogenic phenomena in the sphere of military duty and performing military service. The array of determinants of military crimes and military criminality is proposed to be divided into several groups: political and legal, socio-economic, socio-demographic, service-personnel, organizational-administrative, cultural-educational and moral-psychological, ideological and spiritual-moral, national-political.

Key words: criminological characteristics, military crimes, military crime, causes and conditions of military crimes, qualitative and quantitative indicators of military crime.

Специализация теории права сложилась таким образом, что криминология, в отличие уголовного права, нацеленная на систематизацию и детализацию сведений о признаках состава преступления, в рамках криминологического анализа выявляет и систематизирует криминологические признаки преступления, дает возможность получить информацию, характеризующую саму жизненную ситуацию, которая может стать благоприятной для совершения преступления, а значит, его предотвратить и профилировать подобные ситуации в перспективе. Значимый потенциал криминологии именно как комплексной науки со специальным методологическим инструментарием и информационным ресурсом позволяет проводить достаточно глубокий смысловой анализ любой категории преступлений и видовой преступности, включая воинскую преступность и воинские преступления.

Современная криминология проработала до степени традиционности комплекс причин и условий преступности, систему ее детерминант, виктимогенные факторы, типологизацию личностей преступников, их мотивацию и целеполагание преступной деятельности, а также иные составляющие, позволяющие прогнозировать генезис преступности как неотъемлемой части эволюции общества и государственных институтов¹, обеспечивающих его без-

опасность, прорабатывать механизмы профилирования, предупреждения индивидуальных (преступник) или массовых (преступность) преступных проявлений в обществе и нивелирования их вредоносных последствий.

Основным инструментом такой работы выступает официальная статистика, которая, в особенности к процессу своего формирования на уровне правоохранительных органов, имеет свои нарекания. Пресловутые «показатели» способны внести коррективы в видение реальной ситуации с преступностью. Умышленное или неумышленное искажение исходных данных способно существенным образом повлиять на поведение государства в ситуациях, поднимающих те или иные социальные блага на уровень национальных интересов. Именно такой ситуацией стала специальная военная операция, которая вскрыла, а в ряде случаев спровоцировала возникновение криминогенных явлений в сфере исполнения воинской обязанности, несения военной службы, мобилизации и связанных с этим сфер деятельности. Иначе говоря, воинская преступность попала в актуальную повестку дня как теоретиков права, криминологов, так и законодателя и правоприменителя.

Благодаря современным средствам распространения информации (например, интернет-каналы, блоги) общество узнало, что неуставные отношения по-прежнему

¹ Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г.А. Агаев, Н.В. Баранков, Д.А. Безбородов [и др.]. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский

университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010.

имеют место быть, морально-психологическая неготовность военнослужащих к участию в боевых действиях подверглась серьезному испытанию и показала, что защита Отечества для многих не такой уж и «священный долг»¹. Самому обществу пришлось включиться в процесс снабжения Вооруженных Сил посредством сбора различных пожертвований или целевого приобретения необходимого воинского имущества, что, с одной стороны свидетельствует о формировании реальных элементов гражданского общества в России, а с другой стороны, вскрывает факты «слепоты» бюрократического аппарата в отношении такой важнейшей сферы обеспечения суверенитета государства, как его обороноспособность.

Криминологический анализ воинской преступности, как отмечалось выше, способен ответить на традиционные для России вопросы «почему» и «что делать» в складывающихся реалиях. Среди причин актуальности такого криминологического анализа имеет смысл обозначить следующие:

– угрозы национальным интересам и национальной безопасности² настолько высоки, что получение реальной информации о состоянии законности и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации в целом и воинской дисциплины, в частности, способно повлиять на оперативность и адекватных принимаемых ответственными лицами решений, от которых зависит как территориальная целостность России, которая считалась незыблемой и неприкосновенной многие десятилетия, так и существование государства как суверенной единицы на международной арене;

– ясное понимание того, насколько массовым и соответствующим традиционным составам воинских

преступлений в условиях боевых действий может быть преступное поведение военнослужащих и приравненных к ним лиц, а также вновь появившихся категорий субъектов, выполняющих воинские функции по обеспечению военной безопасности государства, его обороноспособности. В частности, речь идет об ополченцах, мобилизованных, военных корреспондентах, членах так называемых «частных военных кампаний», особенно из категории лиц, рекрутированных из мест отбывания наказания в виде лишения свободы, волонтерах и иных лицах;

– установление приоритетов в оперативности и качестве нормативно-правового обеспечения несения военной службы в реальных условиях мобилизации и проведения военной операции;

– ревизия устаревшего законодательства, направленная на обновление уголовно-правовой характеристики уже имеющихся составов воинских преступлений, а также, при необходимости, их дополнение с учетом выявленных в ходе проведения специальной военной операции и мобилизации, особенно в части объективной стороны преступных деяний и их субъектного состава;

– разработка обновленных предложений по укреплению законности и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации, которые должны быть реализованы уже сейчас и способны создать прочную основу дальнейшей работы по обеспечению правопорядка в данной сфере на перспективу.

Полноценная криминологическая характеристика воинских преступлений и преступности осложняется тем, что данные объективного контроля в виде информационных статистических блоков информации, характеризующих воинскую преступность как отдельный ее вид³, определяющих долю военнослужащих в общем количестве преступников как субъектов, име-

¹ Военное право / А.В. Кудашкин, А.Н. Савенков, М.В. Конохов [и др.]. Том I. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Центр правовых коммуникаций», 2021.

² Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021.

³ Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. Том III. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Центр правовых коммуникаций», 2022. .

ющих специфические черты не только с точки зрения должностного положения (спецсубъекта), не имеют самостоятельного статистического раздела. Статистически не выделена информация о долевом соотношении раскрытых и не раскрытых воинских преступлений, о долевом соотношении конкретных видов воинских преступлений к общему их количеству. Следует отметить, что даже «Портал правовой статистики прокуратуры Российской Федерации» не выделяет воинскую преступность в системе приведенных показателей.

Информационный голод относительно воинской преступности частично можно утолить, используя информацию Главного военного следственного управления, на данные которого ссылается интернет-газета издательского дома «Коммерсантъ». В частности, приводятся показатели, свидетельствующие о росте в 2021 г. преступлений военнослужащих в категории нарушений уставных взаимоотношений более чем на 10 %, но при этом отмечается сокращение общего числа деяний, связанных с уклонением от военной службы или нарушением порядка подчиненности¹. На момент начала специальной военной операции количество преступлений, связанных с дезертирством или уклонением, сократилось, однако ситуация на сегодняшний день наверняка изменилась, но данных на уровне официальной статистики нет.

Ну и еще один источник получения информации о воинской преступности — это доступная практика военных судов различного уровня, которая открыта и вполне может быть подвергнута хоть, сколько-нибудь системному анализу. Несмотря на отсутствие в общей картине статистики такого элемента как преступность военнослужащих, такие выводы можно сделать из обзоров работы военных судов, размещаемых на официальных сайтах гарнизонных военных судов, которые могут свидетельствовать о сохранении большого количества дел. И это подтверждает тот факт, что современное состояние Воору-

женных Сил Российской Федерации потребовало от военнослужащих соответствия повышенным требованиям к профессиональной подготовке военнослужащих, а также к их морально-деловым качествам и физической или психологической выносливости².

И хотя анализ статистических данных показывает общую «благоприятную картину» воинской преступности на фоне масштабов роста преступности по России в целом, тем не менее сказывается влияние специальной военной операции и мобилизации. К тому же сильное воздействие на ситуацию оказывает происходящее при этом своеобразное слияние армии и общества при мобилизационном пополнении вооруженных сил для участия в боевых действиях обычными гражданами, не связанными с военной службой в течение длительного времени, сформировавшими свою систему ценностей под влиянием различных и не всегда благоприятных факторов социально-экономической ситуации в стране.

Внутренняя структура воинской преступности менялась под влиянием социально-экономических условий, на что указывает рост корыстных преступлений военнослужащих, должностных преступлений военачальников, на которые общество перестало обращать внимание и которые с новой силой всколыхнули общественное сознание в связи со специальной военной операцией и доступом средств массовой информации к информации, ранее практически недоступной к широкому доступу и распространению. К тому же общество получило шанс реально оценить «переворуженность» армии и влияние человеческого фактора на рост умышленных и неосторожных преступлений, связанных с военным имуществом, оружием и другими источниками повышенной опасности для окружающих.

Причины и условия воинской преступности, как обязательные элементы криминологической их характеристики,

¹ Военные в 2021 году стали чаще грабить и сбежать в самоволку. [Электронный ресурс] / Сайт Издательского дома «Коммерсантъ». — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4900851>.

² Кудашкин А.В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003.

занимают традиционное место в данном анализе. Представляется, что к таковым на сегодняшний день вполне оправдано отнести:

– безответственное отношение командиров подразделений различного уровня к систематическому контролю за соблюдением военными уставного порядка, как в служебное время, так и вне его, а также к их качествам, характеризующим структуру их личности, достаточность уровня ее зрелости для ответственного несения службы, исполнения приказов, коллективной слаженности;

– профилактическая работа по декриминализации прохождения военной службы в воинских подразделениях организована без учета личных морально-деловых качеств военнослужащих, разницы в их общем интеллектуально, духовном, образовательном, физическом уровнях развития, наличия опыта неправомерного поведения латентного характера, а также уровня развитости качеств личной ответственности за свои поступки;

– методы профилактической работы зачастую содержат элементы строевой и физической подготовки за счет личного времени военнослужащего и без необходимого контроля со стороны уполномоченных лиц;

– психологический мониторинг психоэмоционального состояния военнослужащего проводится формально и не способствует выполнению превентивной функции в механизме предупреждения воинских преступлений;

– высокая или средняя латентность воинских преступлений ввиду целенаправленного их сокрытия командованием воинских подразделений с целью сохранения положительной оценки со стороны вышестоящего командования и желания избежать огласки и возможного привлечения к ответственности за упущения в служебном контроле;

– непрофессиональное, поверхностное или непродуманное отношение к формированию механизма взаимоотношений в системе «командир –

подчиненный», а также между самими командирами воинских подразделений одного уровня или с различиями в званиях или уровне должности в иерархии воинских подразделений (отделение, взвод, рота и т.д.);

– сохраняющиеся по сей день недостатки в материальном обеспечении процесса прохождения военной службы независимо от его срочного или контрактного характера (например, качество вещевого довольствия и питания, обеспеченность специальными средствами), потребность в предоставлении качественных сопутствующих услуг, в том числе бытовых;

– показательный характер обновления вооружения, который должен требовать от военнослужащих более высокого уровня образования или систематического повышения уровня подготовки, что влечет за собой формирование чувства уязвимости и безвыходности, которые в условиях ведения реальных боевых действий статут главной детерминантой воинских преступлений.

Криминологический подход к причинности воинской преступности показал предопределенность ее дуализмом природы самой армии как самостоятельного государственного института со строгой иерархичностью и субординацией внутри с одной стороны, и статус неотъемлемой части общества с другой стороны, в связи с чем весь массив детерминант воинских преступлений условно можно разделить на такие группы, как:

– политико-правовые, связанные с наличием пробелов в законодательстве об ответственности военнослужащих, в том числе находящихся в запасе, связанных с устареванием мобилизационного законодательства, а также с тем, что Вооруженные силы Российской Федерации в течение многих десятилетий не имели масштабного практического опыта ведения реальных боевых действиях под эгидой национальных интересов (за исключением оказания интернациональной военной помощи ряду государств или правительств), что и вызвало

растерянность в реакции государственных элит на массовое уклонение от возможной мобилизации;

– социально-экономические, обусловленные недопустимостью использования помимо службы иных, дополнительных источников улучшения материального благополучия военнослужащих и их семей, даже способами, не связанными с необходимостью постоянного присутствия на службе;

– социально-демографические, которые показывают однородность половозрастной структуры воинских коллективов, а также снисходительное отношение по этой причине к такому асоциальному поведению как алкоголизм и наркомания, высокий порог терпимости к такому поведению как нежелание вступать в конфронтацию, выделяться из коллектива более высокими требованиями к морально-деловым качествам сослуживцев;

– служебно-кадровые и организационно-управленческие, показывающие непрофессиональное или недобросовестное выполнение задач, связанных с боевой, военно-учебной или мобилизационной подготовкой, в основе которых лежит непродуманная кадровая политика и ошибочные кадровые решения, способные привести к деморализации целого воинского подразделения и невыполнению им своих воинских задач, а склонность некоторых офицеров к «гипертрофированному ощущению своей значимости» в глазах нижестоящих по должности и по званию вполне способно вызвать неповиновение подчиненных, либо ухудшение качества выполнения поставленных задач ввиду недостатка времени и необходимых ресурсов;

– культурно-образовательные и морально-психологические, которые формируют отношение к военной службе как к единственному доступному и стабильному источнику получения средств к существованию исходя из невысокого уровня общего образования и откровенно недостаточного уровня интеллекта и узкого кругозора, низкого уровня

культуры как таковой и правовой культуры в частности из-за опыта противоправного поведения, отсутствия или низкого качества профессионального образования, в целом удовлетворительного состояния здоровья, отсутствия перспектив социального роста, жизненных целевых установок, основанных на агрессивно-эгоистичных установках по отношению к обществу;

– идеологические и духовно-нравственные, которые спровоцированы отсутствием признаваемой и поддерживаемой обществом в течение длительного времени ясной и четкой государственной позиции относительно национальной идеи и идеологии как таковой, суррогатом которых стали комфортная жизнь, потребительство, воспитание на протяжении многих лет поколения людей, которые «никому ничего не должны», граждане государству, чиновники обществу, родители детям и наоборот, а слово Отечество приобрело значение чего-то устаревшего, неактуального;

– национально-политические, отражающие многонациональный состав вооруженных сил в целом и конкретных воинских подразделений в частности с различиями в культурно-этнических, религиозных установках, в том числе традициях и обычаях различных народностей и национальностей, проживающих на территории России, что создает почву для криминализации группового поведения так называемых «диаспор», а также использование национального фактора в числе детерминант для совершения преступлений на почве разжигания национальной вражды и розни в целом в армии России.

Резюмируя краткое изложение субъективного взгляда на необходимость актуализации криминологических характеристик воинской преступности и воинских преступлений, необходимо отметить острую потребность в выделении статистических данных о приведенных криминологических категориях в самостоятельный информационный блок, что обновит

понимание криминологической причинности и обусловленности воинской преступности, ее качественных и количественных показателей, а также будет способствовать формированию действительно обоснованной государственной политики по созданию эффективных механизмов профилактики и предупреждения военных преступлений.

Также вполне оправданной представляется умеренная критика деятельности психологических служб в воинских подразделениях с целью недопущения поверхностного анализа психофизиологического состояния лиц, претендующих на прохождение службы в Вооруженных Силах Российской Федерации и уже ее проходящих. Требуется системная воспитательная и патриотическая работа не только и не столько со стороны командиров подразделений, сколько более активное привлечение к этой деятельности общественных и ветеранских организаций, ветеранов боевых действий, молодежных патриотических организаций.

Представляется полезным в профилактической работе по декриминализации поведения военнослужащих организованное использование времени досуга военнослужащих для повышения их культурного и образовательного уровня при участии тех же общественных организаций, в том числе включение в эту работу национальных проектов (исторического, этнографического, экологического и тому подобных) в форме просветительских мероприятий или своеобразного «ликбеза», реализуемых непосредственно в воинских частях, а не только путем прохождения так называе-

мых массовых диктантов под давлением административного ресурса.

Существенную роль в профилактике преступности в среде военнослужащих по-прежнему играет профессиональный подход «отцов командиров» к формированию надлежащего климата и межличностных связей внутри воинского коллектива, основанный на личном общении, демонстрации на личном примере качеств достойного поведения, общей культуры, спортивного образа жизни, потребности в постоянном повышении уровня интеллекта, законопослушании, осуждении асоциального образа жизни.

Библиография

1. Военное право / А.В. Кудашкин, А.Н. Савенков, М.В. Конохов [и др.]. Том I. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Центр правовых коммуникаций», 2021. — 560 с. — ISBN 978-5-6042565-1-0. — EDN MNGEJM
2. Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 888 с. — ISBN 978-5-042565-2-7. — EDN WODYT
3. Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. Том III. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Центр правовых коммуникаций», 2022. — 712 с. — ISBN 978-5-6042565-3-4. — EDN SNMELJ.
4. Кудашкин, А.В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования / А.В. Кудашкин. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. — 298 с. — ISBN 5-94201-231-8. — EDN ANETMD.
5. Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г.А. Агаев, Н.В. Баранков, Д.А. Безбородов [и др.]. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. — 632 с. — ISBN 978-5-91837-015-5. — EDN QRUNFX.

К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов

© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

© Раков Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук

Аннотация. В статье через примеры из судебной практики военных судов рассмотрены некоторые вопросы необходимого соответствия между признаками совершенного общественно опасного деяния и признаками, предусмотренными в нормах уголовного закона.

Ключевые слова: квалификация преступлений, военные суды.

On the issue of qualification of crimes: some aspects from the point of view of military courts

© Kharitonov S.S.,
candidate of legal sciences, professor

© Rakov A.V.,
candidate of legal sciences

Annotation. In the article, through examples from the judicial practice of military courts, some issues of the necessary correspondence between the signs of a committed socially dangerous act and the signs provided for in the norms of the criminal law are considered.

Keywords: qualification of crimes, military courts.

*Когда стрела не попадает в цель,
стреляющий винит в этом себя, а
не другого. Так поступает и мудрец.
Конфуций*

Как классически определено в учебниках по уголовному праву, квалификация преступления есть установление и юридическое закрепление соответствия совершенного деяния признакам состава преступления, предусмотренного конкретной уголовно-правовой нормой. Квалификация понимается двояко: во-первых, как процесс установления соответствия конкретного деяния уголовно-правовой норме, т.е. логический процесс познания юридической сущности совершенного общественно опасного деяния; во-вторых, как результат, вывод, конечное суждение, полученное в результате процесса познания и содержащее юридическую оценку имеющегося преступления¹.

Квалификация преступлений осуществляется в том числе и в судебном заседании при рассмотрении дела и ее результат закрепляется в приговоре. Поэтому правильная квалификация преступлений обеспечивает точное и полное применение комплекса норм уголовного и уголовно-процессуального законов, имеет исключительно важное значение в свете реализации принципов законности, справедливости, личной ответственности за виновное причинение вреда, а также обеспечивает эффективное воздействие на преступность со стороны государства, утверждает чувство защищенности в обществе.

Вдвойне важно сказанное в отношении преступлений, которые совершают воен-

¹ Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Бла-

гов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017.

нослужащие, на которых государством наложены повышенные обязательства и требования по правомерному поведению. На это обстоятельство обращали внимание многие военные юристы в научных публикациях¹.

С учетом сказанного рассмотрим наиболее любопытные решения, связанные с квалификацией преступлений, состоявшиеся в первом полугодии 2022 г.

Если лицо в целях осуществления умысла на незаконный сбыт наркотических средств совершает действия, направленные на их последующую реализацию и составляющие часть объективной стороны сбыта, однако по не зависящим от него обстоятельствам не передает указанные средства приобретателю, то

¹ См. подробнее: Заказова А.Н. Зарубежный опыт предупреждения суицидов военнослужащих (на примере опыта США и Израиля) // Вестник военного права. 2021. № 2. С. 45—55; Зателепин О.К. Квалификация нарушений порядка несения специальных видов военной службы, сопряженных с применением насилия // Уголовное право. 2013. № 4. С. 10—14; Корякин В.М., Харитонов В.С. Некоторые вопросы квалификации преступлений за уклонение от прохождения военной службы // Военное право. 2020. № 4 (62). С. 180—184; Мелешко П.Е. Об уголовной ответственности граждан, призванных на военные сборы, за совершение преступлений, предусмотренных главой 33 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 8 (182). С. 72—75; Моргуленко Е.А. Командиру о борьбе с неуставными отношениями // Право в Вооруженных силах. 2003. № 6. С. 4—12; Смирнов Д.В. Квалификация взяточничества (решение спорных моментов уголовно-правовой квалификации военными судами) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 9 (290). С. 56—64; Сотникова В.В., Гороховский А.А. Влияние социальных сетей Интернета на преступность в Российской Федерации // Военное право. 2018. № 6 (52). С. 270—274; Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. Судебная деятельность: некоторые вопросы квалификации преступлений за насильственные действия в отношении командира (начальника) // Военно-юридический журнал. 2020. № 9. С. 19—23; Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. О судебной практике в сфере материального обеспечения подготовки граждан по основам военной службы в образовательных организациях // Военно-юридический журнал. 2019. № 12. С. 7—10; Шарапов С.Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институализации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 8 (289). С. 37—46; и др.

такое лицо несет уголовную ответственность за покушение на незаконный сбыт этих средств.

Приговором гарнизонного военного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, С. наряду с осуждением его за другие преступления признан виновным в том, что, действуя в составе организованной группы 20 декабря 2020 г. с неустановленным лицом совершил незаконный сбыт наркотического средства в крупном размере. Эти действия С. судом квалифицированы по пунктам «а» и «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ.

Изменяя приговор и апелляционное определение окружного военного суда, кассационный военный суд указал следующее.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенными в п. 13—13² Постановления от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», под незаконным сбытом наркотических средств следует понимать незаконную деятельность лица, направленную на их возмездную либо безвозмездную реализацию (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача взаймы и так далее) другому лицу — приобретателю. При этом сама передача лицом реализуемых наркотических средств приобретателю может быть осуществлена любыми способами, в том числе непосредственно, путем сообщения о месте их хранения приобретателю, проведения закладки в обусловленном с ним месте. Незаконный сбыт следует считать окончанным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств независимо от их фактического получения приобретателем. Если лицо в целях осуществления умысла на незаконный сбыт наркотических средств незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает, перерабатывает эти средства, тем самым совершает действия, направленные на их последующую реализацию и составляющие часть объективной стороны сбыта, однако

по не зависящим от него обстоятельствам не передает указанные средства, вещества, растения приобретателю, то такое лицо несет уголовную ответственность за покушение на незаконный сбыт этих средств.

Согласно установленным судом фактическим обстоятельствам дела, С. 20 декабря 2020 г. по поручению неустановленного лица выполнил действия, направленные на сбыт полученного от него наркотического средства массой 3,07 грамма: в соответствии с отведенной ему ролью поместил его в тайник, оборудованный им на участке местности, после чего передал через сеть «Интернет» данные о местонахождении и фотографию расположения указанной тайниковой закладки неустановленному лицу, которое в дальнейшем должно было сообщить эти сведения приобретателю наркотического средства.

Между тем, как также установлено судом, указанное наркотическое средство было обнаружено и изъято из места закладки 27 декабря 2020 г. при производстве следственным органом осмотра места происшествия с участием С.

Доказательств выполнения неустановленным лицом отведенной ему роли в передаче приобретателю наркотического средства информации о местонахождении тайника в материалах дела не имеется.

Поскольку в силу ст. 14 УПК РФ приговор не может быть основан на предположениях, а неустранимые сомнения в виновности осужденного толкуются в его пользу, суд должен был исходить из того, что информация о месте нахождения наркотического средства не была доведена неустановленным лицом до сведения приобретателя.

Таким образом, несмотря на то, что С. выполнил отведенную ему в организованной группе роль, разместив наркотическое средство в тайнике и сообщив адрес закладки неустановленному лицу, руководившему его действиями, информация о нахождении этой закладки не была доведена последним до приобретателя по независящим от осужденного обстоятельствам, а поэтому эти действия С. не могут расцениваться как оконченное преступление. С учетом изложенного суд кассационной ин-

станции переквалифицировал содеянное С. по данному эпизоду на ч. 3 ст. 30 и п. «а», «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ¹.

Хищение путем мошенничества необоснованно квалифицировано судом как получение взятки.

По приговору гарнизонного военного суда от 11 марта 2022 г. Л. осужден за совершение десяти преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290 УК РФ, а также преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 5 ст. 290 и ч. 2 ст. 290 УК РФ, за каждое, к наказанию в виде лишения свободы, с лишением права занимать должности на государственной службе, связанные с осуществлением функций представителя власти, организационно-распорядительных и административно-хозяйственных полномочий, а также с лишением на основании ст. 48 УК РФ воинского звания. В соответствии с ч. 3, 4 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательное наказание Л. назначено в виде лишения свободы на срок 8 лет в исправительной колонии строгого режима, с лишением права занимать должности на государственной службе, связанные с осуществлением функций представителя власти, организационно-распорядительных и административно-хозяйственных полномочий сроком на срок 5 лет, с лишением на основании ст. 48 УК РФ воинского звания.

Суд апелляционной инстанции не согласился с квалификацией содеянного Л. по ч. 2 ст. 290 УК РФ, указав следующее.

Согласно приговору, Л. признан виновным, в том числе, в получении должностным лицом взятки в значительном размере (ч. 2 ст. 290 УК РФ). Как указал в приговоре суд, эти преступные действия Л. выразились в том, что он, являясь должностным лицом, получил от М. взятку в виде денег в размере 60 000 руб. за назна-

¹ См.: Обзор судебной практики Кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях за 1-е полугодие 2022 года, утвержденный Президиумом Кассационного военного суда 19 августа 2022 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=27 (дата обращения 28.12.2022).

чение последнего на вышестоящую должность.

В соответствии со ст. 297 УПК РФ, приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Он признается таковым, если постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона. В силу п. 1 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления.

Как следует из разъяснений, содержащихся в абз. 2 п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», получение должностным лицом ценностей за совершение действий (бездействия), которые входят в его служебные полномочия либо которым оно может способствовать в силу своего должностного положения, следует квалифицировать как получение взятки. Как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, следует квалифицировать действия должностного лица, если оно путем обмана или злоупотребления доверием получило ценности за совершение в интересах дающего или иных лиц действий (бездействие) либо за способствование таким действиям, которые оно не может осуществить ввиду отсутствия соответствующих служебных полномочий или должностного положения.

Данные требования закона судом первой инстанции были выполнены не в полной мере.

Как видно из материалов уголовного дела, Л. в целях достижения преступного умысла, направленного на незаконное получение денежных средств от М., будучи осведомленным об отсутствии законных оснований для замещения последним должности начальника овощехранилища, и достоверно зная об отсутствии возможности такого назначения вовсе, используя

свое служебное положение, обманул М., сообщив ему ложные сведения о наличии у него, якобы, возможности назначить последнего на вышестоящую воинскую должность. При этом Л. выполнять эти взятые на себя обязательства заведомо не собирался и не выполнил. Из показаний М. усматривается, что он доверял Л. и, воспринимая его как должностное лицо, обладающее полномочиями по назначению на воинские должности, передал подсудимому 60 000 руб., полагая, что за эти деньги состоится обещанное Л. назначение его на вышестоящую воинскую должность. Денежные средства в размере 60 000 руб. были получены Л. как должностным лицом за действия, которыми он ни при каких условиях не мог способствовать в силу своего должностного положения и при очевидных обстоятельствах (отсутствие у М. соответствующего образования, необходимого для замещения воинской должности).

При таких обстоятельствах, окружной военный суд приговор изменил, переквалифицировав действия Л. с ч. 2 ст. 290 УК РФ на ч. 3 ст. 159 УК РФ¹.

Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

По приговору гарнизонного военного суда Р., И., С., Д. и Г. признаны виновными в совершении грабежа, то есть в открытом хищении чужого имущества с незаконным проникновением в жилище, с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья и с угрозой применения такого насилия по отношению к потерпевшему Л., организованной группой, в особо крупном размере. Мотивируя вывод о совершении этого преступления организованной группой, суд в приговоре указал, что преступная группа обладала признаками устойчивости и организованности, была создана для совершения хищения любым способом в особо крупном размере с

¹ См.: Обзор апелляционной практики 2-го Восточного окружного военного суда по уголовным делам за первое полугодие 2022 года. URL: http://2vovs.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=402 (дата обращения 27.12.2022).

незаконным проникновением в жилище потерпевшего, соучастники ее поддерживали между собой преступные связи, планировали и подготавливали совершение данного преступления длительное время. Об устойчивости организованной группы свидетельствовал не только большой временной промежуток ее существования, но и длительность подготовки к совершению преступления, наличие разработанных мер конспирации с целью сокрытия следов преступления и облегчения его совершения, и самих соучастников совершения такового, с использованием документов представителя власти, средств мобильной связи, а также автотранспортного средства без государственных регистрационных знаков, и иные объективные обстоятельства, связанные с наличием у соучастников специальной подготовки, большого опыта проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Эти выводы суда не в полной мере соответствовали фактическим обстоятельствам дела, установленным в судебном заседании. Так, было установлено, что И., узнав от Г. о материальном положении Л., привлек к совершению преступления Д., Р. и С. Для его совершения И., Г. и Д. прибыли 3 июня 2020 г. на автомобиле в г. Москву, а ранее незнакомые последним Р. и С. присоединились к их действиям по предложению И. за день до совершения преступления. Наличие у некоторых из соучастников специальной подготовки и опыта в ОРД, а также использование обычных средств мобильной связи, сами по себе, не свидетельствуют об устойчивости преступной группы, объединившейся для совершения преступления за день до его совершения, а также о принятии мер конспирации с целью сокрытия следов преступления и облегчения его совершения. Кроме того, использование при поездке в г. Москву автомобиля Д. без государственных регистрационных знаков было обусловлено их изъятием в административном порядке, а не принятием мер конспирации. Использование документов представителя власти при совершении преступления правильно было признано судом в качестве отягчающего наказание

обстоятельства, поскольку такой документ был продемонстрирован Р., действовавшим в рамках общего умысла преступной группы. Вместе с тем, это же обстоятельство необоснованно учтено судом при квалификации действий осужденных как совершенных организованной группой. В материалах уголовного дела сведений о планировании осужденными совершения иных преступлений, помимо завладения имуществом Р., отсутствовали.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что действия осужденных подлежали квалификации как совершенные группой лиц по предварительному сговору, в связи с чем приговор был изменен в части юридической квалификации содеянного и наказания осужденных¹.

Убытие военнослужащего без разрешения с места службы ошибочно квалифицировано как неявка в срок на службу без уважительных причин.

Приговором гарнизонного военного суда проходящий военную службу по контракту Г. в том числе осужден по эпизоду уклонения от военной службы с 18 марта 2020 г. по 29 августа 2021 г. по ч. 4 ст. 337 УК РФ. В этой части содеянное суд квалифицировал как неявку в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше одного месяца. Однако согласно изложенному в приговоре описанию преступного деяния по результатам судебного разбирательства суд установил, что Г. около 17 часов 18 марта 2020 г. без разрешения командования убыл из учебного центра, куда был прикомандирован на период расследования уголовного дела о других преступлениях, то есть самовольно оставил место службы. Ввиду изложенного, в апелляционном порядке приговор изменен, содеянное Г. в указанной части переквалифицировано на самовольное оставление места службы продолжительностью

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных 2-му Западнему окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2022 года URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=71 (дата обращения 25.12.2022).

свыше одного месяца¹.

В заключение хотелось бы еще раз сослаться на учебник как книгу, в которой систематически излагаются основы знаний в области уголовного права на современном уровне достижений юридической науки, отметив, что «... научные основы квалификации преступления базируются на определенных принципах (объективность, истинность, точность и полнота), соблюдение которых обеспечивает точность установления уголовно-правовой характеристики совершенного посягательства»².

Библиография

1. Заказова, А.Н. Зарубежный опыт предупреждения суицидов военнослужащих (на примере опыта США и Израиля) / А.Н. Заказова // Вестник военного права. — 2021. — № 2. — С. 45—55.

2. Зателепин, О.К. Квалификация нарушений порядка несения специальных видов военной службы, сопряженных с применением насилия / О.К. Зателепин // Уголовное право. — 2013. — № 4. — С. 10—14.

3. Корякин, В.М. Некоторые вопросы квалификации преступлений за уклонение от прохождения военной службы / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // Военное право. — 2020. — № 4 (62). — С. 180—184.

4. Мелешко, П.Е. Об уголовной ответственности граждан, призванных на военные сборы, за совершение преступлений, предусмотренных главой 33 Уголовного кодекса Российской Федерации / В.Е. Мелешко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 8 (182). — С. 72—75.

5. Моргуленко, Е.А. Командиру о борьбе с неуставными отношениями / Е.А. Моргуленко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2003. — № 6. — С. 4—12.

6. Смирнов, Д.В. Квалификация взяточничества (решение спорных моментов уголовно-правовой квалификации военными судами) / Д.В. Смирнов // Право в Вооруженных Силах —

Военно-правовое обозрение. — 2021. — № 9 (290). — С. 56—64.

7. Сотникова, В.В. Влияние социальных сетей Интернета на преступность в Российской Федерации / В.В. Сотникова, А.А. Гороховский // Военное право. — 2018. — № 6 (52). — С. 270—274.

8. Туганов, Ю.Н. Судебная деятельность: некоторые вопросы квалификации преступлений за насильственные действия в отношении командира (начальника) / Ю.Н. Туганов, В.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2020. — № 9. — С. 19—23.

9. Туганов, Ю.Н. О судебной практике в сфере материального обеспечения подготовки граждан по основам военной службы в образовательных организациях / Ю.Н. Туганов, В.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 12. — С. 7—10.

10. Шарапов, С.Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институализации / С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 8 (289). — С. 37—46.

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных Центральному окружному военному суду, по уголовным делам, материалам досудебного и судебного производства, а также по делам об административных правонарушениях за первое полугодие 2022 г. (извлечение) URL:

http://covs.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=222 (дата обращения 30.12.2022).

² См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017.

Конструктивные проблемы состава преступления, предусмотренного статьей 337 Уголовного кодекса Российской Федерации

© Чукин Дмитрий Сергеевич,
старший преподаватель кафедры уголовного
процесса и криминалистики Саратовского воен-
ного ордена Жукова Краснознаменного институ-
та войск национальной гвардии Российской Фе-
дерации, подполковник юстиции

Аннотация. Автором проводится анализ составообразующих признаков самовольного оставления части или места службы, ответственность за которые предусмотрена ст. 337 УК РФ. Отмечается, что после изменений, внесенных в данную статью Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ, нуждаются в законодательном определении понятия «военное время» и «боевая обстановка». Остается неопределенным уголовно-правовой статус мобилизованных граждан. В доктрине уголовного права существуют разногласия относительно квалификации действий военнослужащего по оставлению воинской части с разрешения не уполномоченного на то должностного лица, а также самовольного оставления дисциплинарной воинской части. Вызывает вопросы необходимость специального вида освобождения от уголовной ответственности, указанного в примечании к ст. 337 УК РФ, поскольку происходит дублирование этой нормой положений ст. 75 и 76.2 УК РФ. Констатируется необходимость внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство.

Ключевые слова: самовольное оставление части, военное время, боевая обстановка, субъект преступления, мобилизованные граждане, курсанты, содержание в дисциплинарной воинской части, побег, освобождение от уголовной ответственности

Constructive problems of the corpus delicti provided for in Article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation.

© Chukin D.S.,
Senior Lecturer of the Department of Criminal Pro-
cedure and Criminalistics of the Saratov Military
Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the
National Guard of the Russian Federation, Lieuten-
ant Colonel of the Institute

Summary. The author analyzes the constituent signs of unauthorized abandonment of a unit or place of service, responsibility for which is provided for in Article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is noted that after the amendments made to this article by Federal Law No. 365-FZ of September 24, 2022, there is a need for a legislative definition of the concept of "wartime" and "combat situation". The criminal-legal status of the mobilized citizens remains uncertain. In the doctrine of criminal law, there are disagreements regarding the qualification of the actions of a serviceman to leave a military unit with the permission of an unauthorized official, as well as unauthorized abandonment of a disciplinary military unit. There are questions about the need for a special type of exemption from criminal liability, specified in the note to Article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation, due to the duplication of this norm of the provisions of Articles 75 and 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The necessity of making appropriate amendments to the criminal legislation is stated.

Key words: unauthorized abandonment of a unit, wartime, combat situation, the subject of the crime, mobilized citizens, cadets, detention in a disciplinary military unit, escape, exemption from criminal liability

Статья 337 УК РФ, устанавливающая ответственность за самовольное оставление части или места службы, в том виде, в котором она изначально была включена в уголовный закон, практически не изменилась за двадцать пять лет действия УК РФ. Федеральным законом от 25 ноября 2013 г. № 317-ФЗ в данную правовую норму было внесено лишь одно терминологическое уточнение, в результате которого понятие «лечебное учреждение» было заменено на «медицинскую организацию», что не отразилось на квалификации преступления в целом. Стабильность любой правовой нормы должна свидетельствовать о единстве теоретических и практических подходов к ее содержанию, однако анализ эмпирических данных позволяет констатировать противоположную ситуацию.

Изменения, внесенные Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ в УК РФ и, в частности, в ст. 337, также большей своей частью не явились результатом осмысления конструктивных недочетов данной уголовно-правовой нормы, а были осуществлены под давлением современных геополитических реалий.

Новая редакция ст. 337 УК РФ теперь в качестве составообразующего признака предусматривает совершение данного преступления в период мобилизации, военного положения, в военное время, в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

Определение мобилизации содержится в п. 2. ст. 1 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации». Военное положение лапидарно определяется частью 1 ст. 1 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении». Содержание вооруженного конфликта определяется в абз. 8 Военной доктрины Российской Федерации¹.

Таким образом, остаются законодательно не урегулированными понятия «военное время» и «боевые действия», что позволяет правоприменителю трактовать

их по своему усмотрению и не способствует единообразному применению уголовного закона. Именно эти признаки были установлены в качествеотягчающих обстоятельств в гл. 12 УК РСФСР 1960 г., которая регулировала ответственность за воинские преступления. Указанные признаки были декриминализованы российским уголовным законом 1996 г., однако дискуссии о необходимости их восстановления ведутся уже достаточно давно². Часть 3 ст. 331 УК РФ до того, как утратила силу, устанавливала, что уголовная ответственность за воинские преступления, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени. Трансформация этой правовой нормы в квалифицирующие признаки конкретных составов гл. 33 УК РФ, явившаяся результатом принятия Федерального закона от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ, к сожалению, не сопровождалась принятием законодательства военного времени, что оставляет вопрос о законодательном определении указанных выше понятий открытым.

Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» наделяет мобилизованных граждан неопределенным статусом: с одной стороны, они призваны на военную службу, а с другой — приравниваются к военнослужащим по контракту. Прохождение военной службы, согласно действующему законодательству, осуществляется гражданами по призыву и в добровольном порядке (по контракту). Поскольку мобилизация не является следствием их добровольного волеизъявления, правовое положение мобилизованных граждан представляется не до конца понятным, поскольку контракт заключается по желанию гражданина и может прекращать свое действие по тому же обстоятельству. Федеральный

¹ Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

² Панов И.И. Предложения по внесению изменений в ст. 337 (самовольное оставление части или места службы) и ст. 338 (дезертирство) УК РФ // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № S20. С. 87—88.

закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» эти особенности на регламентирует. Таким образом, в силу юридического примата федерального закона над указом Президента Российской Федерации, нам видится, что мобилизованные граждане в уголовно-правовом отношении имеют статус военнослужащих по призыву.

Позитивным сдвигом можно считать признание субъектами воинских преступлений граждан, пребывающих в запасе, во время прохождения ими военных сборов, поскольку ранее эта категория не подпадала под действие ст. 337 УК РФ в силу того, что в качестве субъекта в данной статье были указаны исключительно военнослужащие¹.

На этом изменения, внесенные Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ, исчерпываются, оставляя, по сути, остальные субстанционные признаки ст. 337 УК РФ в прежнем виде, что вынуждает нас вернуться к проблемным вопросам конструкции данного состава преступления.

Следует помнить, что согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», статус военнослужащего приобретает с началом военной службы и утрачивается с ее окончанием. Окончанием военной службы в соответствии с п. 11 ст. 38 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части. В соответствии с Положением о порядке прохождения военной службы² контракт прекращает свое действие со дня заключения военнослужащим иного контракта о прохождении военной службы или исключения военнослужащего из списков воинской части (п. 1, 2 и 4 ст. 32 Закона о воинской обязанности). Однако срок окончания контракта может

не совпадать с датой исключения из списков части, например, в случаях, предусмотренных п. 17 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, согласно которому военнослужащий, общая продолжительность военной службы которого составляет 10 лет и более, нуждающийся в улучшении жилищных условий, не может быть исключен из списков личного состава воинской части до его обеспечения жильем. Данное право военнослужащего налагает на него обязанность по несению военной службы до обеспечения жилым помещением, в том числе после истечения срока, указанного в контракте, и предполагает при совершении им преступления привлечение его к ответственности. Указанное обстоятельство необходимо учитывать при признании военнослужащего в качестве субъекта преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ.

В практике применения уголовного закона имеется прецедентообразующее решение в отношении М., который, имея непогашенную судимость, в нарушение закона был призван на военную службу, а затем самовольно покинул часть. Оставляя в силе оправдательный приговор, Верховный Суд указал, что М. не соответствует требованиям, предъявляемым к статусу военнослужащего, и не может быть признан субъектом воинского преступления. Аналогичным образом при признании лица субъектом сказывается годность по здоровью к военной службе.

При осмыслении признаков субъекта самовольного оставления части обращает на себя внимание юридико-техническая особенность конструкции ч. 1 ст. 331, устанавливающая в качестве субъекта воинских преступлений две категории: военнослужащих по призыву и военнослужащих по контракту. Некоторые авторы в связи с этим полагают, что курсанты образовательных организаций высшего образования не могут признаваться субъектами преступлений против военной службы, поскольку такой способ приобретения статуса военнослужащего, как добровольное поступление в военную образовательную

¹ Чукин Д.С. Об атрибутивных признаках субъекта преступлений против военной службы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 8(289). С. 51—58.

² Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237.

организацию, в ст. 331 УК РФ не указан¹. Можно согласиться с тем, что не достигшие 18-летнего возраста лица не до конца понимают степень общественной опасности совершаемого им деяния, которое затрагивает воинский правопорядок, однако это не освобождает их от уголовной ответственности, возраст привлечения к которой по общему правилу начинается с 16 лет. Кроме того, п. 2 ст. 35 Закона о воинской обязанности недвусмысленно определяет, что граждане, не проходившие военную службу, при зачислении в военные образовательные организации высшего образования приобретают статус военнослужащих, проходящих военную службу по призыву.

В доктрине уголовного права имеется неопределенность в оценке сроков самовольного оставления части. Отдельные авторы, аргументируя это тем, что имеются факты довольно длительного самовольного отсутствия военнослужащих, образующие большую степень общественной опасности, рекомендуют дополнить ст. 337 УК РФ квалифицирующим признаком, предусматривающим ответственность за самовольное оставление части сроком свыше одного года². Другие полагают, что настолько длительное отсутствие свидетельствует об умысле на дезертирство³ и предлагают ограничить максимальный срок в ч. 4 данной статьи 90-ми сутками⁴.

¹ Степаненко Н.Е., Аджинджал И.З. Проблемные вопросы субъекта и субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 337 УК РФ // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2021. № 2. С. 44—49.

² Панов, И. Квалификация и законодательная регламентация самовольного оставления части или места службы и дезертирства // *Закон и право*. 2007. № 6. С. 66—70.

³ Апкаев Д.М. Некоторые особенности квалификации и разграничения составов преступлений самовольного оставления части или места службы (ст. 337 УК РФ) и дезертирства (ст. 338 УК РФ) в УК РФ // *Вестник Владимирского юридического института*. 2013. № 4(29). С. 71—74.

⁴ Бодрова Е.А. Отграничение самовольного оставления части или места службы от смежных составов преступлений // *Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России*. 2022. № 3(102). С. 56—65.

Следующий вопрос вызывает ч. 2 ст. 337 УК РФ, которая содержит отдельный состав, предусматривающий самовольное оставление дисциплинарной воинской части военнослужащим, отбывающим в ней наказание. При этом сроки указываются те же, что и в ч. 1 — свыше двух суток, но не более 10. Однако в силу ч. 1 ст. 55 УК РФ данное наказание может назначаться не только военнослужащим по призыву, но и тем военнослужащим по контракту, которые не отслужили установленного законом срока службы по призыву. Происходит уравнивание этих двух категорий в статусах, хотя для военнослужащих по контракту, которые совершили самовольное оставление обычной воинской части, ответственность наступает с 10 дневного срока.

Кроме того, поскольку содержание в дисциплинарной воинской части — это вид уголовного наказания, то уклоняющийся от его исполнения, как видится автору, совершает в первую очередь преступление против правосудия, а установленный порядок прохождения военной службы может выступать в данном случае дополнительным непосредственным объектом. В подтверждение указанной точки зрения можно привести то обстоятельство, что побег из-под ареста (который военнослужащими, согласно ч. 3 ст. 54 УК РФ, отбывается на гауптвахте) квалифицируется по ст. 313 УК РФ, исходя из содержания данной уголовно-правовой нормы. Поэтому представляется непонятной логика законодателя, который представил ч. 2 ст. 337 УК РФ в том виде, в котором она присутствует в уголовном законе.

Более того, если военнослужащий осужден к отбыванию наказания в дисциплинарной воинской части и в связи с этим содержится на гауптвахте, ожидая последующего этапирования, и совершает с гауптвахты побег, его действия подлежат квалификации как побег из-под стражи. Поэтому автор согласен с мнением тех ученых, которые предлагают перевести

данный состав преступления в ст. 313 УК РФ¹.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об ответственности военнослужащих, которые покидают территорию воинской части с разрешения не уполномоченных на то должностных лиц, либо отправляются самим командиром, но в нарушение установленного порядка.

В соответствии со ст. 240 УВС ВС РФ военнослужащие по призыву имеют право на одно увольнение в выходные (предвыходные) и праздничные (предпраздничные) дни, которое осуществляется командиром роты, а в иные дни по уважительной причине — с разрешения командира батальона. Порядок нахождения на службе военнослужащих по контракту определяется регламентом служебного времени. Кроме увольнения (а контрактники — убытия за пределы части по служебной необходимости), военнослужащие могут уезжать в командировки, отпуск, а также на лечение. Таким образом, нахождение военнослужащего вне пределов воинской части по иным причинам можно рассматривать как осуществляемое в нарушение установленного порядка.

Согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы», военнослужащий по призыву считается самовольно оставившим воинскую часть без *соответствующего* разрешения командира, а военнослужащий по контракту — без соответствующего разрешения, не вызванного служебной необходимостью. Таким образом, если он покидает часть с согласия не уполномоченного отпускать в увольнение лица (командира отделения, старшины роты, командира взвода (дежурного офицера)), то де-юре совершает правонарушение. И если военнослужащий по призыву

¹ Агильдин В.В., Бодрова Е.А. Военнослужащий как субъект преступления, связанного с самовольным оставлением части или места службы // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22. № 4(86). С. 344—351.

будет с ведома такого лица отсутствовать на территории части свыше двух суток, его действия образуют признаки состава преступления. Хотя встречаются мнения, что это не считается самовольным оставлением части².

Думается, по аналогии, если военнослужащий по контракту договаривается за взятку с командиром роты (части), который его прикрывает и не появляется на службе, распоряжаясь временем по своему усмотрению (например, занимается оплачиваемой работой, не связанной с военной службой), а такие случаи имеются в судебной практике³ — его действия так же следует квалифицировать как самовольное оставление части, поскольку он будет отсутствовать в нарушение установленного порядка пребывания на военной службе.

Проводя анализ самовольного оставления части, нельзя не обратить внимание на специальный вид освобождения от уголовной ответственности, установленный в примечании 1 к ст. 337 УК РФ, который может применяться в отношении военнослужащего, совершившего деяния, предусмотренные ч. 1, 2, 3 и 4 данной статьи. Поскольку все эти составы относятся к преступлениям небольшой или средней тяжести, происходит дублирование условий, содержащихся в ст. 75 или 76.2 УК РФ, при том, что обе правовые нормы являются диспозитивными, то есть являются правом, а не обязанностью правоприменителя⁴. В связи с этим, хочется обратить внимание на то, что уголовно-правовой

² Погода М.А. Объективная сторона самовольного оставления части или места службы // Молодежь и актуальные проблемы современной науки : Материалы Российской научно-практической конференции, Ставрополь, 17—19 апреля 2018 г. / Главный редактор О.Б. Бигдай. Том I. Ставрополь: Филиал ФГБОУ ВО "Московский технологический университет" в г. Ставрополе, 2018. С. 148—152.

³ Чукин Д.С. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий: вопросы правоприменения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 3(272). С. 59—66.

⁴ Чукин Д.С. Освобождение от уголовной ответственности при совершении преступлений против военной службы: вопросы судебского усмотрения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 6(299). С. 54—62.

смысл специальных видов освобождения от уголовной ответственности заключается в том, что они применяются при совершении преступлений иной категории. Поскольку в силу ч. 6 ст. 15 УК РФ тяжкие преступления могут быть понижены на одну ступень, это касается особо тяжких преступлений, например, ст. 126, 205, 206, 208, 210, 222, 228 УК РФ и пр. При этом указанные нормы являются императивными, то есть относятся к безусловному виду освобождения от уголовной ответственности.

Уважительная причина как основание неявки на службу, в качестве условия освобождения от уголовной ответственности, является оценочным понятием, которое зависит от обстоятельств его совершения. Пункт 2 ст. 7 Закона о воинской обязанности определяет в качестве уважительных причин неявки по повестке военного комиссариата при призыве на военную службу такие обстоятельства, как заболевание или увечье, тяжелое состояние здоровья близких родственников или участие в их похоронах, непреодолимую силу или иное не зависящее от воли лица обстоятельство, а также иные причины. Однако эти условия вряд ли можно распространять на ст. 337 УК РФ.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Поскольку мобилизованные граждане являются призванными не на военные сборы, а на военную службу по мобилизации, они являются военнослужащими по призыву, в соответствии со ст. 3 Закона о воинской обязанности. Однако Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 приравнивает их к военнослужащим по контракту, что оставляет уголовно-правовой статус данных лиц неопределенным, и препятствует единообразному применению уголовного закона. Для внесения ясности предлагается дополнить примечание 2 к ст. 337 УК РФ указанием на то, что мобилизованные граждане так же подлежат уголовной ответственности по данной статье.

2. В связи с коллизией правовых норм самовольное оставление дисциплинарной воинской части следует исключить из ч. 2

ст. 337 УК РФ как посягающее в первую очередь на интересы правосудия, и добавить в качестве составных признаков в ст. 313 УК РФ.

3. Следует исключить примечание 1 к ст. 337 УК РФ, как дублирующее положение ст. 75 и 76.2 УК РФ и являющееся в связи с этим бесполезным с уголовно-правовой точки зрения.

Библиография

1. Агильдин, В.В. Военнослужащий как субъект преступления, связанного с самовольным оставлением части или места службы / В.В. Агильдин, Е.А. Бодрова // Академический юридический журнал. — 2021. — Т. 22. — № 4(86). — С. 344-351. — DOI 10.17150/1819-0928.2021.22(4).344-351. — EDN IKWEOZ.
2. Апкаев, Д.М. Некоторые особенности квалификации и разграничения составов преступлений самовольного оставления части или места службы (ст. 337 УК РФ) и дезертирства (ст. 338 УК РФ) в УК РФ / Д.М. Апкаев // Вестник Владимирского юридического института. — 2013. — № 4(29). — С. 71—74. — EDN SBMYIV.
3. Бодрова, Е.А. Отграничение самовольного оставления части или места службы от смежных составов преступлений / Е.А. Бодрова // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2022. — № 3(102). — С. 56—65. — DOI 10.55001/2312-3184.2022.78.58.005. — EDN FRSLXO.
4. Панов, И. Квалификация и законодательная регламентация самовольного оставления части или места службы и дезертирства / И. Панов // Закон и право. — 2007. — № 6. — С. 66—70. — EDN JYAQHX.
5. Панов, И.И. Предложения по внесению изменений в ст. 337 (самовольное оставление части или места службы) и ст. 338 (дезертирство) УК РФ / И.И. Панов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2006. — № S20. — С. 87—88. — EDN HTNVFT.
6. Погода, М.А. Объективная сторона самовольного оставления части или места службы / М.А. Погода // Молодежь и актуальные проблемы современной науки : Материалы Российской научно-практической конференции, Ставрополь, 17—19 апреля 2018 года / Главный редактор О.Б. Бигдай. Том I. — Ставрополь: Филиал ФГБОУ ВО "Московский технологический университет" в г. Ставрополе, 2018. — С. 148—152. — EDN VKYRND.
7. Степаненко, Н.Е. Проблемные вопросы субъекта и субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 337 УК РФ / Н.Е. Степаненко, И.З. Аджинджал // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 2. — С. 44—49.

8. Чукин, Д.С. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий: вопросы правоприменения / Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 3(272). — С. 59—66. — EDN B1RYOJ.

9. Чукин, Д.С. Об атрибутивных признаках субъекта преступлений против военной службы / Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах — во-

енно-правовое обозрение. — 2021. — № 8(289). — С. 51—58. — EDN ETSUKE.

10. Чукин, Д.С. Освобождение от уголовной ответственности при совершении преступлений против военной службы: вопросы судебного усмотрения / Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 6 (299). — С. 54—62. — EDN EVEFJO.

Военные проблемы международного права

Актуальные проблемы и возможные перспективы развития ОДКБ как международного военно-политического блока: международно-правовой аспект

© Мусаелян Алексей Беньяминович,
магистрант 1 курса, студент военного учебного центра при Российском Государственном университете правосудия (РГУП)

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы развития Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), выделяется нарушение принципов международного права, а также раскрываются применяемые попытки создания странами-участниками Организации Североатлантического договора (НАТО) однополярного мира. Подчеркивается роль России как мирового гаранта безопасности и стабильности. Уделяется особое внимание отсутствию единой политики государств-участников ОДКБ, а также возникшим угрозам безопасности. Даны рекомендации, позволяющие укрепить позиции данной международной организации на мировой арене.

Ключевые слова: международное право, ОДКБ, военно-политический блок, государства-участники, цели, НАТО, угрозы безопасности, проблемы, ООН, Устав, Декларация, международные принципы, Косовский прецедент, перспективы развития, ответственность, коллективные механизмы.

Current problems and possible prospects for the development of the CSTO as an international military-political bloc

© Musaelyan A.B.,
1 st year Master's student, student of the Military Training Center at the Russian State University of Justice (RSUP)

The article examines the current problems of the development of the Collective Security Treaty Organization (CSTO), highlights the violation of the principles of international law, and also reveals the attempts used by the member countries of the North Atlantic Treaty Organization (NATO) to create a unipolar world. The role of Russia as a global guarantor of security and stability is emphasized. Particular attention is paid to the lack of a unified policy of the CSTO member states, as well as the security threats that have arisen. Recommendations are given to strengthen the position of this international organization on the world stage.

Keywords: international law, CSTO, military-political bloc, participating states, goals, NATO, security threats, problems, UN, Charter, Declaration, international principles, Kosovo precedent, development prospects, responsibility, collective mechanisms.

В 2022 г. исполнилось 30 лет со дня подписания Договора о коллективной безопасности и 20 лет со дня создания Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В связи с этим, через призму лет, актуально рассмотреть проблемное поле ОДКБ как субъекта между-

народного права, обладающего договорной правоспособностью.

По прошествии 20 лет, наверное, ни у кого сейчас не возникает сомнений в том, что появление ОДКБ — это закономерное следствие и результат развития международной военно-политической ситуации, а точнее — ответ на деятельность блока Ор-

ганизации Североатлантического договора (НАТО) вблизи стран-участников ОДКБ.

Распад СССР оказал огромное влияние на военно-политическую ситуацию на всем евразийском пространстве и стал крупнейшей геополитической катастрофой XX в.¹ Последствием этого стало кардинальное изменение сил на международной арене, обострение межгосударственных отношений, появление новых серьезных проблем для мирового сообщества.

С тех пор у мирового сообщества пропали иллюзии относительно того, что НАТО — это продукт борьбы с коммунистическим обществом. СССР не стало, т.е. бороться не с кем, однако это не явилось основанием для прекращения деятельности военно-политического блока. Как заявлено самими участниками, основными задачами НАТО стали: коллективная оборона, регулирование кризисных ситуаций, обеспечение безопасности на основе сотрудничества. На самом деле цели преследуются другие, сейчас уже не скрываемые, а именно — сдерживание и воздействие на Россию. Следует отметить, что Альянс полномасштабно расширяется. С присоединением в 1999 г. к НАТО Польши, Венгрии и Чехии военная группировка Североатлантического альянса получила возможность продвинуться на Восток на 650—750 км и на 500 км на Юг. В 2004 г. членами блока стали Эстония, Латвия, Литва, Болгария, Румыния, Словакия и Словения. За счёт присоединения к нему Эстонии, Литвы и Латвии НАТО продвинулась еще на 300—500 км на Восток.

Современный анализ международных отношений показывает, что государства-члены НАТО пренебрежительно относятся к общепризнанным принципам современного международного права, образующим основу международной безопасности. К ним относятся: неприменение силы или угрозы силой; территориальная целостность государств; нерушимость государственных границ; невмешательство во внутренние дела государств; мирное раз-

решение споров, сотрудничество между государствами и др.² Это оказывает крайне негативное влияние на международный правопорядок и неизбежно ведет к нарушению интересов и прав других государств. Действия этих стран ставят под угрозу смысл существования международно-правовых актов как регуляторов межгосударственных отношений. НАТО во главе с США ведет единую политику и стремится создать однополярный мир. Все эти перечисленные вызовы закономерно должны были послужить детерминантами появления противовеса Североатлантическому альянсу, каким и стало ОДКБ.

15 мая 1992 г. был подписан Договор о коллективной безопасности. Государствами-основателями стали Армения, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан. В 1993 г. к договору присоединились Азербайджан, Белоруссия и Грузия.

Договор вступил в силу 20 декабря 1994 года сроком на 5 лет. Но уже в 1999 году Азербайджан, Грузия и Узбекистан отказались продлевать членство в ДКБ и сосредоточились на работе в ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия).

В 2002 г. было принято решение о трансформации ДКБ в полноценную международную организацию. Устав и Соглашение о правовом статусе ОДКБ были приняты 7 октября 2002 г. в Кишинёве. Документы были ратифицированы всеми странами-участниками и 18 сентября 2003 г. вступили в силу. В этой связи важно указать, что Россия на правах участника данной международной организации обеспечивает и укрепляет безопасность региона и создает баланс сил на мировой арене. Речь прежде всего идет о постсоветском пространстве.

Устойчивость ОДКБ к воздействию всего спектра вызовов, рисков и угроз в решающей степени будет зависеть от качества управления упомянутыми сферами коллективной деятельности в каждом из государств-участников и наличия заранее

¹ Павленко Н.Р. Геополитические последствия распада СССР для мира // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018. № 12 (28). С. 48.

² Игнатъева И.В. Международная безопасность и актуальные проблемы ее обеспечения // Глаголь правосудия. 2017. № 2 (14). С. 88—89.

согласованных планов совместного противодействия¹.

Суть и содержание деятельности ОДКБ раскрываются в двух основополагающих документах: в Уставе Организации и в уже упомянутом договоре о коллективной безопасности. Эти международные источники правового регулирования в качестве целей деятельности определяют: укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов. В этой связи члены ОДКБ координируют свои усилия в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами безопасности государств-членов.

Следует отметить, что основные положения деятельности ОДКБ уже имеют «обкатку» в практической плоскости. Так, в январе 2022 г. по запросу президента Казахстана странами-участниками ОДКБ была проведена миротворческая миссия по охране наиболее важных государственных и стратегических объектов Казахстана и оказанию помощи казахской стороне в поддержании правопорядка в связи с вспыхнувшими массовыми протестами и последующими реальными вооруженными столкновениями протестующих с правительственными силами. Данные события действительно показали работоспособность организации на деле, повысили авторитет на мировой арене. Однако в противовес этому событию объективно надо перечислить и другие примеры, иные обстоятельства, которые ставят под сомнение работоспособность ОДКБ как соответствующего военно-политического блока.

События последних лет свидетельствуют о наличии проблем в

обеспечении региональной безопасности из-за существующих территориальных притязаний, имеющихся у стран-участников ОДКБ и отсутствия желания у этих сторон решать региональные вопросы мирным политическим путем.

Так, с 2014 г. по 19 сентября 2022 г. на спорных участках киргизско-таджикской границы вспыхивали вооруженные конфликты с использованием огнестрельного оружия, охотничьих орудий, камней, пулеметов, минометов, боевых вертолетов Ми-24. За последние три года, по официальным данным, получили ранения более 350 человек, погибли более 150 людей с обеих сторон. Основная часть убитых и раненых являются гражданскими лицами. 19 сентября 2022 г. в двух странах было сообщено о прекращении огня. Таджикистан и Киргизстан подписали Протокол о возвращении дополнительных сил и военной техники в места постоянной дислокации.

В основе правовой природы международных организаций лежит наличие общих целей и интересов, они ограничены договорными рамками, которые очерчены странами-участниками в правовых актах². Два государства-участника Организации Договора о коллективной безопасности, которые одними из первых подписали договор, отчетливо нарушают основы, заложенные в Уставе ОДКБ, понимая, что никакой ответственности за данные инциденты не понесут.

В ст. 1 ДКБ указано, что государства-участники подтверждают обязательство воздерживаться от применения силы или угрозы силой в межгосударственных отношениях³. Отмечено, что они обязуются разрешать все разногласия между собой и с другими государствами мирными средствами. Также они не должны принимать участия в каких-либо группировках государств, а также в действиях, направленных

¹ Бартош А.А. Невоенные угрозы ОДКБ // Армия и общество. 2014. № 2. С. 95—96.

² Меньшенина Н.Н. Международное право : учеб. пособие. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2016. С. 30.

³ Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. (в редакции Протоколов от 10 декабря 2010 г., 8 нояб. 2018 г.) // База данных «Законодательство стран СНГ», 2022.

против другого государства-участника. Но Киргизия и Таджикистан нарушили положения Устава и Договора, что наносит колоссальный ущерб авторитету ОДКБ как международной организации. Ведь представляется сложным вопрос обеспечения внешней общей безопасности, если между государствами-участниками существуют такие разногласия.

Еще одним подтверждением низкой эффективности реализации ДКБ стала сложившаяся ситуация в Республике Армения. Подразделения Вооруженных Сил Азербайджана с 13 сентября 2022 г. начали интенсивный обстрел из артиллерийских средств, крупнокалиберного стрелкового вооружения. Уточняется, что обстрел велся по нескольким армянским позициям близ Гориса, Сотка и Джермука. Указанные города входят в состав суверенной территории Армении, где проживают граждане данного государства. На самом же деле в реализации закрепленных положений о коллективной безопасности в данном случае сложилась неоднозначная ситуация. С одной стороны, региональный конфликт вызван последствиями территориальной неурегулированности, возникшего по итогам карабахского конфликта, когда среди стран-участников ОДКБ нет однозначного признания спорных территорий за Арменией. С другой же стороны, нападению подверглись те населенные пункты, которые мировым сообществом признаются армянской территорией. Однако в этой связи почему-то не сработал механизм коллективной защиты участника ОДКБ, как многие этого ожидали.

По своей сути не были соблюдены положения Устава, в которых прописано, что для достижения целей Организации государства-члены принимают совместные меры к формированию в ее рамках действенной системы коллективной безопасности, обеспечивающей коллективную защиту в случае возникновения угрозы безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету и реализацию права на коллективную оборону, включая создание коллективных сил Организации, региональных (объединенных) группировок войск (сил, миротворческих сил, объ-

единенных систем и органов управления ими, военной инфраструктуры¹.

В ст. 4 ДКБ закреплено одно из его фундаментальных принципов: в том случае, если одно из государств-участников подвергнется агрессии (вооруженному нападению, угрожающему безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету), то это будет ими рассматриваться как агрессия на все государства-участники Договора².

В случае совершения агрессии на любое из государств-участников все остальные государства-участники по его просьбе незамедлительно предоставят ему необходимую помощь, включая военную, а также окажут поддержку находящимся в их распоряжении средствами в порядке осуществления права на коллективную оборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН³.

Многими экспертами отмечено, что возникает проблема сохранения территориальной целостности и суверенитета государства, а также не приняты совместные меры по формированию действенной системы коллективной безопасности по отношению к Республике Армения в рамках ОДКБ.

В конечном итоге данные факторы подталкивают Армению на резкие и необдуманные решения. Премьер-министр Республики Армения Никол Пашинян в ходе состоявшейся 20 сентября 2022 г. встречи с внепарламентскими политическими силами обсудил вопрос о возможном выходе страны из ОДКБ.

С международной точки зрения участникам блока НАТО, а именно Соединённым Штатам Америки, было бы выгодно выбить одного из союзников России в Средней Азии и помочь установиться там, по крайней мере, нейтральному режиму, а

¹ См.: Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г. (с изменениями на 8 ноября 2018 г.) : ст. 3 и 7 // База данных «Законодательство стран СНГ», 2022.

² См.: Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. : ст. 4 (в ред. Протоколов от 10 декабря 2010 г., 8 нояб. 2018 г.) // База данных «Законодательство стран СНГ», 2022.

³ Москалькова Т.Н. Парламентская Ассамблея ОДКБ. М. Изд. Гос. Думы, 2014. С. 9.

также закрыть регион от Российской Федерации. Так, 12 октября Эммануэль Макрон заявил, что Россия вмешалась в карабахский конфликт, «играла в игру Азербайджана с турецким пособничеством и вернулась туда, чтобы ослабить Армению». По мнению Президента Франции, это является дестабилизирующим маневром России, которая на Кавказе стремится создать беспорядок для Запада в целях его ослабления и последующего разделения.

В результате мы наблюдаем, как низкая эффективность деятельности ОДКБ позволяет странам Запада своими высказываниями вредить отношениям России с ее союзниками, подвергать сомнению роль Российской Федерации как гаранта защиты и миротворца. Определенно, это является невыгодным для нашего государства событием. Армения является стратегическим партнером России, с которым складываются дружеские отношения на протяжении веков. Потеря такого союзника может повлечь за собой необратимые последствия, а именно выход Республики Армения из состава ОДКБ, ее вхождение в состав НАТО, либо тесную связь с коллективным Западом, что предельно недопустимо.

В свою очередь, еще большую дискуссию о возможном функционировании ОДКБ вызывает анализ возможного участия Организации в проведении специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией на территории Украины с февраля 2022 г. Следует отметить, что прямого военного участия Организации никто не ждал, т.к. остальными сторонами ОДКБ операция не расценивается как проведение какого-либо акта агрессии против Российской Федерации. Однако актуальным в этом контексте является отношение стран-участников ОДКБ к специальной военной операции, т.к. в соответствии с Уставом ОДКБ участники должны иметь согласованные позиции по международным и региональным проблемам безопасности.

В развитие заявленной тематики необходимо остановиться на том, что государствами-участниками ОДКБ не сформировано единой позиции об угрозах безопасности Российской Федерации в деятельно-

сти националистических организаций Украины и высших должностных лиц страны.

Некоторые страны-участники ОДКБ не попытались даже провести консультаций, вопреки основам Устава данной Организации, а заявили о своей негативной правовой позиции к участникам операции — гражданам этих стран. Это имеет особую остроту на фоне принятия положений, предусматривающих упрощенное получение российского гражданства иностранцами, заключившими контракт о прохождении военной службы в российской армии¹.

Между тем, Посольство Киргизии в Москве распространило сообщение, где сказано, что гражданам Кыргызстана, временно пребывающим в России, следует отказаться от участия в вооруженных конфликтах или военных действиях на территории иностранных государств, за которые установлена уголовная ответственность². Также страна-участник ОДКБ — Казахстан — предупреждает своих граждан об уголовной ответственности в случае желания воевать за Россию.

Наблюдается несоблюдение ст. 2 Договора о коллективной безопасности, где напрямую изложен механизм действий участников в целях устранения возникших угроз безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств. Они незамедлительно приводят в действие механизм совместных консультаций с целью координации своих позиций, вырабатывают и принимают меры по оказанию помощи таким государствам-участникам.

Действия указанных выше стран оказывают негативное влияние на репутацию ОДКБ как международной организации,

¹ См.: О приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке иностранных граждан и лиц без гражданства, заключивших контракты о прохождении военной службы : указ Президента Рос. Федерации от 30 сентября 2022 г. № 690.

² Официальный сайт Посольства Кыргызской Республики в РФ. Информационное сообщение Посольства от 21 сентября 2022 года – [Электронный ресурс] – URL: <https://mfa.gov.kg/ru/dm/pkr-v-rf/news/20715> (дата обращения: 13.10.2022).

призванной осуществлять защиту государств-участников на коллективной основе. Сложившаяся ситуация выгодна странам-членам НАТО и может быть ими использована для подрыва региональной стабильности и мира. Ряд подобных инцидентов, если не придавать им должного значения, может послужить новым рычагом давления на Россию со стороны Запада. Помимо того, западные страны призвали все государства, международные организации выступить против признания референдумов о вхождении ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей в состав Российской Федерации¹.

Касательно стран-участников ОДКБ сложилась отрицательная картина. Министерство иностранных дел Казахстана в лице официального представителя Айбека Смадиярова заявило, что Астана не признает референдумы в ДНР и ЛНР, а также Херсонской и Запорожской областях.

Казахстан считает эти регионы самопровозглашенными государствами и военными администрациями, несмотря на то, что Россия признала их суверенитет и приняла обращение с просьбой о принятии в ее состав. Это является противоречием по отношению к Российской Федерации как к стране-участнику ОДКБ, так как в соответствии со ст. 2 Договора о коллективной безопасности, где четко прописано, что государства-участники будут консультироваться друг с другом по всем важным вопросам международной безопасности, затрагивающим их интересы, и согласовывать по этим вопросам позиции. Но, как мы видим, они достаточно противоречивы, а основы, заложенные в ДКБ, нарушаются на постоянной основе.

Еще одним примером является позиция остальных стран-участников ОДКБ. Армения, Белоруссия, Киргизия, Таджикистан не решаются признавать естественное волеизъявление народа, они заняли позиции воздержанности. Но согласно ст. 3 Устава ОДКБ целями данной Организации являются защита на коллективной основе

независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам².

В заключение стоит отметить, что Устав ОДКБ и Договор о коллективной безопасности носят рекомендательный характер и на практике не реализуются. Государства-участники не соблюдают положения Устава и Договора, понимая, что никакая ответственность за данные правонарушения не наступит. Действия стран-участников данного регионального военно-политического блока явно противоречат тем основам, которые были заложены в Уставе Организации Договора о коллективной безопасности, а также в действующем Договоре. Международное право и принципы теряют свои позиции. В такое тяжелое время, когда Россия борется за многополярный мир, равенство, права граждан, соблюдение международных принципов, страны ОДКБ должны ей оказывать необходимую помощь, не оставаться в стороне, а тем более не противодействовать этому, не признавая решения России.

Ответственность является необходимым юридическим средством обеспечения соблюдения норм международного права и восстановления нарушенных прав и отношений. Она выступает в качестве особого инструмента регулирования международных отношений и гаранта функционирования международного права. В связи с этим видится необходимым в кратчайшие сроки внести поправки в Устав ОДКБ и Договор, закрепив в нем ответственность за несоблюдение положений действующих нормативно-правовых актов, повлекших за собой гибель мирного населения и личного состава, ущерб инфраструктуре суверенной территории, тем самым реанимируя данную организацию.

Также необходимо преобразовать ОДКБ в аналог НАТО, то есть в междуна-

¹ См.: О референдуме Российской Федерации : федер. конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.).

² Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года (с изменениями на 8 ноября 2018 г.) : ст. 3 // База данных «Законодательство стран СНГ», 2022.

родную организацию с четким управлением войсками, постоянными базами на территории стран-участников. Рекомендуется ввести перечень непосредственно тех ситуаций, когда участники должны вмешаться и привести в действие коллективные механизмы по защите территориальной целостности.

Кроме того, Российская Федерация должна взять на себя обязательство координационного государства, сформировать коллективные силы и задавать вектор политики. Важно сформировать внутри Организации единую политику, придерживаться единых, схожих взглядов, ведь угроза постсоветскому пространству достаточно велика.

Библиография

1. Байжанов, Е.А. Международно-правовая ответственность государства / Е.А. Байжанов // Science Time. — 2019. — № 3.
2. Бартош, А.А. Невоенные угрозы ОДКБ / А.А. Бартош // Армия и общество. — 2014. — № 2.
3. Игнатьева, И.В. Международная безопасность и актуальные проблемы ее обеспечения / И.В. Игнатьева // Глаголь правосудия. — 2017. — № 2 (14).
4. Меньшенина, Н.Н. Международное право : учеб. пособие / Н.Н. Меньшенина; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016.
5. Москалькова, Т.Н. Парламентская Ассамблея ОДКБ / Т.Н. Москалькова; Федеральное Собрание Российской Федерации, Гос. Дума. — Москва : Изд. Гос. Думы, 2014.
6. Павленко, Н.Р. Геополитические последствия распада СССР для мира / Н.Р. Павленко // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2018. — № 12 (28).